

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ IV.

ЗАБАВЫ.

I. ИГРЫ. II. ХОРОВОДЫ.

Сост. А. Перещенки.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВОЕННО-УЧЕБНИХЪ ЗАБАННІЙ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 4 марта 1846
года.

Цензоръ А. Фрейманъ.

I. ИГРЫ ДѢТСКІЯ. II. ИГРЫ ДѢВЧИЕСКІЯ. III. ИГРЫ МУЖЕСКІЯ и IV. ИГРЫ ОБОЕГО ПОЛА.

Вступленіе. I Игры дѣтскія: сорока, лошадка, перегонка, клѣпки, пень, теревить ность, ярка, хлопаніе и хлопунка, куклы, голубь, горобецъ, волкъ и гуси, строй волкъ, мышка, крыночка, сучка, клюкъ, шнуръ, веревочка, бумажный змѣй, рыба, тюзики, орѣшекъ, терять, ласы, снѣжныя изображенія, волчокъ — II Игры дѣвчїескія: макъ, горьлки, лычки, сижу посижу, безъ соли соль, жмурки, котики, первенчики, корабль съ мельницей, колечко, камешки, колышки, кумки, коза, огарушекъ, скачка на доскѣ, запуски, четъ и нечетъ, обручъ, бирюльки. III. Игры мужескія: мячъ, мячъ объ землю и объ стѣну, летучій мячъ или воланъ, воробьи, пытка, свайка, ножикъ, мушка, чушки, чижъ или чижики, кандалы, шаръ или касло, вѣтчинка, бабки, чеканчики или жожки, альчикъ, пыжъ, скрагли, скляпъ, кегли, сконердинъ, пурка, рай, тычка, чекарда, городки, крегли, буй, простѣнокъ, орлянка, кости или зерна, перетягиваніе веревкою, гусекъ, шахматы, шашки, ломка пряниковъ, борьба, кулачный бой. IV. Игры обоего пола: ужище, колючки, жгутъ, король (литовскій), бружась, медвѣдь, драгунъ, вѣчикъ, дергачъ, король (малороссійскій), взвѣшиваніе соли, кружокъ, кончики, ланта, столбики, коршунъ, воронъ, рѣдка, веревочка, яша, рекрутскій наборъ, курилка, игра имепами, игра въ птицы, воробей, почта, синонимъ, кухня, весь туалетъ, кошкышки, пошолъ рубль, охъ болить, мостъ мостить, азбу-

Часть IV.

ка, молчаніе, къ чему бы употребили меня? — чему уподобить? — прошколить, вотъ моя корзина, нѣмой концертъ, осужденный, птичій охотникъ, перчаткой играть, дорожные, сочинитель, носъ, засѣданіе; хорошъ пригожъ, жениться хочу, или: хороша пригожа; замужъ хочу, сосѣды; продажа холста, костыль, цвѣтъ, качели, катанье съ горъ и на саняхъ, карты.

И Г Р Ы.

Не возможно представить въ стройномъ порядкѣ, по-<sup>Вступле-
ніе.</sup> всемістныя наши забавы: онѣ такъ многочисленны и перемѣнчивы, что трудно собрать ихъ въ одно, подвести подъ одинъ уровень увеселеній, чтобы вывести объ нихъ общее заключеніе. — Простой народъ, сохраняя предковъ повѣрья и обычаи, слѣлъ ихъ съ привычками своими. — Иностранцы весьма превратно изображали наши игры: не зная нашего языка, и мало заботясь о вѣрности изложенія, они включали въ свои дневники, все безъ разбора. — Довольно взглянуть на нѣсколько современныхъ извѣстій иноземцевъ, чтобы убѣдиться о ихъ невѣжественномъ описаніи: Окруживъ себя книгами иностранными, незаслуживающими довѣрія, они выписываютъ изъ нихъ, что имъ вздумается, и говорятъ, какъ бы сами все видѣли. — Забавы нашего народа, отраженіе истиннаго и неподдѣльнаго ихъ веселія, не иначе могутъ быть описаны, какъ съ дѣйствительной картины ихъ жизни.

Въ теплое время собираются предъ домомъ мушкетеры и женщины, молодые и дѣвушки. Сначала мушкетеры привѣтствуютъ другъ друга, снятіемъ шапки съ головы, а женскій полъ встрѣчаетъ ихъ улыбкою, или вопросомъ о здоровьи; потомъ садятся рядомъ на лавкѣ у

дома. Если бы не достало мѣста для женщинъ, то самыя старики встаютъ и просятъ ихъ садиться. Женщины уважаются повсюду, во всѣхъ состояніяхъ. Молодые перешепчиваются между собою, старики усмѣхаются и говорятъ имъ, съ простосердечнымъ хохотомъ, что ихъ подслушали. Тогда начинается разговоръ живѣе, бесѣда откровеннѣе и перестаютъ чуждаться; подступаютъ ближе другъ къ другу, и дѣлаютъ общій кругъ. Является балабайка, и всѣ раздвигаются. Дѣвушки ожидаютъ съ нетерпѣніемъ приглашенія. Вездѣ дѣвушки начинаютъ первыя, и вездѣ онѣ съ своими правами. Молодецъ, который всѣхъ посмѣлѣе, выступаетъ впередъ, и снявъ шапку, проситъ красавицу повеселиться съ нимъ. — Все общество въ праздничныхъ нарядахъ: мушкетеры въ кафтанахъ, съ отворотомъ красной рубашки и въ шанкѣ набекрень. Дѣвушки въ сарафанахъ, съ длинными рукавами бѣлой рубашки и бѣлымъ платкомъ въ рукѣ. — Еще не начинается пляска, а только заохочиваются къ ней. Тутъ мальчики мѣшаютъ всѣмъ: они отвлекаютъ общее вниманіе своею бѣготнею и играми, въ коихъ нерѣдко принимаютъ участіе и взрослые. — Дѣвушки расходятся, образуютъ свой кругъ, и замышляютъ о своихъ забавахъ: женатыя отдѣляются отъ нихъ, идутъ въ сторону; одни старые остаются предъ домомъ, и ведутъ разговоры о своихъ занятіяхъ: все расходится, и казалось бы веселію конецъ. Тутъ-то оно начинается: рѣзвые и беззаботные шалуны, затѣваютъ своихъ лошадокъ и запуски; парни сбиваютъ городки, дѣвушки скачутъ на доскахъ. Когда поразвеселятся, тогда затѣваются общія игры, въ которыя не принимаютъ только дѣтей; послѣднія не жалѣютъ объ этомъ, потому что онѣ имѣютъ свои собственные, имъ однимъ принадлежащія. Но дѣвушки и мушкетеры, кромѣ общихъ забавъ, имѣютъ такъ же свои

отдѣльныя: тогда парни не вѣшваются въ дѣвическія, а дѣвушки въ мужескія игры.—Полъ и возрастъ отдѣляется другъ отъ друга, а потому проистекаетъ само по себѣ естественное раздѣленіе игръ.

1. ИГРЫ ДѢТСКІЯ.

Дѣтскій возрастъ любитъ беззатѣйныя, не хитрыя игры; но въ нихъ скрывается или поученіе или выраженіе ихъ возраста.

Сорока повсемѣстная забава. Ею веселятъ ребенковъ Сорока. и маленькихъ дѣтей. — Матери или няньки, посадивъ ребенка на свои колѣни, или поставивъ его подлѣ себя, перебираютъ по пальцамъ дитяти и ласкаютъ, чтобы оно не плакало, приговарывая: сорока, ворона, дѣтямъ кашку варила: одному дала, другому дала, — и засчекотавъ подъ мышкой, произносятъ скоро: а третьему не дала. Сорока улетѣла! — Въ Малороссіи говорятъ: сорока, ворона, на припичку сидела, дитямъ кашу варила; одному дала, другому дала, сѣму дала, сѣму дала, а сѣму не дала, — гай! гай! сорока улила. — Засчекотавъ ребенка, пробуждаютъ въ немъ смѣхъ и послѣ заставляютъ его повторять тоже самое. — При успѣшномъ повтореніи дитяти, цѣлуютъ его всякой разъ. — Эту забаву продолжаютъ, пока дитя развеселится.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ: сорока, ворона, дѣтямъ кашу варила, на порогѣ студила. Тому дала, тому дала, тому шейку урвала, и полетѣла! — Суха суха!... Забавляютъ еще такъ:

Сорока, сорока, кашку варила; на порогѣ скакала, гостей смѣкала. Гости на дворъ, кашку на столъ; гости со двора, кашка со стола. Этому дала, этому не

дала; этому досталось, этому не досталось: который малъ, который дрова не таскалъ, который вѣчку не топилъ, который щи не варилъ, который за водой не ходилъ. Шу, полетѣла! и хвостикомъ заворотѣла.

Ладушки, ладушки! гдѣ были?—У бабушки? кушали аладушки. Что ѣли? — Кашку. — Что пили? — Бражку. — Кашка слатенька (сладѣнька), бражка пьяненка.— При закачиваніи дѣтей поютъ протяжнымъ голосомъ:

Воркуй, воркуй голубчикъ,
 Воркуй сизенькой.
 Дворомъ летишь, воркуешь;
 Шатромъ летишь, слушаешь.
 А кто въ шатръ говоритъ?
 Говоритъ въ шатръ
 Братъ со сестрой,
 Родимой со родимой. —
 Сестрица моя родимая!
 Пойдемъ гулять,
 Во зеленой садъ.
 Сорвемъ въ саду по пвѣтку,
 Совьемъ себѣ по вѣнку.
 Понесемъ вѣнки къ батюшкѣ,
 Къ родимой матушкѣ.
 Сударь ты мой, батюшка,
 Сударыня ты моя, матушка
 Которой вѣнокъ алые?
 Которой изъ насъ милые? —
 Дитя мое милое!
 Всѣ вѣнки алые,
 Всѣ дѣти милые. —

Иногда забавляютъ дѣтей причитаніями:

У котика, у ката,
 Была мачиха;
 Она была ката,
 Приговаривала;

На всѣ стороны,
 Кота оборачивала.
 Дайте коту папы,
 На заднія лапы. —
 Ъшь котикъ, — не кроши;
 Больше папы не проси. (*)

(*) Въ Поляхъ приговариваютъ дѣтямъ :

Tu tu kokoszka, jagelki war-
 zyła,
 W dziobek się sparzyła :
 Temu dała, temu dała.
 Tamtemu łepk urwała,
 I het pojęciała,
 Do rzęczki.

—
 Poleciała do paproci
 Wygrzebiała troje dzieci:
 Pierwsze woła gnać.
 Drugie poganiać,
 Trzecie siędzi na kamieniu,
 Trzyma dudki na ramieniu:

—
 Biegła mysz,
 Zjadła knysz.
 Tu tu siadła,
 Knysza zjadła.

—
 Myszko, myszko! gdzieś
 była?

—
 U babki.
 Coś jadła?
 Ochląpki (ostatki).
 A czemuś nie przyniosła?
 Bom zapomniała.

Myszka, myszka poszła do
 laska,

Złapała ptaszka,
 Nikomu go nie dała,
 Sama go ziodła.

—
 Kowalu, kowalu! podkuj
 mnie buty.

Poczekaj Muspanie,
 Niech ognia dostanie. —
 Stuk, stuk, stuk.

—
 Iedzie pan, pan,
 Na koniku sam, sam.
 Iedzie żyd, żyd,
 Hotata! hotata!

Iedzie chłop, chłop
 Z konika hop, hop.
 Golebow. Gry i zabaw. etc,
 ed. Warsz. 1831 г., ч. 3.
 с. 7—10.

У венгерскихъ Словаковъ
 наша серока известна подъ
 именемъ дѣтской кашы. Ма-
 ма или нянька, взявъ ручку
 дитяти, бьетъ указательнымъ
 пальцемъ по его ладони или
 крутитъ пальцемъ по ладони,
 представляя этимъ, что она

Лошадки. Въ праздничные дни, особенно лѣтомъ, всегда и повсюду встрѣтите мальчишекъ съ веревочками въ зубахъ, бѣгущихъ по два или по три, схватясь за руки, представляя изъ себя лошадокъ. Ими править бой — кучерь, который неумолчно хлопаетъ плетью и кричитъ на нихъ. Эта игра есть одна изъ любимыхъ для крестьянскихъ дѣтей. Въ деревнѣ едва станеть ходить мальчикъ, уже онъ возитъ истоптанный лапотъ или ѣздитъ верхомъ на палочкѣ; поитъ своего коня, ставитъ его въ конюшню, даетъ ему овса и чиститъ его. Когда можетъ уже бѣгать по улицѣ, тогда онъ съ восторгомъ снаряжаетъ тройку, которая иногда впрягается въ тележку, и на ней помѣщается кучерь. — Тройка бѣжитъ сначала тихую рысью, потомъ несется, бьетъ и опрокидываетъ повозку. Ушибенный кучерь забываетъ о своей боли: онъ бѣжитъ за лошадьми, оставивъ ихъ, гладитъ каждую по головкѣ и внимательно разсматриваетъ: не засѣ-лась ли которая? — Намачиваетъ имъ ноги водою, а о себѣ не думаетъ — Эта игра выражаетъ страсть ямщиковъ къ своему занятію.

Играютъ въ лошадки еще проще: садятся мальчики

мѣшаетъ кашу, и приговариваетъ за каждымъ разомъ :

Наварила мамичка кашички,

Подьте семь, подьте семь, мои дѣточки!

Тому то дала на миштинку,

Тому то на панвичку,

Тому то на тапѣрнѣ,

Тому то на лыжечку,

Тому то на видличку.

А тому то наименьшему ничъ не дала,

Але му прасятко заклала :

Кикъ! кикъ! кикъ!

Kollar: *Národn. zpiew.* ч. I. с. 315.

и дѣвочки вертѣтъ на палочкѣ, и воображая себѣ, что онѣ ѣдутъ на лошади, зауздымають ее шнурочкомъ или веревочкою, хлещутъ плетью, а за немѣнѣемъ ее, тонкимъ прутикомъ, сворачивають свою головку на сторону, скачуть галопомъ, или во всю прыть, и кричатъ: пошелъ! пади!—Дѣвочки не такъ охотно развѣзжаютъ на лошади, какъ мальчики, обнаруживая собою ея дѣтства, что это не свойственно ихъ полу, — потому онѣ предоставляютъ ѣздить мушкетерамъ. —

У дѣтей болѣе взрослыхъ, составляетъ любимую еще Перегонка. забаву, — бѣганье въ перегонку. Играющіе перегоняють другъ друга, и кто кого перегонитъ, тотъ хвалится съ самодовольствіемъ. Въ этой игрѣ принимаютъ участіе дѣвушки. — Перегонка служитъ къ тѣлесному укрѣпленію и развитію проворства. — Эта игра называется въ Малороссіи *выпередки*.

Дѣти, которымъ запрещено отлучаться отъ дома, Клѣцки. собираются подлѣ воротъ и играютъ въ клѣцки. Образовавъ изъ большаго и указательнаго пальцевъ кругъ, пропускають сквозь него свою слюну. — Кто пропускаетъ слюну, уронить ее на какой либо палецъ, тотъ получаетъ названіе *клѣцки*. — Тогда всѣ начинаютъ дразнить его: клѣцка, клѣцка; прокислая клѣцка, клѣцка! — Онѣ бѣгають за ними и ловить; кого поймаетъ, тотъ дѣлается клѣцкою, который потомъ ловить ихъ точно также, какъ и первый. Игра продолжается, пока не набѣгаются вдоволь. — Она составляетъ одну шалость дѣтей.

Дѣти обоюго пола взбираются на новыя избы, имѣ Пов.ющія одинъ только потолокъ, или на другое какое либо зданіе съ однимъ потолокомъ. Вскрабавшись по лѣстницѣ, становится четверо по угламъ, а пятой, ставъ по срединѣ, прыгаетъ на обѣихъ ногахъ и поетъ :

Пень, пень, дай конопель.
Трещку, горанку, —
Масла съ ложку.

При последнемъ словѣ всѣ мѣняются мѣстами, пень же старается захватить чіе бы то ни было мѣсто, потерявшій же его играетъ пня. Игра продолжается, пока она не наскучитъ; но кто остался въ послѣдній разъ пнемъ, тотъ долго носить это названіе. Игра въ пень, хотя есть дѣтская рѣзвость, однако ею выражается дурачекъ. —

Теребить
нось.

Дѣти шалуны, наскучивъ какой-либо игрою, бросаются другъ на друга, толкають, кричатъ, бѣгаютъ, падаютъ, ушибаются, — этого мало, этого имъ не довольно: онѣ ищутъ другихъ ощущений. Кто порѣзвѣе, тотъ вызываетъ къ новой забавѣ, — теребить носъ. Становятся другъ противу друга, и кричатъ: начинай! — Нѣтъ ты начинай. — Тутъ одинъ начинаетъ спрашивать, а другой отвѣчаетъ ему. — Чей носъ? — Савинъ — Гдѣ былъ? — Славиль — Что выславиль? — Копѣйку. — Куда дѣлъ? — Пряникъ купилъ. — Съ кѣмъ съѣлъ? — Одинъ. — При этомъ словѣ спрашивавшій хватаетъ за его носъ, подергиваетъ во всѣ стороны, приговаривая: не ѣшь одинъ, не ѣшь одинъ. — Если подергиваемый скажетъ тогда: съѣлъ съ тобой, — то носъ его оставляють въ покоѣ. — Случается, что не отвязчивые шалуны, до того наклеиваютъ носы, что долго, долго помнятъ ихъ. — И кто забываетъ носы? Многія водятъ за носы, а многія натягиваютъ ихъ такъ дланно — что вашъ нѣмецкій! —

Эта игра по видимому ничего не объясняетъ собезу, но вникнувъ въ нее, видимъ носы, которые слышатся безпрерывно: то за нѣжные вздохи и любовныя дѣлишки, то за дурачество и житейскіе промахи, — од-

ниги словомъ повсюду носы, — кто не получалъ ихъ?—
Обращаюсь къ вамъ, не сердитесь за носъ. Безъ носа
нельзя быть. — Безъ носа только дурные люди, —
Фи! — Носъ! носъ! дайте носъ: безъ носа никто не
можетъ жить.

Дѣтомъ, собравшись мальчики вмѣстѣ, выходятъ на ярка.
поляну. Тамъ копаютъ въ одинъ рядъ нѣсколько ямочекъ,
разстояніемъ одной отъ другой на два вершка, а въ
концѣ ямочекъ дѣлаютъ одну большую. Одинъ изъ иг-
рающихъ катитъ чрезъ ямочки въ большую яму мячъ,
который, въ чьей остановится, тотъ подвергается по-
смѣянію: становятъ его на колѣна, ерошатъ ему го-
лову и поютъ ярку:

Ярка, не ярка,

Баракъ, не баранна:

Старая овечка да не ярочка.

Вотитель, вотитель! выше города плетень,

А на томъ плетвѣ, кузнецы куютъ;

Кузнецы куютъ, по головкѣ бьютъ.

Съ послѣднимъ словомъ, ударивъ мячикомъ по голо-
вѣ, разбѣгаются въ сторону. Тотъ схватываетъ мячъ и
бросаетъ въ бѣгущихъ; кого зашькетъ, тотъ долженъ
катать мячикъ. Если сдѣлаетъ промахъ, то долженъ
катать снова. — Нападеніе враговъ на безсильнаго
и беззасчитность послѣдняго, — не вездѣ ли между
людьми? —

Каждый мальчикъ и каждое дитя, какъ только рас-
пустятся у деревьевъ и цвѣтовъ листья, срываетъ ихъ для
своей забавы: листъ прикладываетъ къ своимъ губамъ и
втянувъ въ себя, разрываетъ пополамъ, производя этимъ
громкое потрясеніе въ воздухѣ, на подобіе отдаленнаго
выстрѣла. — Этотъ трескъ такъ нравится дѣтямъ, что

Хлопаніе и
хлопушка.

онѣ ходять по нѣскольکو вмѣстѣ и шелкають поминутно, стараясь другъ предъ другомъ выказать свое искусство.

Поэтъ Анакреонъ воспѣлъ эту забаву, которая была любимую у Грековъ.

Свертываютъ еще листъ бумаги трехугольникомъ и хлопають имъ по воздуху, —ходя и бѣгая. Дѣти любятъ пугать хлопущою мухъ, особенно имъ нравится хлопать неожиданно по идущимъ. — Гулъ отъ свернутой бумаги, раздается довольно сильный.

Въ обѣихъ этихъ забавахъ, выражается склонность дѣтей къ военнымъ занятіямъ.

Куклы. Дѣлають изображенія деревянныя, представляющія дѣвушекъ, мальчиковъ, ребенковъ; всѣхъ ихъ наряжаютъ въ платья и дарять дѣвочекъ, которыя нянчатъ свои куклы, ходять съ ними въ гости, или сами угощаютъ ихъ.

Эта игра составляетъ пріятное препровожденіе времени для дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ приучаетъ дѣвушекъ съ малолѣтства видѣть, въ себѣ самыхъ, будущихъ матерей. Подъ куклами онѣ воображаютъ своихъ малютокъ, а себя мамками, няньками и матерями. Сколько для нихъ слезъ, если увидятъ, что кто нибудь ударить ихъ куклу! Онѣ рыдаютъ по нихъ, какъ нѣжныя матери по дѣтямъ.

Голубь. Одно изъ проворныхъ дѣтей выбирается ястребомъ на всю игру, или до ухода перваго голуба. Въ первомъ случаѣ онъ называется *вѣчный*, а во второмъ съ *хвостикомъ*. Играющіе избирають изъ своей среди голуба и голубку, а всѣ прочіе составляютъ однихъ птенцовъ. Голубъ летить собирать корму, голубка ожидаетъ его съ дѣтьми. Птенцы просятъ хлѣба, но его нѣтъ; они голодаютъ, бродять и пищать. — Прилетаетъ самецъ и дѣлитъ между ними пищу. — Дѣтки уже подросли; имъ не хочется сидѣть дома; онѣ пускаются летать по свѣту. Но повсюду есть враги, особенно для счастливаго семейства. Летитъ ястребъ и устремляется на нихъ. — Онъ

похищаетъ дѣтей по одиночкѣ: голубь и голубка тоскуютъ. Ястребъ, не довольствуясь расхищеніемъ малютокъ, поражаетъ сначала самца, потомъ самку, — и тѣмъ довершаетъ истребленіе цѣлаго семейства. Бываетъ, что голубь убиваетъ ястреба, — но если онъ не одолѣетъ его? — Тогда ястребъ развертываетъ всю свою люто-сть, — выраженіе мстительнаго врага, — поражаетъ его въ голову, рветъ перья и распускаетъ повѣтру.

Разспалѣвшіяся въ этой игрѣ дѣти, хватаются крѣпко за платья и рвутъ другъ на другѣ, не замѣчая этого.

Голубь и голубка съ своими птенцами, высказываютъ собою несчастное семейство, страдающее отъ лиходѣевъ; семейство беззащитное, которое разоряютъ всякими неправдами.

Игра эта малороссійская; въ нее играютъ преимущественно мальчики. Составивъ кругъ изъ трехъ или болѣе паръ, берутся за руки и двигаются въ одну сторону, припѣвая:

Горо-
боекъ.

Горобичко шпачку, шпачку!
 Чы бувавъ ты въ садку, въ садку?
 Чы бачывъ ты, якъ макъ сіють?
 Якъ макъ сіють, якъ макъ сіють!

Пропѣвъ это, движущіеся останавливаются: мальчи-ки обращаются другъ къ другу и сжавъ кулаки, размахиваются, какъ бы сѣютъ макъ, и бьютъ въ тактъ по бокамъ другъ друга по три раза, съ припѣвомъ:

Оце такъ макъ сіють. 3. р.

Потомъ составляютъ прежній кругъ и двигаются по прежнему, припѣвая:

Горобичко шпачку, шпачку!
 Чы бувавъ ты въ садку, въ садку?

Чы бачывъ ты, якъ макъ цвѣте?
Якъ макъ цвѣте, якъ макъ цвѣте!

Кругъ разрывается, мальчики обращаются другъ къ другу, и ударяя по щекамъ три раза : то правой то лѣвой рукою, припѣваютъ :

Оце такъ макъ цвѣте. 3- р.

Опять становятся въ прежній кругъ и движутся по прежнему, припѣвая:

Горобничко шпачку, шпачку!
Чы бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чы бачывъ ты, якъ макъ трусятъ?
Якъ макъ трусятъ, якъ макъ трусятъ!

Послѣ этого быстро разрываютъ кругъ, бросаются другъ на друга, схватываются за чубы, сталкиваются головами и припѣваютъ:

Оце такъ макъ трусятъ. 3 р.

Въ это время трусятъ другъ друга не на шутку, — только что не летятъ волоса. Смыслъ этой игры: потѣха до ошутительныхъ увеселеній, Молодость не любить тихихъ удовольствій: ей давай, чтобъ лобъ трещалъ, волоса летѣли. —

Еще поютъ иначе :

Шпачку, шпачку, воробичку!
Чы бувавъ же ты въ мячку, въ мячку?
Чы выдавъ же ты, якъ макъ сіють?

Отъ такъ, такъ, сіють макъ.

Морковочку, постарнакъ.

Шпачку, шпачку, воробенчку!

Чы бувавъ же ты въ мачку, въ мачку,

Чы выдавъ же ты, якъ макъ полють?

Отъ такъ, такъ, полють макъ,

Морковочку, постарнакъ.

Шпачку, шпачку, воробенчку!

Чы бувавъ же ты въ мачку, въ мачку!

Чы выдавъ же ты, якъ макъ товчуть.

Отъ такъ, такъ, макъ товчуть,

Морковочку, постарнакъ.

Нѣсколько дѣтей становится въ одинъ рядъ, съ на- Волкъ и гусь. званіемъ гусей, и держутся за полы платья другъ у друга; впереди ихъ стоитъ бойкой мальчикъ, съ на- званіемъ гусака: онъ защищаетъ прочихъ гусей отъ нападенія волка, который старается унести гусь или гусенька. Волкъ не можетъ хватать ни изъ середины, ни изъ первыхъ, но долженъ увоситъ изъ конца. Онъ бѣгаетъ дотолѣ, пока не разстроитъ рядъ и не схватитъ съ конца, и такимъ образомъ продолжаетъ перекладывать. Потомъ нападаетъ на самаго гусака, и терзаетъ его. — Эта игра выражаетъ значеніе голуба. — Она преимущественно въ употребленіи на Литвѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи и Малороссіи. —

Избранный волкъ садится на бугоркѣ и думаетъ, какъ Сѣрой волкъ. бы унести овечку изъ стада, которое, разсыпавшись по полю, счиляетъ себѣ травку спокойно. Когда волкъ бросается на овечь, тогда онѣ разбѣгаются во все стороны; пойманная имъ овечка, играетъ уже сѣраго волка. — Иныя играютъ еще такъ: когда овечки счиляютъ травку, тогда приговариваютъ: шиплю травку, сѣрому волку; сѣрому волку на лопатку, — и бросаютъ ему въ глаза. Разсер-

женный волкъ бросается на стадо, и терзает пойманную овечку. (*)

Много на свѣтѣ людей, подобныхъ волкамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ смоленской губерніи, играютъ въ сѣраго волка еще иначе. Дѣти выбираютъ изъ среди себя волка и хозяйку: оба они должны быть проворные и смѣтливые. Остальныя дѣти представляютъ собою гусей. Хозяйка гонитъ ихъ въ поле, и потомъ возвращается домой. Волкъ садится на дорожку, — хозяйка, спустя нѣсколько времени, сзываетъ гусей: гуси, лебеди, домой! — Гуси, выстроившись въ рядъ, кричатъ: боимся! — Чего? — Волкъ подъ горой — Что онъ тамъ дѣлаетъ? — Сѣренскихъ, бѣленькихъ щиплетъ — Хозяйка не вѣритъ гусямъ, и кричитъ разсердившись: домой! Онѣ бросаются летѣть, но волкъ перехватываетъ кого можетъ, а прочія гуси прилетаютъ домой. —

(*) Въ Польшѣ тоже играютъ въ сѣраго волка, только что тамъ, вместо овецъ, занимаютъ мѣсто гуси. Волкъ сидитъ по среди пасущихся гусей, копаетъ землю и разводитъ огонь. Мать съ гусенками, обходитъ его нѣсколько разъ, и потомъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ:

Гусь. Na co ten dołeczek?
 Волк. Na ognieciezek
 Гусь. A ten ogienieczek?
 Волк. Na wody grzanie.
 Гусь. A ła woda?
 Волк. Na talerzykow umywanie.
 Гусь. A te talerzyki?
 Волк. Na gazy krajanie,
 Гусь. A gdzie je masz?
 Волк. U ciebie za pasem.

Сказавъ это, волкъ бросается на послѣднюю или крайнюю гусь. — Goleb.: Grzy i zabaw., etc. ed. Warsz ч. 3, с. 69 и 70,

Хозяйка снова отправляет ихъ въ поле, и потомъ снова приказываетъ возвратиться домой. Волкъ опять пере-хвачиваетъ гусей, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не переловитъ всѣхъ ихъ и тѣмъ оканчивается игра. — Въ Малороссіи эта игра извѣстна, подъ именемъ гусей. Изъ играющихъ избирается волкъ и хозяйка, остальные играютъ гусей. Волкъ сидитъ гдѣ набудь въ сторонѣ; а хозяйка, избравъ мѣсто для своей хаты, гонитъ въ поле гусей со двора. Когда отойдутъ гуси на довольное разстояніе, тогда зоветъ хозяйка:

Хоз. Гуси до дому!

Гус. Вивкъ за горою.

Хоз. Що робить!

Гус. Гуску скубе.

Хох. Якую?

Вол. Сиру, да билу, да волохнату.

Хоз. Скорій же мои гуси до хаты.

Гуси летятъ домой, волкъ бросается ловить, и если поймаетъ какую либо, то ведетъ ее въ свою нору.

Хозяйка опять гонитъ въ поле гусей, и опять зоветъ ихъ по прежнему. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока волкъ не переловитъ всѣхъ. Тогда хозяйка идетъ искать гусей своихъ, и заходитъ къ волку.

Хоз. Здоровъ куме.

Вол. Здравствуй кумо.

Хоз. Чи не бачывъ моихъ гусей?

Вол. А яки твои гуси?

Хоз. Була сира, булы й билы, да зъ двора десь залетили; ось вже третій день шукаю.

Вол. И не бачывъ, и не знаю.

Хозяйка хочетъ идти, но волкъ останавливаетъ ее: вернись кумо, побалакаемъ. Хозяйка останавливается, слышитъ пискъ и сыченіе гусей:

Часть IV.

Хоз. Що се смычть кумо?

Вол. Да се кумо, лёнъ товчуть.

Хозяйка идетъ домой, волкъ опять останавливается: кумо побалакуемо. Хозяйка остается, и слышитъ гуси хлопають крыльями.

Хоз. Шо се такъ кумо?

Вол. Се плаття перуть.

Хозяйка идетъ, волкъ снова: да постій кумо, побалакуемо. — Хозяйка остается и слышитъ крикъ гусей. Она оборачивается въ ту сторону, гдѣ слышитъ крикъ и спрашиваетъ:

Хоз. А се що кричить, кумо?

Вол. Се гуси прилетѣли. —

Иди подьвись; може тутъ и твои е!

Хозяйка отправляется смотрѣть, и видитъ своихъ гусей. Всѣ онѣ сидятъ, спѣвившись руками. — Познавай кумо, де твои гуси. — Хозяйка разнимаетъ руки и говоритъ: оце мій, оце мій, а, крый Боже! оце тунька вси мои. — Сирый вивкъ, шобъ ты сгинувъ! — Она гонитъ своихъ гусей домой, и тѣмъ прекращается игра, но ее начинаютъ снова, если захотятъ.

мышка. Дѣти избирають изъ своей среды водыря, а прочія, съ названіемъ мышекъ, стѣновятся по угламъ около дому, или другаго зданія. Въ ивыхъ мѣстахъ Россіи, мышка избирается изъ того, кто скажетъ нечетъ, и этотъ нечетъ занимаетъ уголь. Нечетовъ не должно быть много. Водырь, а въ другихъ мѣстахъ онъ называется котъ, ищетъ себѣ такъ же уголь, потому подходитъ къ каждому и говоритъ: мышка! — вродай

уголь. Ему отвѣчаютъ: не продамъ.—Когда ему скажутъ: обернись задомъ, тогда онъ высматриваетъ себѣ мѣсто и старается захватить чей нибудь уголь. Въ то время мышки перебѣгаютъ изъ угла въ уголь, и спѣшатъ не допустить къ нему водыря. Лишившаяся мышка угла, дѣлается водыремъ или котомъ.

Кто хитеръ, тотъ живетъ въ чужомъ углѣ, какъ въ своемъ.

Предметъ ея: крыночка съ молокомъ, котъ, котова ^{крыноч-}бабушка и дѣти, — все это доставляетъ удовольствіе ^{ка.} дѣтскимъ проказамъ. Дѣтямъ хочется полакомиться молокомъ, но старая женщина, котова бабушка, сторожить молоко. Дѣти ласкаются около котовой бабушки, посматриваютъ на молоко, — старушка ворчитъ; котъ изкося поглядываетъ и грозитъ запустить въ нихъ свои когти. Они выманиваютъ его изъ избы. Дѣти хитрятъ: одинъ изъ нихъ скрывается на палати, а другія начинаютъ со старушкою разговоръ. — Бабушка, гдѣ твой котикъ? — Помелъ голодать кости, на поповъ дверь. — Бабушка, а это чья нога? — Вора-плута, Наталья жениха. — Бабушка хочешь ли въ нашу баньку? — Какая у васъ банька, идите себѣ прочь. — Не сердись бабушка: у насъ банька каленная; топтали молодцы семь дней, а пару въ ней для семи деревень. — А какой вѣничекъ? — Вѣничекъ-то изъ шелку шамаханскаго. — Бабушка идетъ въ баню; дѣти привимаются за молоко и разбиваютъ крыночку. — Бѣжитъ котъ и мяучить. — Почула бѣду бабушка, и она бѣжитъ. Дѣти уходятъ; бабушка гонится за ними съ сѣрымъ котомъ. Первый словленный дѣлается котовою бабушкою, а второй котомъ. Потомъ опять начинается игра, въ прежнемъ порядкѣ.

Все въ жизни ищетъ удовольствій и наслажденій, и

потому для пріобрѣтенія ихъ, не рѣдко употребляютъ обманы и хитрости.

Сучка. Выкапываютъ не болѣе въ полѣ аршина яму, называемую сучка, которая представляетъ собою городъ. По краямъ ямы дѣлаются для каждого игрока небольшія ямки, называемыя лунки, представляющія дома жителей. — Одна половина игроковъ, какъ защитники своего города, вооружаются вмѣсто оружія палками. Другая половина, избравъ изъ среди себя вожатаго, идетъ съ нимъ на городъ. — Избраніе вожатаго совершается съ воинскою хитростью. — Ставятъ палку на ногу и бросаютъ ее вверхъ. Чья палка падетъ отъ сучка дальше, тотъ игрокъ; чья ближе, тотъ вожатой. Игроки становятся у лункахъ своихъ, съ опущенными палками. Вожатый бросаетъ палку въ сучку, произнося: *всы*; защитники города спѣшатъ отбить ее. Вожатый, попавшій въ сучку, смѣняется другимъ и преимущественно тѣмъ, который, стараясь отбить сучку, оставилъ свою лунку. — Игра эта наклоняетъ дѣтей къ военному упражненію. — Мнѣ случилось видѣть, что въ нее играли довольно взрослые парни.

Въ смоленской губерніи употребляется сучка болѣе осенью. Дѣлаютъ изъ лыкъ или дерева шаръ. Выбравъ ровное мѣсто, начерчиваютъ на немъ кругъ, а въ срединѣ и по окружности круга, вырываютъ ямки произвольной глубины. Однако наблюдаютъ, чтобы вырытая въ срединѣ ямка, была бы всѣхъ болѣе. Каждый, участвующій въ игрѣ, занимаетъ только свою ямку; но тотъ, кто по собственной волѣ или по жребію остался внѣ круга, тотъ катитъ шаръ, стараясь попасть въ какуюнибудь ямку; стоящіе подлѣ нихъ, отбиваютъ сучку. — Во время отбоя, катающій шаръ долженъ занять чье бы то ни было мѣсто; потерявшій его, выходитъ за кругъ и исполняетъ работу перваго. Когда шаръ по-

падетъ въ ямку посреди круга, тогда всѣ должны перемѣниться мѣстами, и кто потеряетъ его, тотъ отправляется катать шаръ. При этой игрѣ требуется ловкость и проворство, какъ и при первой.

Отрубокъ дерева въ четыре вершка, или нѣсколько побольше, называется кліокомъ. Его ставятъ въ кружкѣ, незываемомъ поле. Играющіе конаются на палкѣ: чья рука будетъ выше, тому первымъ бить кліокъ; а чья ниже, тому пасти его въ полѣ. Отъ поля отмѣривается условленное разстояніе, которое отмѣчается чертою; изъ за нее начинаютъ бить, а пасущій ставитъ всякій разъ сбитый кліокъ. Кто попадетъ въ него палкою, тотъ беретъ ее съ собою; а кто не попадетъ, тотъ оставляетъ ее лежать, гдѣ она упала. По окончаніи сбиванія, пасущій бросаетъ кліокомъ въ одну какую нибудь, изъ лежащихъ за полемъ паку, и въ чью попадетъ, тому пасть. — Кто же возьметъ, лежащую въ полѣ палку, до побитія ея кліокомъ, тотъ долженъ пасть, и это называется *кліоковать*, т. е. поставить за кліокъ самага себя, и въ него такъ же мѣтять, какъ въ кліокъ. Бросающій въ кліокъ можетъ выкупать себя отъ обязанности пасти, потому позволяется ему цѣлить, и когда онъ цѣлитъ, тогда кричатъ: *выкупи себя, искупи себя!* Если играющіе часто попадаютъ, тогда бѣда пасущему: онъ бѣгаетъ за сбитымъ кліокомъ, ставитъ его; онъ падаетъ, а надъ нимъ смѣются: *горячаго! горячаго!* Это значитъ: поскорѣй, горячій кліокъ. Часто утомляютъ его до того, что онъ бросаетъ ставить. Тогда гонятъ его со смѣхомъ и дразнятъ: кліокъ, кліокъ, горячій кліокъ! — Въ кліокъ играютъ собственно мальчики, которые допускаютъ и одновозрастныхъ съ ними дѣвущекъ. — Эта игра, обнаруживающая мѣткость и проворство, принадлежитъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ.

Шнуръ. Дѣти обоаго возраста, приучаются съ малолѣтства прыгать ловко черезъ шнуръ, на всемъ бѣгу. Обыкновенно держатъ его позади спины, и опускаютъ каждый разъ такъ, чтобы во время скачки перескочнуть, не задѣвъ его. Шнуръ составляетъ гимнастическое упражненіе.

Верево-ка. Это почти тоже самое, что шнуръ. — Двое взявшись за концы веревочки, крутятъ ее проворно. Въ это время искусныя попригуны перепрыгиваютъ черезъ веревочку, и продолжаютъ прыгать, пока не задѣнутъ ногою.

Приганіе чрезъ веревочку, есть любимое занятіе дѣтей въ Парижѣ. — Однако оно и въ Петербургѣ господствуетъ между дѣтьми, забавляющимися на дачахъ и въ лѣтнемъ саду.

Бумаж-ка. Склеиваютъ бумагу, величиною въ листъ или полулистъ, и перекрещиваютъ его двѣма деревянными пластинками, по большей части сосновыми. Вверху полулиста дѣлаютъ изъ трехъ нитокъ, въ правильномъ размѣрѣ, ротъ; къ нему прикрѣпляютъ шнуръ, изъ сученныхъ нитокъ, а въ низу полулиста привязываютъ хвостъ, изъ мочалъ или бичевки. Подъ ротомъ привязываютъ трешетки, склеенныя изъ бумаги. Все это образуетъ змѣя, котораго пускаютъ на шнурѣ, во время вѣтра. — Онъ поднимается довольно высоко, сколько дозволитъ длина шнура. По этому шнуру посылаютъ къ змѣю вырѣзанныя круглыя бумажки, называемыя *посланки*. — При сильномъ вѣтрѣ змѣя извивается, вертится и кружится; отъ привязаннаго къ нему языка и отпавляемыхъ *посланокъ*, онъ трескочитъ, гудеть и кувыркивается съ ревомъ. Пускатель змѣя, восхищается трескомъ и его изворотами. — Пусканіе змѣй подало Франклину мысль, къ изслѣдованію воздушнаго электричества.

Скрытые друзья, опасные змеи.

Общая для мальчиковъ и дѣвусекъ игра, это рыбка. Рыбка. Она совершается большею частію осенью, потому что во время лѣтнихъ работъ, все бываетъ занято. — Играющіи въ рыбку вбиваютъ колышекъ, и къ нему привязываютъ веревочку; около колышка набрасываютъ въ кучку осметки, т. е. худыя лапти, башмаки и сапоги, и сколько можно по больше. Все это представляетъ рыбу, которую должно воровать. Держащійся кто нибудь за веревку, называется коноводецъ: онъ бережетъ рыбку, но ее вытаскиваютъ изъ подъ ногъ его; шумятъ, кричатъ и дразнятъ коноводца, который бьетъ ворующихъ осметкомъ. Всякой избѣгаетъ обязанности коноводца, — потому что когда разнесутъ всю рыбку, тогда онъ убѣгаетъ отъ пубовъ воровъ, чтобы спрятаться въ какомъ нибудь мѣстѣ. Во время его побѣга бросаютъ въ него осметками. Тѣмъ оканчивается игра, но при ней наблюдаютъ слѣдующія правила; кого ударить коноводецъ осметкомъ, тотъ долженъ водить; кто водить, тотъ обязанъ складывать около колышка унесенныя осметки и сторожить ихъ.

Рыбка не тѣ ли самыя лиходѣи, которые обкрадываютъ своихъ сосѣдовъ?

Тюзикъ есть небольшая палочка, длиною не болѣе Тюзикъ. пяти вершковъ; съ обѣихъ концовъ она кругло-подструженная, чтобы при ударѣ по концу, могла подскакивать вверхъ. — Палка для тюзика готовится изъ болѣе аршина. Начинаящій игру кладетъ тюзикъ на черту, бьетъ по концу его, и если онъ подпрыгнетъ вверхъ, то онъ подбиваетъ его на лету. Слѣдующій за нимъ игрокъ, идетъ къ тому мѣсту, гдѣ упалъ тюзикъ, бросаетъ оттуда въ черту, приговаривая: *чуръ не отбить, не выкрутъ, не подкавырушки, какъ лежить, такъ и бить, не козломъ вертеть.* —

Это приговариваетъ всякій, кто бросаетъ тюзикъ. Если кто вброситъ тюзикъ въ черту, то онъ самъ бьетъ его; если не вброситъ, то бьетъ съ того мѣста, на которое онъ упалъ. Дѣлаютъ двѣнадцать ударовъ, кто ударитъ въ тринадцатой, то говорятъ: *палка на баню*. Кто послѣ всѣхъ сдѣлаетъ двѣнадцать ударовъ, тому *гонютъ куры*. Взявъ въ лѣвую руку тюзикъ, и положивъ на его спину, бьетъ каждый по три раза. Кому гнали куры, тотъ за всякіе три раза отбиваетъ назадъ тюзикъ только два раза, а за третій разъ онъ прыгаетъ на одной ногѣ, къ чертѣ.—Если онъ перегонитъ тюзикъ за черту, то прыгаютъ на одной ногѣ всѣ *знавшіе куры*, отъ тюзика къ чертѣ. Всѣ они называются московскими курами.—Есть еще петербургскія куры, которыя разыгрываются такъ: когда подбросивъ вверхъ тюзикъ одной рукою, тогда бьютъ его тойже рукою, только вкось.

Игра эта выражаетъ насмѣшку на вѣтренность столчныхъ курицъ, которыя прыгаютъ во всю свою жизнь, а подъ старость убираются въ деревню на одной ножкѣ.

Орѣшкѣ.

Дѣти выбираютъ возвышенное какое нибудь мѣсто: бугоръ, высокій край канавки, даже камень или лужу. Одна половина изъ играющихъ становится на избранномъ мѣстѣ, замѣняющемъ крѣпость, а другая нападаетъ на нее, и старается выгнать изъ укрѣпленія. Если осаждающіе успѣютъ занять крѣпость, то становятся на мѣстѣ осаждаемыхъ и кричатъ: *нашъ городъ Орѣшкѣ!* Вытѣсненные изъ Орѣшка, начинаютъ потомъ сами осаждать его, и долотѣ продолжаютъ осаду, пока не овладѣютъ крѣпостію, и не закричатъ въ свою очередь: *нашъ городъ Орѣшкѣ!*—Такимъ образомъ переходитъ мѣсто безпрестанно, отъ однихъ къ другимъ.

Игра Орѣшкѣ повидимому одна дѣтская шалость,

но вникая въ нее, вы открываете, что это напоминаніе о взятіи крѣпости Шлиссельбурга, который въ древности принадлежалъ намъ и назывался Орѣшкомъ; потомъ Шведы отняли его у насъ и переименовали его въ Нотебургъ (шведское слово, которое значитъ Орѣшекъ); но по взятіи его Петромъ В., онъ назвалъ его Шлиссельбургомъ (ключемъ города). — Орѣшекъ, переходившій нѣсколько столѣтій изъ рукъ въ руки, памятенъ борьбою нашихъ предковъ со Шведами, пока Петръ I не рѣшилъ споръ. — Эта распря народовъ, за обладаніе сѣверно-западной страной, сильно вѣздалась въ память жителей этого края, и преобразовалась въ игру Орѣшекъ, которая употребляется только въ Шлиссельбургѣ (петербургской губ.).

Весною, за нѣсколько времени до захожденія солн-^{Терять.}ца, собираются дѣти обоюго пола на зеленую траву или предъ домою, и побравшись за руки, составляютъ кругъ, но такимъ образомъ, что лица играющихъ, обращены къ окружающимъ ихъ предметамъ, или лучше сказать, оборачиваются спиной другъ къ другу, и начинаютъ кружиться въ одну какую либо сторону, съ пѣніемъ или безъ пѣнія. Чтобы не оторваться отъ круга, и потомъ не упасть, надобно имѣть хорошо держаться за руку и имѣть твердость въ ногахъ; но какъ часто случается, что при круженіи спотыкаются и послѣ падаютъ, то надъ падающими смѣются, какъ вездѣ. Упавшій, уже есть потерянной; его даже не принимаютъ въ игру; его теряютъ, почему называется терять. — Выраженіе этой игры, просто дѣтская забава.

По выпаденіи перваго свѣга, дѣти катаютъ изъ ^{Ласки.}него шары, обливаютъ водою, и замершіе эти шары, называемые ласами, продаютъ *дурнямъ*. Отсюда произошла поговорка *точить ласы*, — т. е. несть вздоръ.

Ласы покупаются на бабки; играющіе въ ласы, назначаютъ особое мѣсто для рынка; сюда сходятся покупать коровъ. — Продай корову, говорить одинъ. — Изволь, отвѣчаетъ другой, и бросаетъ ему ногой свою ласу. Непроданная ласа, приобрѣтается ловкимъ поводомъ въ нее бабкою; если не попадетъ въ ласу, то самъ плотить бабками, по сдѣланному нанередъ условію. Игра продолжается, пока кто не проиграетъ своихъ бабокъ.

Всѣ купцы, которые обманами и нечестной торговлею хотятъ разбогатѣть скоро, раззоряются.

Снѣж-
ныя изо-
браже-
нія. Если выпадетъ довольно снѣга, то дѣти тотъ часъ снѣжатъ дѣлать статуи и пещеры. Статуи бывають съ головой, глазами, а вмѣсто рукъ продергивають палки. Нѣсколько изображеній ставятъ въ одинъ рядъ, ходятъ около нихъ и любятъ: чія выше и лучше. Потомъ начинается нападеніе на статую, со стороны неприятелей: владѣтели защищаютъ, неприятель беретъ приступомъ и разрушаетъ ихъ.

Пещеры дѣлаются такъ же изъ снѣга: онѣ бывають небольшія, круглыя, съ окошечками съ двухъ сторонъ; на нихъ также нападаютъ, какъ на статуи.

Снѣжныя изображенія пробуждаютъ въ дѣтяхъ наклонность къ художественнымъ занятіямъ, коихъ развитіе зависитъ въ послѣдствіи отъ образованія.

Волчекъ. Продолговатая деревянная шишка, съ деревяннымъ шпилемъ, или костяная съ таковымъ же шпилемъ, называется волчкомъ. Намотавъ шнурочекъ на шпиль, вкладываютъ его въ просверленную на деревянной лопаткѣ дыру; потомъ дергаютъ за конецъ шнурочка, выпущеннаго изъ подъ шпиля, и пускають волчекъ по ровному мѣсту, но болѣе всего по деревянному полу. Выпущенный волчекъ дѣлаетъ прыжки, свиститъ и гудеть.

Эта игра старинная и въ большомъ употребленіи; ею забавляются преимущественнѣе въ покояхъ: осенью и зимою. Охотники пускаютъ волчокъ по льду, но тѣловыя охотники, уже больше, нежели дѣти. — Волчокъ служитъ къ одному препровожденію времени. — Въ другихъ мѣстахъ волчекъ называется кубаремъ; которыми также играютъ, какъ волчкомъ. — Поговорка: *онъ ходитъ кубаремъ*, произошла отъ круженія кубаря, описывающаго кругъ, или лучше сказать: онъ ходить кругами, дѣлаетъ круги и мыслиги, изворачиваясь то въ одну, то въ другую сторону.

II. ИГРЫ ДѢВИЧЕСКІЯ.

Нѣсколько дѣвушекъ, собравшись на лугу, въ полѣ мак. или около домовъ, назначаютъ одного какого либо мальчика земледѣльцемъ; сажаютъ его по срединѣ своего круга, и взявшись за руки, поютъ:

Маки маковычки,
Золотыя головочки!
Въ подзагорьи зеленый макъ.
Маки маковычки,
Золотыя головочки!

Послѣ онѣ спрашиваютъ земледѣльца: посеѣлъ ли макъ? — Тотъ отвѣчаетъ, что онъ еще пахнетъ землею для посеѣва мака; послѣ отвѣчаетъ, что съѣтъ, и продолжаетъ высказывать, пока онъ созреетъ. При каждомъ отвѣтѣ дѣвушки поютъ прежнее, пока онъ не скажетъ, что посеѣлъ макъ. — При этомъ словѣ онѣ устремляются на земледѣльца и шиплютъ ему голову, вмѣсто мака. Эта игра переобразована изъ хороводной забавы макъ, и

она означает развѣтвляющую весну, въ которую столько удовольствій для забавъ дѣвушекъ, и столько тягостей для земледѣльцевъ. —

Горѣлки Употребляются во всей Россіи. Вечернею порою собираются дѣвушки на просторное мѣсто, на лугъ или въ садъ. Взявшись за руки, становятся попарно въ кружокъ; одна, избранная изъ нихъ, должна горѣть: она помѣщается въ срединѣ, и стоитъ какъ бы безъ всякаго вниманія. Въ это время прочія разбѣгаются въ разныя стороны попарно, и кого она успѣетъ различить, та занимаетъ ее мѣсто.

Дѣти играютъ иначе: впереди стоитъ тотъ, кто долженъ горѣть, а позади его двѣ пары. Горю бѣжитъ впереди, за нимъ, на нѣсколько отъ него шаговъ, тѣ обѣ пары, которыя держаться за руки. Онъ оборачивается, хочетъ схватить кого нибудь; пара разрознивается, бѣжитъ въ сторону; онъ не допускаетъ имъ соединиться, бѣгаетъ за ними, — но они схватились за руки, и конечно: надъ нимъ смѣются, хохочутъ и опять заставляютъ его горѣть. Если же онъ поймаетъ одного отъ разлучившейся пары, то разлучившійся играетъ горю, а самъ онъ становится на его мѣсто, — и такимъ образомъ продолжается игра, которая доставляя случай рѣзвиться дѣтямъ, укрѣпляетъ тѣло, и потому дѣтскія горѣлки, есть ничто иное, какъ беззаботное и веселое бѣганье.

Еще играютъ въ горѣлки иначе: одна изъ дѣвушекъ становится среди комнаты, и говоритъ жалобнымъ голосомъ: горю, горю на камешкѣ; кто любитъ, тотъ смѣнитъ меня. Если нѣтъ отзыва, то она сгораетъ отъ любви. Но на ея призовъ подходитъ муштина, беретъ за руки и цѣлуетъ ее. — Самъ онъ становится на ея мѣсто, и говоритъ тоже. — Любящая его, немедленно смѣняетъ. Эта игра собственно для дѣвицъ, но она доу-

скаеть въ свой кругъ молодыхъ людей, которые пользуются случаемъ къ изъясненію своихъ чувствъ. Каждая забава дѣвицъ имѣеть свои увертки, оправданія и обманъ; но тутъ самыя строгія и опытныя матери, ловко проводимыя своими дочерьми, хвалятся, что ихъ дочери рѣзвятся только. —

Любовь давно тревожитъ сердце дѣвушки, а дѣвушка давно ищетъ мысленно имъ любимаго, и горитъ къ нему. Для дѣвицы не существуетъ вѣтъ. Въ ея воображеніи создается заранѣе предметъ. Дѣвица въ шестнадцать лѣтъ, — не тронь меня: она тогда еще не рѣшительная, боязливая, а въ восемнадцать лѣтъ: задумчивая, мечтательная и вспыхиваетъ какъ порохъ.

Эта игра изобрѣтена деревенскими дѣвушками, для лычекъ безопаснаго ихъ цѣлованія съ парнями. Одна изъ дѣвокъ беретъ по числу парней лыка, перегиваетъ ихъ поперегъ чрезъ указательный палецъ и спутываетъ концы; потомъ подзываетъ къ себѣ парней и дѣвушекъ, и предлагаетъ имъ выбирать любой конецъ. По разобраніи всѣхъ концовъ, она пропускаетъ ихъ сквозь пальцы, и тѣ, которые держатся за концы, должны цѣловаться.

Любовь вездѣ съ продѣлками и въ этомъ разѣ Сижую составляетъ любимую игру дѣвушекъ: посижу, потому что въ ней представляется случай полюбезничать и поговорить вдоволь съ тѣмъ, кого любишь. О это много для влюбленныхъ. — Дѣвушки и мушкетеры садятся на лавкахъ въ кружокъ, или на ковръ, посланномъ на полу. Одна дѣвушка, съ завязанными глазами, какъ слѣпой амурь, ходитъ въ кругу и говоритъ: —

Братцы, сестрицы,
Пріймите меня!

Сидящіе молчатъ; она продолжаетъ просить:

Душенька сестрица,
Милинькой братецъ,
Пріймите меня!

Ей отвѣчаютъ: садись съ нами, миленькая сестрица. — Въ другихъ мѣстахъ говорятъ: иди, садись съ нами. Она идетъ, садится кому либо на колѣна, и говоритъ: *сижу посижу*. У кого она сидитъ, тотъ долженъ молчать, а сторонніе спрашиваютъ: у кого она сидитъ? Если отгадаетъ, то тому играть *сижу посижу*. Случается, что дѣвушка сидитъ да посиживаетъ на колѣнахъ, милаго ей сердцу, притворяясь незнаиємъ — лукавство женское! Мущины хохочутъ и бьютъ въ ладоши, а дѣвушки досадаютъ и съ завистью смотрятъ на подругу. —

Безъ соли
ли соль,

Эта игра рѣзвая и рѣдко проходитъ безъ ссоры. Дѣвушки бросаютъ между собою жребій: кому изъ нихъ сидѣть съ завязанными или зажмуренными глазами, а кому ловить и перескакивать черезъ ноги съ закрытыми глазами. Доставшимся участь сидѣть, садятся другъ противу друга съ протянутыми ногами, зажмуривъ глаза и заложивъ за спину руки. Прочія дѣвушки, приговаривая: безъ соли соль, перескакиваютъ имъ черезъ ноги; сидящія должны ловить. Словленная часто огорчается, говоря, что ее поймали съ открытыми глазами. Начинаются упреки, за упреками укоризны. Но старушки, наблюдающія за играми, мирятъ ихъ. Пойманная садится на мѣстѣ словившей, и игра продолжается снова. Обѣ эти игры: *сижу по сижу*, безъ соли соль, означаютъ скрытную любовь дѣвушки.

Жмурки.

Игра въ жмурки не есть принадлежность однѣхъ дѣвушекъ, но дѣтей и взрослыхъ молодыхъ людей. — Играть въ лѣтнее время и зимніе вечера. Въ Великороссіи она превращена въ дѣйствующіе лице слѣваго козла, а

въ Малороссіи въ панаса. Одной изъ дѣвушекъ завязываютъ глаза, ведутъ ее къ дверямъ и ставятъ вмѣсто слѣпаго козла. Тутъ козелъ стучитъ ногами, бодаетъ рогами въ дверь; на его стукъ сбѣгаются, бьютъ по его спинѣ ладонью и перемѣнивъ голосъ, говорятъ: Афанась, не бей насъ; Афанась, ходи по насъ. Часто не всѣ дѣвушки спрашиваютъ, а только бьютъ, бѣгая около него, и когда онъ поворотится, разбѣгаются во всѣ стороны. Козель долженъ ловить ихъ, потому въ это дѣло избираютъ прыткую и изворотливую. Не смѣтливая дѣвушка гоняется до поту, и не можетъ словить. Тогда, изъ одного сожалѣнія къ ней, смѣняютъ другую. Во время дѣйствія разсерженный козелъ бѣгаетъ по комнатѣ, скакаетъ черезъ стулья, столы, скамейки; все опрокидываетъ или самъ падаетъ. Около его прочія кружатся и постоянно раздражаютъ новыми побоями, насмѣшками и крикомъ. Рѣзвое и безотчетное бѣганье, доставляетъ неизъяснимое удовольствіе молодости. Весьма часто случается, что въ жмурки допускаютъ молодыхъ мушинъ, и тогда преимущественно избираютъ изъ нихъ козла. — Поманнѣй въ игрѣ, смѣняетъ козла.

Въ Малороссіи панась, — тоже самое что Афанасій, — отводится къ дверямъ съ завязанными глазами. Панась получаетъ удары, съ приговоромъ: Панась, Панась не ходи по насъ: Панась, узнай насъ, Панась, лови насъ. — Онъ бросается ловить, и ловить ту, которую любить, и какъ бы нечаянно, жметъ руку или держитъ, ухвативъ ее. Замѣчено, что влюбленные болѣе всѣхъ играютъ. Надъ ними смѣются, во любовь ничего не видятъ. Жмурки есть олицетвореніе скрытной, но пламенной страсти. — Любовь и въ игрѣ находитъ свое мѣсто, и то не игра, гдѣ нѣтъ ее.

По нѣкоторымъ селеніямъ жмурки называются ку-

люкушки и кулючки, и это преимущественно въ пензенской губерніи.—Тамъ послѣ конанія (жребія), кому играть, завязываютъ глаза, или вмѣсто конанія одинъ изъ игроковъ мараетъ сажею свой палець, и зажавши его съ прочими, подходитъ ко всѣмъ и предлагаетъ выбрать любой палець, и тотъ, кто возьмется за осаженный, тому завязываютъ глаза платкомъ, или нахлобучиваютъ на глаза шапку, подводятъ къ дверямъ, а иногда толкаютъ со смѣхомъ, говоря: ступай въ кутъ, тамъ блины пекутъ, тебѣ блинъ дадутъ. Подошедши къ дверямъ, онъ стучитъ, а его спрашиваютъ: кто тамъ? Дядя Тарасъ.—Ходи по насъ, не открывай глазъ. — Послѣ этого самы ходятъ тихо, около дяди Тараса, прижимаются, прячутся: онъ бросается во всѣ стороны: по стуку, бѣготнѣ и смѣху. Поймавши кого либо, онъ долженъ отгадать имя его; если не отгадаетъ, то снова дядя Тарасъ. Поймавши двухъ или болѣе, ему говорятъ: пень да колода,—и онъ отпускаетъ ихъ. Когда поймаетъ одного и назоветъ его по имени, тогда забираетъ его мѣсто пойманный.

Котиги.

Они имѣютъ большое сходство съ жмурками. Одному завязываютъ глаза, и становятся его посрединѣ комнаты, всѣ прочіе дѣлаютъ около него кругъ. Составляющіе кругъ принимаютъ названіе цвѣтовъ и растѣній: розы, терновника, чертополоха и проч. Съ завязанными глазами, при произнесеніи слова счетъ, показываетъ рукою на себя или на играющихъ поочередно, но при последнемъ словѣ *счетъ!* на кого онъ покажетъ, тотъ выходитъ изъ счета играющихъ. Тогда остальные приговариваютъ:

Шли кони по выгори, по выгори,
А чѣмъ они попутаны, попутаны?
Золотымъ путомъ подъ конытомъ,—брыз!

Всѣ разбѣгаются, — а съ завязанными глазами ловить ихъ. Если онъ поймаетъ и отгадаетъ пойманнаго вмѣ, то послѣдній заступаетъ его мѣсто.

Нѣсколько дѣвушекъ сѣвъ въ кружокъ, кладутъ на ^{Короб-} колѣна своей подруги по два пальца. Проворная изъ нихъ произноситъ бѣгло: первенчики, друженчики, тринцы, волынцы, поповы ладынцы, цыкень, выкинь. Если выкинь падеть комунибудь на одинъ изъ пальцевъ, той начинать игру. Предусмотрительныя выдерживаютъ свои пальцы прежде, нежели произнесется выкинь. Хитрыя дѣвушки, иногда мучать свою подругу весьма долго.

Беззаботная жизнь дѣвушекъ, которыя наслаждаются ею кратковременно.

Дѣвушки избираютъ изъ среди себя двухъ ловкихъ ^{Корабль съ мед-} и голосистыхъ. Одна изъ нихъ становится по среди ^{виной.} избы, другая ходитъ по ней, а прочія разсаживаются по мѣстамъ. Ходящая по избѣ подходитъ къ одной изъ сидящихъ, беретъ ее за руку, водить по комнатѣ и поеть, — сначала одна:

Какъ по нашей рѣчкѣ
Быстрой и глубокой,
Плывутъ, летать кораблики
Изъ моря далѣка.
Всѣ прочіе кораблики
Въ горадахъ осѣдальцы:
Они грузны сверху до дна,
Бархатомъ и шелкомъ.
Теперь его раскупаютъ
Кунцы да бояре,
Своимъ дочкамъ въ приданое,
Женамъ на наряды.
И къ намъ плыветъ
Корабль быстрой,

И намъ несеть
Платковъ да шарфовъ.

Обращаясь къ той, которую водить за руку:

Плыви, плыви корабликъ нашъ,
Поспѣшай скорѣе;
Привези намъ посвѣжее,
Заморскихъ тодаровъ.

Она останавливается передъ той, которая стоитъ по среди комнаты, и стучитъ ногой три раза. Та спрашиваетъ: кто тамъ? Корабль. — Что привезъ? Мельницу. — О сколько поставовъ? — Объ одномъ. Въ это время стоящая беретъ за руку ту, которую привела ходящая; ставитъ ее вмѣсто корабля по правую свою руку, и начинаетъ пѣть, топая правою ногой объ полъ; за ней поютъ всѣ сидящія, топая также правою ногой:

Мели, мели, мельница,
Мели не гниися;
Намели ты солоду,
Двушкамъ на бражку.

По окончаніи этого, назначенная ходитъ по комнатѣ, идетъ опять къ сидящимъ своимъ подругамъ, беретъ за руку одну изъ нихъ, и ходитъ съ нею по комнатѣ, снова запѣвая прежнюю пѣсню:

Какъ по нашей рѣчѣ
Выстрой и глубокой и пр.

Сидящія и стоящія, топая правою ногой, поютъ всю эту пѣсню вмѣстѣ съ нею. Когда же пропоютъ конецъ пѣсни:

Плыви, плыви, корабликъ нашъ,
Поспѣшай скорѣе;

**Привези намъ поставиле
Заноренныхъ товаровъ.**

Тогда, приведшая подругу за руку, опять останавливается предъ стоящей посреди избы, и топаетъ три раза ногою. Вопросы и отвѣты одни и тѣже, какъ и прежде, исключая того, что на вопросъ стоящей: о сколько поставовъ? — Ходящая отвѣчаетъ: о двухъ. Тогда первая принимаетъ къ себѣ приведенную, — составляющую также корабль, и сколько бы ни было приведенныхъ, то всё онѣ именуются кораблями, — топаетъ объ полъ обѣими ногами и поетъ, за нею всё остальные:

Мели, мели, мельница,
Мели не дѣнися;
Надери ты крупки,
Да гречишной мучки,
Дѣвушкамъ на кашку,
На блины, алады,
На мягкія на сладкія
Здобны черепенники (°).

Пропѣвши это, всё продолжаютъ топать ногами, а ходящая подходитъ снова къ сидящимъ, беретъ ту, которая ей понравилась, и запѣваетъ ту же пѣсню:

Какъ по нашей рѣчкѣ и пр.

Съ нею поютъ всё прочія, продолжая топанье. По окончаніи пѣсни ходящая опять останавливается предъ стоящей, топаетъ три раза ногой; разговоръ ведется

(°) Черепенники пекутся въ черепняхъ, изъ крутого грешнаго тѣста.

прежній, только на вопросъ: « сколько поставовъ? » та отвѣчаетъ: о трехъ.—Тогда стоящая, принимая по прежнему приведенную, правую рукой, ставитъ ее въ рядъ съ другими приведенными, ударяетъ лѣвой рукою объ бедро, начинаетъ пѣть, за ней всѣ прочія:

Мели, мели, мельница,
 Мели не лѣнися;
 Намели ты мучки:
 Оржаной, овсяной,
 Да еще гороховой;
 Чтобы дѣвки — внучки,
 Бабушкѣ сварили:
 Изъ овсяной киселька,
 Изъ оржаной испекли
 Кислинькаго хлѣбца;
 Изъ гороховой лепешку,
 Сладку заваритку (*).

По окончаніи пѣсни ходящая опять подходитъ къ сидящимъ. Между тѣмъ продолжается стуканье ногами и лѣвой рукой. Она беретъ по прежнему одну изъ дѣвушекъ, и ходитъ по комнатѣ, начинаетъ пѣть ту же пѣснь, ей повторяютъ со стуканьемъ всѣ другія:

Какъ по нашей рѣчкѣ и проч.

Подъ конецъ пѣсни подходитъ къ стоящей посреди избы, и вступаетъ съ нею въ прежній разговоръ, съ тою разницею, что на вопросъ стоящей: о сколько поставовъ? Та отвѣчаетъ: о четырехъ. Тогда стоящая, поставивъ приведенную въ рядъ съ прежними, ударяетъ

(* Саламата.—Ее дѣлаютъ не только изъ муки грешневой, но изъ гороховой, хотя рѣдко.

правой рукой объ другое бедро, и поетъ вмѣстѣ съ другими, которыя топчуть ногами объ полъ и бьютъ руками объ свои бедра:

Мели, мели, мельница,
 Мели не гнися:
 Намели ты мучки:
 Подбинной, ячменной,
 Пшеничной крупичатой.
 Изъ подбинной напечемъ,
 Пироговъ да сытныхъ;
 Изъ ячменной сдѣлаемъ
 Здобный, сладкій курникъ (*)
 Изъ пшеничной мы напечемъ,
 Пироговъ съ начинкой;
 Кокурокъ, лепешекъ
 Въ маслѣ наваляемъ;
 Изъ крупичатой накрошимъ
 Меленькой лапшицы,
 Да малинковъ (**) накатаемъ,
 Здобныхъ разсыпучихъ;
 Преженцевъ наваляемъ,
 Словно сахаръ сладкихъ.
 Мы ждемъ къ себѣ въ гости:
 Дѣдушку да бабушку,
 Батюшку и матушку,
 Братьевъ и невѣстусшекъ,
 Сестрицъ со мужьями.
 Когда наши гости,
 Будуть всемъ довольны;

(*) Круглый высокій пирогъ, начиненный куриными потрохами и яйцами.

(**) Малинками называютъ небольшіе шарики изъ здобнаго тѣста, приплюснутые сверху.

Не будутъ гнѣваться,
 А будутъ любить,
 Полюбя дарити :
 Платками, фатами,
 Серьгами, котами,
 Парчовыми рукавами,
 Голубой китайкой,
 Навковыми шубами,
 Да кумачемъ краснымъ.

Теперь послѣдняя изъ приведенныхъ, поетъ одна:

А гдѣ наши гости,
 Возьмутъ намъ подарковъ?
 Когда купцы — гости,
 Не везутъ товаровъ.

Вмѣсто отвѣта, назначенная ходить по комнатамъ, начинаетъ опять пѣть:

Какъ по нашей рѣчкѣ и пр.

Съ нею поютъ другія, продолжая топанье и хлопанье; она идетъ къ сидящимъ своимъ подругамъ, беретъ за лѣвую руку одну изъ тѣхъ, которая держитъ въ правой рукѣ *мыкольникъ*, заранѣе приготовленный и наполненный тряпьемъ разнаго рода; даетъ знакъ головою сидящимъ, чтобы онѣ встали и шли за ней. Конецъ пѣсни поютъ одни корабли и когда все пропоютъ, тогда пришедшая съ подругами, начинаетъ пѣть вмѣстѣ съ ними, веселымъ голосомъ:

Не тужите, подруженьки,
 Много не горюйте ;
 Скажу я вамъ вѣсточку,
 Вѣсточку всѣмъ на радость :

Приплыль, приплыль корабликъ нашъ,
 Съ моря-океана;
 Привезъ съ собой изъ-за-моря,
 Краснаго товару.

Потомъ, толкая приведенную съ мыкольниковъ, въ средину стоящихъ подругъ, припѣваютъ:

Вотъ! возьмите вашъ корабль
 Съ моря-океана,
 Ну, извольте торговать,
 Кому чего надо!

Въ это время всё бросаются на корабль, выражаютъ у него мыкольникъ; хватаютъ оттуда тряпье, покрытое сажей, и начинаютъ имъ бросать: сначала въ корабль, а послѣ другъ въ друга, отъ чего всё перекатываются, по выраженію играющихъ, какъ черти, и прекращаютъ киданье, когда на тряпье не останется сажи.

Выраженіе этой игры: расхищеніе иноземныхъ товаровъ, продававшихся обманомъ. Товаръ продается лицомъ,—была искони поговорка у новгородскихъ купцовъ. Приѣзжавшіе въ Новгородъ гости съ дурными товарами, часто подвергались народному нареканію. Были случаи, что взволнованный народъ, разграблялъ нѣмецкій дворъ.

Простая, но веселая забава. Снимаютъ съ руки Колечко кольцо, надѣваютъ его на ленточку, и потомъ, связавъ концы ленточки, становятся въ кружокъ и передвигаютъ кольцо по ленточкѣ. Одна изъ дѣвушекъ, которая кружится, т. е. ходитъ въ кругу и отыскиваетъ колечко, спрашиваетъ: у кого кольцо? Каждая обманываетъ ее, говоря: у меня, и въ это время, въ ее глаза, стараются передать другой.—Кружась

хватаетъ за руку, и открывается, что у нее нѣтъ. Между тѣмъ колечко показываютъ въ другомъ мѣстѣ; она спѣшитъ за нимъ; тамъ передаютъ другой. — Эта игра требуетъ особой ловкости и проворства. Случается, что ищущую доводятъ до того, что она закруживается отъ поисковъ.

Еще играютъ другимъ образомъ. Дѣвицы, молодыя дамы и мужчины, становятся въ кружокъ и передвигаютъ кольцо по шнуру. Кому досталось искать его, тотъ ходитъ въ кругу и старается замѣтить, гдѣ оно передвигается; но ловкость передачи, заставляетъ ищущаго бѣгать; смѣхъ и крикъ сопровождаютъ не ловкаго. Пойманнѣй имъ занимаетъ его мѣсто и даетъ фантъ; игра продолжается дотолѣ, пока наберется довольно количество фантовъ. Тогда садятся въ круженья и чей фантъ выйметъ, тотъ играетъ, напримѣръ: купца, а если дѣвица, то купеческую дочь. Купецъ идетъ въ особую комнату, за нимъ запираютъ дверь; онъ стучится. Одинъ изъ сидящихъ подлѣ дверей, спрашиваетъ: кто тамъ? Купецъ. — Откуда? — Изъ города. — За чѣмъ или чего надобно? — Купеческую дочь. — Какую? — Онъ именуется дѣвицу или даму. Если же она ему не знакомая, то описываетъ ея уборы: она является. Онъ цѣлуетъ ея въ руку, она его въ щеку, и потомъ она разыгрываетъ его роль. — Она тоже стучитъ; ее также спрашиваютъ какъ купца и такъ продолжается, пока не разыграютъ всѣ фанты. — Колечко и кольцо, одно и то же, доставляетъ пріятное, веселое и шутивное разсѣяніе.

Простой народъ въ Жмуди, играетъ въ колечко гораздо проще. Садятся на скамейкѣ около стѣны, и одинъ кто нибудь подноситъ играющимъ кольцо и говоритъ: возьми колечко да не показывай. — Когда онъ всѣхъ обойдетъ, тогда обращается къ ищущему ко-

лечко и произносить: серги, верги, гдѣ блестятъ колечко?—Отгадавшій въ чѣй оно рукѣ, садится на его мѣсто, а этотъ идетъ отгадывать или искать его.

Округленные глиняные камешки, раскладываютъ Камешки. дѣвушки по полу, и дѣлаютъ уговоръ: не мѣшать и не кричать. При этомъ произносятъ условныя поговорки. Уговорецъ всѣмъ дѣламъ, родной братецъ; безъ уговора не садись, а на слово не вяжись; ни ѣду, ни лечу; а заѣду, подхвачу, и тому подобное, и потомъ заключаютъ условіе: играть, не воровать. Въ иныхъ мѣстахъ говорятъ: чуръ играть, не воровать, безъ воруку безъ промаху.—Игра въ камешки многосложная, и оканчивается по большей части ссорю. Одна изъ дѣвушекъ бросаетъ камешки вверхъ и во время ихъ полету, старается захватить правою рукою нѣсколько другихъ, разбросанныхъ по землѣ. Здѣсь великое искусство въ томъ, чтобы камешекъ не упалъ на землю, игрокъ успѣлъ бы захватить другіе, и чтобы на лету схватить еще падающій. Дѣвушки, завидуя ловкости своей подруги, мѣшаютъ ей своими рассказами, или нарочно кричатъ. Игральщица сердится, рука ея дрожитъ, и она дѣлаетъ промахъ.

Лучшіе камешки доставляютъ изъ Кіева и Ростова. Мужескому полу вмѣняется въ стыдъ забавляться этой игрою, однако мальчики не смотрятъ на это.

Въ Малороссіи игра въ креймешки, — также самая, что въ камешки. Садятся дѣвушки на землѣ кружкомъ, и положивъ предъ собою нѣсколько креймешекъ, по большей части каждая кладетъ предъ собою по четыре, кидаетъ одинъ вверхъ, и пока онъ летитъ внизъ, она должна захватить лежащій на землѣ и схватить падающій; потомъ она бросаетъ тотъ креймешекъ, который сняла съ земли, и хватаетъ на лету другою, и такимъ образомъ продолжаетъ, пока всѣхъ не

перебереть.—Есть такія охотницы, что играютъ по цѣлымъ днямъ.

Креймешки дѣлаются изъ разбитой глиняной посуды и кафлей; округлаваютъ ихъ величиною съ грецкѣ, но не болѣе пятака мѣднаго.

Играютъ еще въ креймешки иначе. Дѣлаютъ круглые, величиною съ голубиное яйцо, камешки; для этой игры употребляютъ только шесть. Играющія, сядя на полъ, покрытый ковромъ, кладутъ на коверъ кучкою пять креймешковъ, шестой бросаютъ вверхъ, не много по выше головы, и должно успѣть взять камешекъ съ ковра и поймать падающій съ верку. Играющая бросаетъ сначала камешекъ по одиночкѣ, потомъ всѣ бросаетъ вдругъ и ловить; потомъ тѣже камешки перекладываетъ съ одного мѣста на другое, захватываютъ между пальцевъ, потомъ прокатываетъ подъ пальцами, и продолжаетъ бросать дотолѣ, пока не уронитъ кремешекъ. Тогда она лишается игры и передаетъ другой, которая играетъ точно также.

Зависть къ счастью другаго, повсюду сопутствуетъ. Будь счастливъ хоть на былинку, и тогда позавидуютъ въ свѣтѣ.

Греки употребляли камешки въ древности; отъ нихъ эта игра распространилась по всей Европѣ, а къ намъ перешла отъ Татаръ.

Колыш-
ки.

Играютъ и дѣвушки и мальчики, но преимущественнее дѣвушки. Дѣвушки набираютъ себѣ маленькихъ подругъ, и сажаютъ ихъ въ кружокъ, вмѣсто колышковъ, которые обращены лицомъ къ кругу. За колышками стоитъ своя хозяйка. Начинается продажа колышковъ; покупатель обращается къ хозяйкѣ, и говоритъ: кума! кума! продай колышки. — Куни,— отвѣчаетъ кума. — А что стоитъ? — Кочанъ напусты, да вѣникъ, да рубль денегъ. — Вотъ тебѣ кочанъ ка-

пустыя, да вѣшникъ, да рубль денегъ.—Ну, по рукамъ да въ баню. — Ударяютъ по рукамъ, и бѣгутъ во кругъ колышковъ: хозяйка въ правую сторону, а покупатель въ лѣвую. Обѣжавши вокругъ, возвращаются съ противоположныхъ сторонъ къ спорному колышку. Кто первый приблизитъ къ колышку, тотъ остается владѣтелемъ его, или, если бы кто первый дотронулся колышка рукою. Если покупатель приблизитъ послѣднимъ, то онъ идетъ покупать у другой; равнообразно, еслибы приближала послѣднимъ сама хозяйка.—Игра продолжается, пока не перекупятся все колышки. При бѣготѣ случаются забавныя паденія, при конхъ поднимаются все колышки и производятъ всеобщій смѣхъ и нареканіе: покупатель пьяница! или: у кумушки болитъ головушка, бѣдная кумушка!

Игра эта выражаетъ корыстолюбіе торговцевъ: хозяинъ и покупатель сошлись въ цѣнѣ, ударили уже по рукамъ, но вдругъ нашло на обоихъ раздумье: ахъ! дешево продалъ, еще бы поторговаться — ахъ купилъ дорого, — посадили! — Оба бѣгутъ, суетятся и наконецъ снова покупаютъ; купецъ, вездѣ корыстолюбецъ. — Купецъ. Какъ онъ ни купить дешево, а все еще ему дорого.

Одна дѣвица дѣлается покупщицею, а прочія дѣвуш-^{Кумки}ки, называемыя кумками, усаживаютъ въ кружокъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которыя называются ихъ дѣтьми. Кумки становятся позади своихъ дѣтей, и владутъ руки на ихъ голову. Покупщица подходитъ къ кумкѣ и говоритъ: *кумка кумятка, продай дитятка*. Первая не продаетъ, вторая не продаетъ, а третья должна продать. Она бьетъ по рукамъ покупщицы, приговаривая: *продамъ тебѣ дитятко за шильце, за шильце, за горячій блинъ*. Съ послѣднимъ словомъ кумка и покупщица, бѣгутъ въ противоположныя сто-

роны; которая успѣетъ положить прежде руку на голову дитяти, за тою остается оно. Покупка начинается снова и продолжается до тѣхъ поръ, пока дойдетъ до кумки, которая продала. Тогда всѣ кумки становятся своихъ дѣтей на ноги, и кричатъ: *мое дитятко не шелудивое! мое дитятко не шелудивое!* Которая кумка не успѣетъ поднять на ноги дитя, того называютъ шелудивымъ, и это названіе остается часто на долгое время.

Кумки выражаютъ небреженіе матерей о воспитаніи своихъ дѣтей, коихъ не умѣли поднять на ноги, и потому подвергли ихъ всеобщему посмѣянію. — Весьма часто случается, что отъ чрезмѣрной нѣжности маманекъ, къ своимъ ненагляднымъ дитяткамъ, дѣти никакаго не получаютъ образованія, хотя имѣли къ тому всѣ средства. Больно разстаться съ дѣтьми! Онѣ выросли передъ глазами маманекъ, растутъ столбами, а маманки по нѣжности своей, все не хотятъ разлучиться съ ними, пока не разлучитъ ихъ, маманекъ, жестокая смерть. — О эта смерть! — но чтобы вы сдѣлали съ нею, нѣжныя маманки?

Коза.

Въ началѣ игры избирается обыкновенно ловкая дѣвушка, съ именемъ козы. Ее подводятъ къ стѣнѣ, всѣ прочія усаживаются и смѣются надъ нею. Иныя передразниваютъ ее козымъ голосомъ, а другія кричатъ: коза, коза, бя! — Она сердится, топаетъ ногами, и грозитъ переколотъ всѣхъ. Послѣ разныхъ насмѣшекъ, встаютъ и начинаютъ съ нею разговоръ: Моя козушка, ты не ѣла сегодня. — Гладятъ ее по спишѣ, и спрашиваютъ: Козушка, гдѣ ты была? — Въ полѣ. — Что тамъ дѣлала? Травку ѣла. — За чемъ сюда пришла? — Отдохнуть. — Съ этимъ словомъ дѣвушка должна бѣжать; она гоняется за ними, и кого поймаетъ, та замѣняетъ ее мѣсто. Многія дѣлаютъ произвольныя

поговорки, которыя завязать отъ расположенія духа и изворотливости дѣвушки. Иныя до того наскучиваютъ козѣ своими поговорками, что она оставляетъ игру и плачетъ, ибо рѣвая дѣвушка, начавъ съ козю разговора, касается иногда до сердечныхъ жалостей. — Козушка, гдѣ ты была? — Въ полѣ. — Кого искала! — Козушка молчитъ, — Козушка, я знаю кого ты искала. — Моя милая, отвѣчаетъ коза, оставь шутки; но шутки не увимаются и доводятъ до неприятностей, которыя прекращаются поцѣлуемъ. — Въ Малороссіи также играютъ въ козу и поговорки почти одинаковыя, но бывають насмѣшливыя, наприм:

Я коза дереза,
Пивбока лушена,
За копу куплена.

—
Тупу, тупу ногами,
Сколю тебе рогами,
Лапками загребу,
Хвостикомъ замету, —
Брру...

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей приводятъ для этой забавы, какъ бы общепринятое для игры при-слово, а именно: — Дѣвушка передразниваетъ козу: коза, коза, бя, — гдѣ ты была? — Коней стерегла. — И гдѣ коня? — Въ лѣсъ ушла. — Гдѣ тотъ лѣсъ? — Черви выточили. — И гдѣ черви? — Они въ гору ушли. — И гдѣ гора! — Быки выкопали. — И гдѣ быки? — Въ воду ушли. — И гдѣ вода? — Гуси выпили. — И гдѣ гуси? — Въ тростникъ ушли? — И гдѣ тростникъ? — Дѣвки выломали. — И гдѣ дѣвки? — За мужъ вышли. — И гдѣ мужья? — Они померли. — И гдѣ гробы? — Они сгнили. — Этотъ многословный

распросъ весьма занимательный и озабоченный. Мигъ не случалось его слышать, но онъ естественъ и приятенъ веселой игрѣ. И сколько могъ видѣть эту забаву, она сопровождалась болѣе произвольными вопросами и часто дѣвушка, не докончивъ распроса, бьетъ козу по сплнѣ, и всѣ разбѣгаются по угламъ комнаты. Коза гонится за ними и все опрокидываетъ на своемъ бѣгу. Ловкая коза препрыгиваетъ чрезъ стулья и скамейки, не повреждая себѣ ногъ. Пойманная дѣвушка заступаетъ ее мѣсто. —

Игра въ козу выражаетъ дѣвическое, беззаботное веселье. Если въ ней принимаютъ участіе молодые люди, то она измѣняетъ свое значеніе: проявляются въ ней сердечныя дѣла, и высказываютъ душевную тревогу. Украдкою жмутъ руки и переговариваются. — Таковыя продѣлки не уходятъ отъ зоркихъ глазъ дѣвицъ — соперницъ. — Всѣ играющіе спѣшатъ насладиться взаимнымъ изліяніемъ нѣжностей. — Тогда игра не чувствительно переходитъ въ сладостное самозабвеніе: всякъ на перевывъ желаетъ быть козою. О сколько восторговъ, если дѣвушка встрѣтится съ любимымъ предметомъ!

Огару-
шекъ.

Сбѣвъ въ кружокъ дѣвушки, избираютъ изъ среди себя разкащницу, которая, ходя вокругъ, говоритъ каждой по одному слову: черемя, беремя, выѣсть чего, за старого, богатаго: трунь, пенъ, князь. На кого надетъ слово князь, та оставляетъ кружокъ, и разкащница продолжаетъ свою поговорку, пока останется одна, съ которой она ведетъ очередной разговоръ, — и кто успѣетъ сказать прежде князь, та выбѣгаетъ изъ кружка. Оставшуюся осмѣиваютъ поговоркою: огарушекъ, черныи камешекъ; огарушекъ, объѣдушекъ. — Огарушекъ бѣгаетъ за ними и ловить. — Пойманная помогаетъ огарушку ловить остальныхъ. —

Отарушекъ изображаютъ засидѣвшихъ дѣвицъ, которыя, посмѣиваясь надъ тихими и счастливыми въ любви, клеветаютъ на нихъ изъ злости. Женское влословіе истекаетъ наиболѣе изъ устъ старыхъ дѣвъ.

Это самая простая и обыкновенная забава поселянокъ и городскихъ дѣвушекъ: она похожа болѣе на шалость, нежели на игру. — Кладутъ доску чрезъ колоду; двѣ дѣвушки становятся по концамъ и разшатываютъ, иногда такъ крѣпко, что дѣлаютъ высокіе скачки, и кто выше подскакиваетъ, тому честь и хвала. Въ этой скачкѣ есть особое искусство, чтобы вовремя прыжковъ понасть онять на доску; малѣйшее же отклоненіе отъ размѣра, производитъ паденіе, часто съ большимъ ушибомъ. —

Скачка
на до-
скѣ.

Дѣти и дѣвочки, особенно любятъ забавляться этой скачкою. —

Собирается нѣсколько дѣвушекъ въ кружокъ, и спорятъ между собою: Маша, ты не догонишь меня. — Нѣтъ догоню. — Нѣтъ, не догонишь. — Оленька подхватываетъ: я догоню тебя, Катинна. — Меня? — Не догонишь! — Меня не догонишь! кричатъ вдругъ всѣ дѣвушки, и бросаются бѣжать въ разныя стороны, со всѣми возможными изворотами и увертками, свойственными женской природѣ. Оленька гонится за ними. Если кто выбивается изъ силъ, та должна скорѣе прибѣгать къ какому нибудь мѣсту, и ухватясь за него, наприкладъ за дерево, стѣну, дверь и проч., сказать: чуръ меня. — Тогда Оленька должна бѣжать за другими и не допустить до чура. Довиная часто бѣгаетъ до упаду, но поймавшая до чура, заступаетъ ей мѣсто. Отъ сильнаго бѣганья, не замѣтно рвутъ на себѣ платье, или падаютъ больно. Боль мгновенно проходить. — Тутъ большое наслажденіе дѣвушки, если она успѣетъ словить свою подругу на самомъ бѣгу.

Занусли.

Въ Малороссіи запуски называются выпередки, т. е. выпереживать другъ друга; въ выпередки такъ же играютъ, какъ въ запуски, и часто дѣвушки и мальчики забавляются вмѣстѣ. —

Скачка на доскѣ и запуски въ большемъ употребленіи, и весьма полезныя для тѣлеснаго укрѣпленія. Эти игры развиваютъ гибкость членовъ, и доставляютъ твердость и силу. — Запуски была любимая игра у Грековъ на олимпійскихъ увеселеніяхъ, и у Римлянъ. —

Четъ и нечетъ.

Кто отгадаетъ четъ, тотъ все получаетъ. Четъ составляетъ парное число чегонибудь, а нечетъ когда не достааетъ къ парѣ одного, напримѣръ: 6, 8, 10, и проч. суть четныя, а 5, 9, 11, нечетныя. — Берутъ горсть орѣжковъ и спрашиваютъ: четъ или нечетъ? — Иногда играютъ ни на однихъ орѣхахъ, но и на мелкія деньги. — Въ иныхъ мѣстахъ эта игра называется четъ и лишка. — Употребляется по всюду. —

Обручъ.

Дѣти катаютъ обручъ по землѣ, и на всемъ его бѣгу подбиваютъ длиною палочкою. Игра въ обручъ, называемая еще сурсо, перенята отъ иностранцевъ, и вошла въ употребленіе не ранѣе конца XVIII вѣка. Она не есть забава дѣтей, но взрослыхъ барышень и дамъ. Становятся на известное разстояніе другъ противъ друга, и бросаютъ вверхъ кругъ, стараясь налету схватить его на свой кій. Тутъ надобно имѣть особую ловкость, но очень многія изъ дамъ такъ искусны, что рѣдко даютъ промахъ. Въ этой забавѣ принимаютъ участіе мушны. —

Обручъ и сурсо, одно и то же, есть гимнастическое занятіе. —

Бирюльки.

Употребленіе этой игры повсемѣстное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она называется четками, а въ другихъ бирюльками, отъ слова брать. — На этой предметъ

иные употребляютъ гнѣзкія прутья или тоненькія палочки, а другіе употребляютъ особо приготовляемыя соломенки. Одна изъ дѣвушекъ раздаетъ каждой играющей, по одной палочки тоненькой и ровной. — Оставивъ при себѣ самую длинную, которая называется шутомъ, она отбираетъ у нихъ разданныя прежде, складываетъ вмѣстѣ съ своимъ шутомъ и сжавъ въ пучекъ, рассыпаетъ по столу. Каждая изъ двѣхъ пробуетъ выдернуть или поднять одну какую либо палочку, помощью шута, но такъ, чтобы ни одну не дотронути, и чтобы ни одна не колыхнулась. Въ противномъ случаѣ она лишается права на игру. Тутъ надобно великаго искусства, которое называется удачею. Не многимъ удается снять всѣ палочки. —

Искусные игроки употребляютъ еще ровно обрѣзанныя коротенькія соломенки, называемыя бирюльками; онѣ такъ же выдергиваются, какъ четки. Но тутъ предстоитъ гораздо болѣе ловкости, — чтобы ничто не колыхнулось, потому что соломенки движутся отъ одного дуновенія и рука дрожитъ сильнѣе. Завистливыя къ удачѣ, обнаруживаютъ большое неудовольствіе: онѣ преждевременно стараются помѣшать въ сятин бирюлекъ, потому заговариваютъ, пугаютъ, кричатъ и т. д. —

Бирюлька не есть игра однихъ дѣвушекъ; ею любятъ заниматься, въ осенніе и зимніе вечера: молодые, взрослые и старики. Она была въ большомъ употребленіи въ учебныхъ заведеніяхъ. —

III. ИГРЫ МУЖЕСКІЯ.

Мячъ. Въ сѣверной Россіи игра въ мячъ, называется еще лантою. Названіе ланты произошло отъ деревянной, на подобіе лопаты сдѣланной палки, вмѣстѣ коей часто употребляютъ просто одну длинную палку. Для этой игры избираютъ двухъ матокъ. Палку или ланту бросаютъ вверхъ, и плюютъ на одну сторону, говоря: мокраго или сухаго тебѣ надобно? Если палка упала на мокрую сторону, тому быть маткою въ городѣ; а на сухую сторону, — въ полѣ. Прочіе подходятъ попарно къ маткамъ, спрашивая ихъ: мокраго или сухаго? На отвѣтъ мокраго, тотъ идетъ на его сторону; на отвѣтъ сухаго, на сторону сухаго. Игроки раздѣляются на двѣ половины: одна идетъ къ своей маткѣ и играетъ съ нею, а другая идетъ въ поле, чтобы ловить на лету падающій мячъ. — Въ другихъ мѣстахъ игру начинаютъ конаніемъ: двое изъ прославленныхъ игроковъ, взявъ палку, мѣряются между собою: кому изъ нихъ быть маткою и кому начинать игру. Чья рука остановится на верхушкѣ палки, тому быть маткою и начинать игру. Одна половина изъ остальныхъ игроковъ идетъ въ поле, и раздѣляется между собою мѣста, гдѣ кому стоять и что дѣлать: одни становятся по срединѣ, другіе по бокамъ, и всѣ обязаны ловить мячъ. — Одинъ изъ полевыхъ подаетъ бить мячъ. — Кто не попадетъ палкою за третьимъ разомъ, тотъ лишается права бить мячъ; кто бьетъ за каждыиъ разомъ, тотъ продолжаетъ бить до трехъ промаховъ. Сдѣсь большое искусство состоитъ въ томъ, чтобъ бить мячъ высоко, по ударѣ бѣжать къ проведенной въ поле чертѣ, плюнуть тамъ и воротиться назадъ не побитымъ къ своему мѣсту; но если мячъ попадется въ руки кому либо изъ ловящихъ, и застанеть бѣгущаго на чертѣ въ полѣ, тутъ

употребляются всё возможные обманы, какъ бы побить мячемъ, а со стороны убѣгающаго, какъ набѣжать удара. Съ побитіемъ кого либо, прекращается игра, и передается другой половинѣ. Она прекращается в тогдѣ еще, когда кто схватитъ на лету мячъ, который, чтобы поймать, надобно прибрѣсть особую наравку и имѣть крѣпость въ рукѣ; потому что отъ сильнаго паденія и косвеннаго удара, производитъ большое сотрясеніе въ рукахъ ловящаго и наноситъ иногда такой ударъ, что сворачиваетъ пальцы.

Мячи употребляютъ кожаные, набитые шерстью. Охотники прибрѣтаютъ ихъ весьма дешево.

Въ Малороссіи играютъ въ городки мячемъ. Начерчиваютъ палкою квадратъ, называемый городокъ, который бываетъ въ окружности нѣсколько десятковъ сажней. Величина городка зависитъ отъ условія. — Играющихъ бываетъ только пять человѣкъ: они мѣрятся на палкахъ и чья рука выше, тому бить въ городокъ, а прочіе четыре становятся на чертѣ квадрата, отдѣльно по четыремъ сторонамъ. — Стоящій на чертѣ, долженъ бить мячемъ стоящаго въ городокъ, который увидается отъ его удара всеми способами, какъ стоящій въ городокъ бываетъ часто обманываемъ стоящимъ на чертѣ, который показываетъ лукавый видъ, будтобы онъ хочетъ перебросить мячъ кому либо изъ своихъ товарищей, находящихся на чертѣ квадрата, въ то время, стоящій въ городокъ долженъ наблюдать всё его движенія, иначе малѣйшая неосмотрительность, можетъ сдѣлать то, что вмѣсто бросанія мяча къ одному изъ товарищей, онъ быстро переизмѣняетъ свое направленіе, бросаетъ въ стоящаго въ городокъ и можетъ побить его; когда побьетъ, тогда всё четверо разбѣгаются въ разныя стороны, а побитый схватываетъ мячъ, и старается имъ побить бѣгущихъ, но не

выбѣгая изъ городка. Побитый занимаетъ мѣсто стоящаго въ городкѣ, а этотъ занимаетъ его мѣсто. Если побитый въ городкѣ, ни въ кого не попадетъ изъ разбѣжавшихся, то онъ занимаетъ прежнее свое мѣсто. — Игра продолжается до общей усталости, следовательно она есть ничто иное какъ тѣлесное упражненіе. —

Игра объ стѣнѣ и о бѣгѣ по стѣнѣ. Двое изъ играющихъ мѣрятся палкою, какъ въ предъидущей игрѣ, и точно же такъ начинаютъ игру. — Одинъ изъ нихъ бьетъ объ землю мячъ, такъ, чтобы отъ всяго удара онъ дѣлалъ бы высокіе скачки, и во время скачковъ ловить его черезъ ногу и руку, и продолжаетъ дотолѣ, пока дастъ промахъ.

Игра объ стѣну состоитъ въ томъ, чтобы бить мячъ объ стѣну, и отскакивающий мячъ подхватывать чрезъ ногу или руку, и не дать упасть ему на землю.

Эти мячи набиваютъ конскими волосами, обтягиваютъ кожною, иногда разноцвѣтной, и вращаютъ охотникамъ за нѣсколько паръ бабонъ, за хорошіи битекъ, или за свайку. —

Летучій мячъ или воланъ.

Летучій мячъ, или иначе воланъ, бываетъ величиною съ дѣтскую голову и дѣлается обмыкновенно изъ шерсти. Имъ забавляются не только лѣтомъ, но и зимою. Богатые въ своихъ покояхъ, а простые на дворѣ. Это любимая игра нашихъ торговцевъ, которые перебрасываются предъ лавками, въ зимнее время. Одинъ бьетъ вверхъ носкомъ ноги, а другой подхватываетъ его на лету: отбиваетъ своею ногою или бьетъ объ землю, отъ чего воланъ дѣлаетъ высокіе прыжки и во время его прыганія ударяютъ по немъ рукою, не давая натиться по землѣ. Когда дѣлаютъ отбой ногою, тогда становится нѣсколько охотниковъ, въ разныхъ направленіяхъ, и постоянно произволятъ искусныя отбои. — Воланъ употребляется въ домахъ дѣвчушками

и мальчиками, которые занимаются имъ съ охотою, потому что онъ служитъ вмѣсто гимнастики.

Эта игра производится посредствомъ мяча. — Выкапываютъ небольшую въ землѣ ямочку, кладутъ мячъ на деревянной досочкѣ, и бьютъ по ней палкою. Кому прежде бить, бросаютъ жребій: у. в. мѣряются на палкѣ, и чья рука остановится на верхушкѣ, тому начинать, прочіе идутъ въ поле. — Словившій мячъ, смѣняется играющаго.

Разнообразіе игры въ мячъ, измѣняется наконецъ ^{Пытка.} въ пытку. Выкапываютъ въ одну рядъ нѣсколько ямочекъ, называемыхъ лунками; потомъ копаются: кому стоять у лунокъ и отбивать мячъ, и кому катать его. Обыкновенно катаетъ тотъ, чья рука при копаніи всѣхъ ниже. Игроки становятся при ямочкахъ съ палками и отбиваютъ мячъ, и если катающій попадетъ въ лунку, то онъ занимаетъ его мѣсто, и начинаютъ пытать неотбившаго. Одинъ изъ игроковъ, засунувъ его голову между своими ногами, бьетъ по его головѣ мячемъ; другой изъ игроковъ катаетъ мячъ а остальные спрашиваютъ: въ чью лунку попалъ мячъ? — Если онъ отгадаетъ, то этимъ прекращается пытка. — Въ противномъ случаѣ продолжаютъ пытать, пока онъ не отгадаетъ. Случается, что замучиваютъ пыткой. — Отгадавшій, въ чей лункѣ мячъ, освобождается отъ пытки, и онъ начинаетъ уже пытать того, у кого отгадалъ.

Пытка напоминаетъ намъ наказаніе этого имени. Не уподобленіе ли этой игры, бывшему мученію надъ облачаемыми въ преступленіи? — Многія игры обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствительному событію, по этому допустить можно, что игра въ пытку, могла произойти отъ существовавшаго наказанія. Во всякомъ случаѣ эта игра, есть мучительная гимнастика.

Свайка. Она дѣлается изъ желѣза въ видѣ гвоздя, съ большой головкою и заостреннымъ концемъ. Вѣсуть иногда до 4 и 5 фунтовъ, — тяжелѣе этого мѣръ не случилось видѣть, хотя нѣкоторые утверждаютъ, что бывають до полпуда; что она одолжена своимъ происхожденіемъ тульской оружейной слободѣ, и что рѣдко можно слышать въ другихъ губерніяхъ объ этой игрѣ. — Тогда, какъ она въ большемъ употребленіи въ Малороссіи, въ литовскимъ краѣ и во многихъ южныхъ мѣстахъ Россіи. Для свайки приготавлиють особое желѣзное кольцо, и играютъ нѣсколько вмѣстѣ. Беруть за остріе свайки и бросють въ средину кольца такъ, чтобы она воткнулась въ его средину, но еще лучше, если попадѣтъ въ средину кольца, отобьетъ его. — Тогда мѣряють разстояніе отъ свайки до кольца палью, и такованъ мѣра называется пирогами. — Глубоко же вонзившаяся свайка въ землю, называется рѣдкою. — Если свайка не воткнется, тотъ лишается игры. — Кто за десятимъ разомъ не воткнетъ, тотъ обязанъ подавать свайку каждому игроку, и говорить ему въ насмѣлку: хомуть надѣлъ на отпа. — Выигравшій садится верхомъ на проигравшемся, что называется *лэдитъ верхомъ и сплзатъ*, и сидя на немъ, бьетъ въ землю свайкою до перваго промаха. Сидящій верхомъ издѣвается надъ подающимъ ему свайку. Когда подающій потѣеть, ему говорить: *масло потемло*. Когда не можетъ вынуть свайки изъ земли, тогда говорятъ: *ивльцо къ бильцу подползло*. Когда ижемогаетъ въ силахъ и сердится: *потѣй Фадѣй, до звѣзды говѣй*. Когда выкапываетъ свайку изъ земли: *вынимай скорѣй, изъ норы своей*; когда оканчиваетъ игру: *унесъ, горе, въ свое море*. Въ иныхъ мѣстахъ говорятъ: *сбиль бѣду*, какъ свою жену.

Играють въ свайку еще другимъ образомъ. Игрокъ

береть свайку за острый кончик и бросаетъ ее такъ, чтобы она перевернувшись въ воздухѣ, попала въ кольцо. Если попадетъ, то считается за три. Это значитъ, что ему дозволяется бить за удачный попадъ, еще по три раза; но кто за первыми тремя разами промахнется, тотъ лишается бить въ кольцо. Еще принимаютъ въ счетъ *пирогки*, т. е. если свайка не попадетъ во внутрь кольца, а отобьетъ его, то пространство отъ свайки до кольца, называютъ *пирогками*: ихъ вымѣриваютъ свайкою; сколько разъ уляжется свайка на этомъ пространствѣ, столько *пироговъ*. Кто промахнется послѣ двѣнадцати разъ, того морять: онъ долженъ каждому изъ играющихъ подавать свайку; получающій ее бросаетъ въ землю три раза внѣ кольца, а въ четвертый разъ въ кольцо. Если онъ попадетъ въ кольцо или сдѣлаютъ нѣсколько *пироговъ*, то моренье повторяется и продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ за нимъ не подѣлаютъ промаховъ. При мореніи принимаются еще въ счетъ *ляпы* и *рѣпка*. Когда свайка не воткнется въ землю; то это называется *ляпою*, и если кто сдѣлаютъ три *ляпы*, тотъ лишается права морить. — *Рѣпка* же, когда морящій попадетъ въ одно мѣсто свайкою, которая входитъ въ землю своею головою, — тогда это называется засадить *рѣпку*, и вытаскивать ее довольно тяжело. Моренье окончивается, когда всѣ подѣлаютъ промахи.

Взятый ножикъ не жребію, бросаетъ его въ землю Полит. двумя пальцами, потомъ тремя и т. д., чтобы онъ воткнулся. — Послѣ кладетъ его на кулакъ поперегъ, за тѣмъ на ладонь и на кисть, и съ никъ бросаетъ; потомъ, взявъ за кончикъ и приложивъ къ губамъ, бросаетъ его въ землю; послѣ кладетъ ко лбу и оканчиваетъ головою, съ кою онъ сбрасываетъ, но всякій разъ, чтобы воткнулся ножъ. Не выполнившій всѣхъ

этикъ дѣйстви́й, должнъ вытаскивать зубами тоненькій колышекъ, забитый въ землю и чуть видный.

Мушка. Вбиваютъ въ землю палку; длиною въ аршинъ и болѣе; сверху палки привѣшиваютъ деревянный крючекъ, называемой мушкою, которую *водятъ* (караулятъ) одинъ изъ играющихъ и вѣиваетъ ее всякой разѣ, когда собьютъ, а прочіе, отойдя на нѣсколько шаговъ, держатъ въ мазлахъ (ямкахъ) свои палки. Между тѣмъ одинъ кто либо, не отходя отъ мазла, старается попасть своею палкою въ мушку, или покрайней мѣрѣ въ вбитую палку; отлетѣвшую же его палку, онъ оставляетъ лежать на томъ мѣстѣ, гдѣ она упала, пока все не кончутъ бить. Но если бьющій надѣется, что онъ сбьгаетъ скорѣе за палкою, чѣмъ поспѣетъ водящій повѣсить мушку; то онъ бѣжитъ за нею. Если не надѣется, то дожидается выкупа.—Когда бьетъ послѣдній—это значитъ *выкупаютъ*, тогда все бѣжати за своими палками. Водящій же мушку должнъ, повѣсивъ ее какъ можно скоро, захватить чѣе бы то ни было мазло, во время ихъ побѣга. Кто не успѣетъ зашатать свое мазло, тотъ водить мушку, а прочіе играютъ по прежнему.

Изворотливость побѣждаетъ умѣнье.

Чушки. Начерчиваютъ сначала на землѣ два круга, разстояніемъ другъ отъ друга на 20 шаговъ и болѣе; потомъ проводятъ, по срединѣ крѣждаго круга, по одной чертѣ, называемой кономъ, и одну черту между кругами, которая называется полукономъ. На конахъ крѣждаго круга ставятъ по пяти чушекъ (обрубки, длиною и толщиною въ $\frac{1}{2}$ арш.), въ такомъ порядкѣ: одну чушку кладутъ вдоль кона, двѣ поперегъ продольней чушки, четвертую вдоль двухъ поперечныхъ, а пятую ставятъ стоймя, между четвертой и двѣми продольными. Играющіе раздѣляются на двѣ стороны,

каждой игрокъ имѣеть по двѣ палки, и начинаютъ сбивать по конанію. Игроки первой стороны, бьютъ изъ своего перваго круга, въ кругъ второй стороны: сначала одной палкой, а потомъ другой. Если случится, что кто собьетъ съ перваго раза всѣ чушки; то вторая сторона начинаетъ сбивать чушки перваго круга, палками первой стороны. Должно замѣтить, что при сбиваніи чушекъ, употребляютъ игроки одинъ и тѣже палки. Если случится, что игроки первой стороны, не всѣ собьютъ или вовсе не собьютъ чушки втораго круга, то начинаетъ сбивать вторая сторона, чушки перваго круга, и такимъ образомъ продолжаютъ играть обѣ стороны, пока не собьютъ чушекъ съ своихъ коневъ. Когда кто собьетъ съ коша, хотя одну чушку; тогда прочіе должны сбивать остальные уже съ полукона. Если которая сторона не собьетъ своихъ чушекъ, то сбившая ѣздитъ на ней отъ круга къ кругу. Если обѣ стороны собьютъ свои чушки, то начинаютъ снова играть, пока кто не собьетъ.

Игра эта повидимому намекаетъ на то, что кто въ свѣтъ проворенъ — тотъ и успѣваетъ.

Въ начертанномъ на землѣ кругѣ, кладутъ чижики или чижа, — заостренную палочку съ обѣихъ концевъ, Чижъ
и жи
чижики. длиною въ $\frac{1}{4}$ арш. — Начинающіе играть конаются сначала, и потомъ бьютъ по порядку конанія: отъ перваго до послѣдняго. Предъ игрою уговариваются: если кто не сдѣлаетъ десять ударовъ палкою по чижику, то сколько долженъ бѣгать на кули и скачку? — Кули значить бѣгать отъ круга до упавшаго чижики, и кричать не переставая: на кули, кули. Скачка такое же бѣганье, только на одной ногѣ, сгорбившись и не перемѣняя ноги.

Первый игрокъ по конанію, начинаетъ бить чижики, съ одного какого либо заостреннаго конца, и старается

сдѣлать еще нѣсколько ударовъ на воздухѣ, и потомъ отбиваетъ чижика; за нимъ бьетъ второй и такимъ образомъ бьютъ всѣ по порядку. За отбитымъ чижикомъ бѣжитъ второй игрокъ, который кладетъ его въ кругъ и начинаетъ бить, какъ первый, и за отбитымъ бѣжитъ уже третій, и такъ всѣ чередуются до конца игры. Кто всѣхъ скорѣе сдѣлаетъ десять ударовъ, тотъ оканчивается бить чижика, и потомъ первый начинаетъ бить уже на кули и скачку, но не прежде, пока всѣ не сдѣлаютъ по десяти ударовъ, наблюдая прежній порядокъ бить по очереди. Не сдѣлавшій десяти ударовъ, бѣгаетъ за чижикомъ, подаетъ каждому бить и обращаясь къ кругу, кричитъ непрерывнымъ голоса: на кули, кули! и въ то время скачетъ. Онъ кричитъ и скачетъ столько разъ отъ чижика къ кругу, сколько было условлено. Послѣ снова начинаютъ играть, если вздумаютъ.

Неудача скачетъ, неудача пляшетъ, — а крайность до чего не доводитъ.

Кандалы Становятся мальчиши къ стѣнѣ или забору. Одинъ изъ играющихъ, ставъ противу нихъ, говоритъ: кандалы.

Ему отвѣчаютъ: скованы.

Одинъ изъ играющихъ говоритъ: раскуй

Спрашиваютъ: кого?

Одинъ изъ играющихъ отвѣчаетъ: насыкай кулакъ (приготовляй).

Спрашиваютъ: на чѣмъ фоки?

Одинъ изъ играющихъ: на такого-то. — Тогда всѣ бросаются на поименованнаго имъ и бьютъ. Говорившій занимаетъ потомъ мѣсто поименованнаго, а этотъ начинаетъ спрашивать прежнимъ порядкомъ и продолжаютъ забавляться, пока не прискучитъ имъ. На кого повалится несчастье, на того и люди.

Шаръ
или ка-
сло. Выбираютъ палки, которыя бы имѣли на концѣ го-
ловку, какъ въ кѣ, чтобъ удобнѣе было гонять шаръ;

потомъ выкапываютъ довольно большую яму, называемую касло (*). Кругомъ его выкапываютъ небольшія ямки, по числу игроковъ, называемыя лунками. Доставшемуся по жребію водить игру, долженъ загнать шаръ въ лунку, и когда другіе будутъ отбивать, тогда стараться захватить чіе бы то ни было мѣсто.— Защищающіе должны находиться при своихъ лункахъ, и когда водящій вгонитъ шаръ къ касло, тогда они должны перемѣняться своими ямками, но чтобы не прозывать ихъ. Прозывавшій же, водить шаръ. Если водящій долго не вгонитъ въ касло шаръ, то можетъ бросить его вверхъ, но такъ, чтобы попасть въ касло; прочіе обязаны отбивать шаръ на лету. — Отходящій отъ своей лунки, долженъ зачурить ее, сказавъ: чур! мое касло до вечера не погасло.— Другіе говорятъ: чуръ сала—масла, запечатано касло.

Забава эта довольно утомительная: въ ней требуется проворства и искусства, особенно водящему шаръ. Игра въ шаръ выражаетъ набѣгъ врага на мирныя жилища.

Вбиваютъ въ землю колышекъ, и привязываютъ къ ^{вѣтчин-} нему небольшую веревку. Около колышка кладутъ ^{ка.} старые сапоги, башмаки или лапты. Одинъ изъ игроковъ беретъ въ лѣвую руку веревочку, а въ правую пруть. — Прочіе подходятъ къ нему и спрашиваютъ: поспѣла ли вѣтчинка? — Нѣтъ. — Потомъ, погодя вѣсколько времени: поспѣла ли вѣтчинка? — Нѣтъ. — За третьимъ разомъ: поспѣла ли вѣтчинка? тотъ отвѣчаетъ: кипить, жевелить, продавать велить. При послѣднемъ словѣ похищаютъ вѣтчинку, а тотъ долженъ отгонять

(*) Въ другихъ мѣстахъ большая ямка называется *котломъ*

ихъ прутомъ, и ударенный имъ, застываетъ его мѣсто. Если вѣтчинка расхищена безъ удара, то онъ самъ подвергается наказанію: берутъ по пруту и бьютъ его.

Не выражаетъ ли эта игра безпечнаго хозяина, о своей собственности?

Бабки. Онѣ приготовляются изъ подкопытной кости, и составляютъ нѣкоторымъ образомъ промыслъ мальчишекъ. Сначала обвариваютъ въ горячей водѣ, и потомъ выбираютъ самую большую и тяжелую кость для битки, которую наливаютъ охотники свинцомъ. Каждый игрокъ ставитъ нѣсколько паръ своихъ бабокъ, на ровномъ мѣстѣ въ одинъ рядъ; стояшія попарно бабки, называются гнѣздомъ, а всё гнѣздо кономъ. Кому начинать бить, бросаютъ изъ за кона битки; чей упадетъ дальше, тому начинать. Сбившій нѣсколько гнѣздъ, получаетъ все себѣ; не понавший, теряетъ свой выигрышъ.

Игра въ бабки имѣетъ свои особыя названія: конъ за конъ, плоцка, кудачекъ у кону, стѣнка и городокъ. Кто въ игрѣ конъ за конъ, спишетъ крайнія бабки, тотъ ихъ выигрываетъ. Въ плоцкѣ должно цѣпать въ одну изъ сторонъ: въ правую или въ лѣвую. Въ кудачкѣ надобно имѣть особую ловкость, чтобы не зашибить своимъ биткомъ чужаго. — Въ стѣнкѣ бросаютъ объ стѣнку бабками, и чья ляжетъ ближе къ другой, тотъ выигрываетъ. Въ конѣ ставятъ по шести бабокъ, и кто собьетъ всѣ, тому достается вся шестерня. — На всѣ эти игры находятя многообразныя правила и условія, такъ что, еслибы кто захотѣлъ утверждать, что онѣ имѣютъ общія и положительныя, тому представились бы однѣ возраженія, потому что не вездѣ играютъ одинаково, и нѣтъ положительныхъ правилъ: болѣе зависитъ отъ мѣстности и нововведеній самыхъ игроковъ. —

Игра въ бабки собственно есть греческая и называлась *астрагалосъ*. — Отъ Грековъ она распространилась по Европѣ, а Русскіе такъ ее усвоили, что она понынѣ составляетъ первое удовольствіе мальчишковъ, и нѣтъ уголка во всей Россіи, гдѣ бы не играли въ нее. Должно замѣтить, что въ бабки любили играть Татары Золотой Орды. При разрытіи мѣстности Сарая, находили во множествѣ коньки и зальчики (бабки назъ подколѣвъ овецъ), которые были очень хорошо обдѣланы. — Иногда случалось видѣть по нѣсколько десятковъ, сложенныхъ вмѣстѣ. —

Разнообразіе игры въ бабки, называемой въ калужской губерціи *ладышками*, можно видѣть изъ трехъ ея разновидностей: *плюцка*, *жогъ* и *конь за конь*.

Выбираютъ равное мѣсто, проводятъ на немъ черту для кона, и черту, изъ за которой должно бить и гонять битой. Дѣя биты бываютъ прѣстлы бабки, свинчатки (налитыя свинцомъ), чугушки и мѣдники (чугунныя и мѣдныя бабки). Каждый за свою битую должень ставить на конь пару бабокъ, называемыхъ *мяздомъ*. Уставивши конь, собираютъ всѣ биты и бросаютъ ихъ на землю. Котораго бита ляжетъ дагѣ всѣхъ, и при томъ *плюцкою* (на лѣвой бокъ); тотъ имѣетъ право, прежде всѣхъ гонять и бить, за нимъ по порядку прочіе; послѣ нихъ *жогъ* и *мучка*. — *Жогъ*, коньхъ биты легли прямо на нижнюю сторону, а нички, на верхній бокъ или правую сторону, но нички уже быють съ лѣвой руки. Сшибаемыя бабки кладутъ въ свою козну т. е: въ карманъ, шапку, мѣшечекъ и за пазуху. — Если съ кона не всѣ сшиблены бабки; то продолжаютъ сбивать ихъ по согласію, или еще прибавляютъ къ гнѣзду бабки. —

Въ *жогъ* такъ же играютъ, какъ въ *плюцку*. — Разница та, что здѣсь гоняетъ и бьетъ прежде тотъ, у

кого бита легла жогомъ, за нимъ плодма, а послѣдній уже ничка.

Уставивши конь, отходить на довольно большое пространство; отсюда начинаютъ *забивать битамъ*, это значитъ, чтобы бита непременно *перобутьла* (перелетѣла) черезъ конь. Въ противномъ случаѣ берутъ пару ладышекъ, поставленныхъ за битю. Этотъ промакъ поправляется постановленіемъ другой пары битокъ, что называется уже *посолить* или *посарить*. Послѣ *забоя*, бьютъ за кономъ. Сбитыя бабки берутъ себѣ, которыя продаютъ потомъ, или мѣняють на какія нибудь вещи.

Играютъ еще бабками въ пристѣнокъ. Ударяютъ бабкою объ стѣну, ворота или камень, а въ слѣдъ за ними, чокаются бабками. Это значитъ, чтобы бабка дотронулась къ чіей нибудь, или находилась бы на разстояніи отъ нея на пядень. Тогда это называется *спядмъ* игрокъ, который получаетъ чокнувшіяся или спядившіяся бабки.

Чокан-
чки или
пожки.

Въ этой игрѣ участвуетъ двое. Одинъ беретъ битю у товарища, и бросаетъ ее вмѣстѣ съ своею на землю: чія бита легла жогомъ, тотъ бьетъ ее своею, но такъ, чтобы она, чокнувъ объ нее, отскочила болѣе, нежели на пядень, въ противномъ случаѣ онъ беретъ его бабку, и тогда начинается игра съизнова. Если кто всѣ три раза, будетъ чокать бабку другого, то онъ выигрываетъ его бабку; но когда затретьимъ разомъ спядитъ одну битю, то онъ лишается игры, и такое удареніе называется *на модъ жижжу*. — Въ чоканчки играютъ тѣ, которые проиграли всѣ свои бабки, въ надеждѣ возвратить свою потерю. Проигравшійся разсуждаетъ: ужъ выигрывать, такъ выигрывать; проигрывать, такъ проигрывать. Вода глазами по выиграннымъ его товарищами бабкамъ, онъ чокается своею битюю, и вызываетъ охотника:

кто въ чеканчики? кто въ чеканчики? При этомъ положеніи, онъ бываетъ подобенъ проигравшемуся въ карты, загибающему уголъ и вызывающему метать въ банкъ.

Проигрывающіе бабки прибѣгаютъ часто къ невозможному обману: они вдругъ падаютъ на конь съ крикомъ: *шарань!* и разграбливаютъ.

Бываютъ при выигрышѣ вознагражденія: кто ссудитъ свою битку на прокатъ, тотъ получаетъ за нее нѣсколько бакоекъ.

Эта игра татарская, и есть тоже самая, что въ баб-Альчикъ ки. Ставятъ въ кружокъ попарно бабки, которыя приготавливаютъ изъ подкожнѣт овецъ. — Сначала конаются (мѣряются на палкѣ): чья рука наверху, тому бить прежде всѣхъ, а прочимъ по своему порядку. Играющіе выбѣютъ нарочно сдѣланные изъ свища битки, называемые альчиками, которые бываютъ побольше обыкновенной бабки. Бьютъ на одномѣрное разстояніе. Альчикъ держать въ правой рукѣ, между двумя пальцами: мизинцемъ и большимъ. Альчикомъ не бросаютъ, но шелкаютъ въ коньки: кто сбьетъ, тотъ получаетъ ихъ. За первымъ игрокомъ слѣдуютъ другіе по порядку, съ той уже разницею, чей альчикъ ушалъ далѣе, тому бить прежде. — Играютъ въ альчики еще иначе. — Каждый изъ играющихъ ставитъ пару коньковъ, подлѣ проведенной черты, — и этотъ рядъ коньковъ, называется *козкою*. Потомъ бросаютъ биткою изъ за козны: чья бита ляжетъ, тотъ лишается права бить; но если биты станутъ *олсцаромъ* (неровнымъ бокомъ) или *тамгешомъ*, (равнымъ бокомъ), то бить прежде тому, у кого *олсцарь*. Бьютъ же козну на ступень отъ нея, шелкая тремя первыми пальцами. Сбившій рядъ козны, получаетъ ее.

Избираютъ на луку или на улицѣ пространное мѣсто-Палк. то и очерчиваютъ конь, — круглое или четверуголь-

ное мѣсто. Въ срединѣ его ставятъ пыжъ: толстый, деревянный отрубокъ въ четыре вершка, а иногда болѣе. Игроки выбираютъ палки длиною въ аршинъ, и ставовятся сбивать пыжъ, на условленномъ разстояніи. Начинаетъ тотъ, кому прежде достанется битъ по жребію. Для этаго каждый, взявъ въ правую руку палку а въ лѣвую пыжъ, бьетъ по немъ, и кто отобьетъ дальше, тотъ дѣлается игрокомъ, а кто ближе, тотъ вожатымъ. Этотъ способъ выбора называется чакваніемъ. Игрокъ бьетъ палкою объ пыжъ; онъ долженъ сбить его изъ круга, потомъ бѣжать за своею палкою, чтобы не допустивъ вожатаго, схватить ее, и наконецъ возвратиться на свое мѣсто. — Прочіе не должны брать въ руки палку; иначе они лишаются игры, и одинъ изъ нихъ, болѣе виновный, дѣлается вожатымъ. Если бы кто захотѣлъ спорить въ игрѣ, то съ него выжимаютъ масло: двое изъ игроковъ стискиваютъ его палками, пока онъ не начнетъ умаливать и плакать. При чакваніи говорятъ: чаквачки, маковы головочки, малечина, калечина! Сколько часовъ до вечера до зимняго? — Разъ, два, три. — Этотъ счетъ дѣлается, когда пыжъ бьютъ палками, чтобы знать, кто болѣе чаквался. —

Во многихъ мѣстахъ играютъ въ пыжъ, безъ особыхъ притязаній: ставятъ его въ кругъ на извѣстномъ разстояніи, и бьютъ по очереди по немъ; кто сбиваетъ удачно, тотъ продолжаетъ играть до перваго промаха; промахнувшійся же обязанъ становить пыжъ.

Скрагли Скрагли,—малороссійская игра. Она имѣетъ нѣкоторое сходство съ пыжемъ. Очерчиваютъ кругъ, называемый городомъ, и кладутъ въ немъ отрубки толстыхъ, но короткихъ палокъ; потомъ бросаютъ жребій, кому битъ прежде. Кто выбьетъ изъ города за

черту, тотъ ѣздитъ на своемъ противникѣ, и ѣдетъ въ завоеванный имъ городъ съ торжествомъ.

Въ другихъ мѣстахъ играютъ еще иначе. Ставятъ на очерченномъ кругѣ деревянные скрагли; играющіе отмѣриваютъ отъ круга шагами, условленное разстояніе, а другіе бросаютъ отъ круга палки, и чія упадетъ дальше, тому начинаютъ бить. Сбившій скрагли съ черты, славится своей ловкостію, и потомъ онъ ставитъ для играющаго съ нимъ скрагли, на томъ мѣстѣ гдѣ онѣ упали, а отнюдь не на самой чертѣ. Товарищъ его долженъ сбивать; сдѣлавши промахъ, онъ лишается права сбивать въ другой разъ, предоставляя искусству своего соперника. Они продолжаютъ сбивать попеременно, пока не собьютъ всѣхъ, и тѣмъ оканчивается забава, которая, кромѣ ловкости и тѣлеснаго упражненія, не имѣетъ другаго назначенія. Мальчики и взрослые весьма любятъ заниматься скраглями; играютъ по большей части въ двоємъ.

Малороссійская игра, употребляемая однако во мно-^{Скляпъ,}гихъ мѣстахъ Россіи. Скляпъ есть деревянный отрубокъ, съ одного конца за остройной, а съ другаго плоскій. Заостреннымъ вбиваютъ слегка въ землю; потомъ бросаютъ игроки свои палки отъ скляпа, и гдѣ улягутся, оттуда начинаютъ бить. Обыкновенно бьетъ первымъ тотъ, чія палка ляжетъ далѣе. Сбившій скляпъ ставитъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упадетъ. Случается, что товарищу достается бить съ такого дальнаго мѣста, что онъ едва можетъ добросить до него свою палку. Все искусство здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы сбить сдали.

Ставятъ на одной чертѣ въ одинъ рядъ, нѣсколько ^{Корги.}кеглей, только на ровномъ мѣстѣ и даже на лугу; средній, самый высшій, носитъ названіе короля, прочіе *алановъ* (слугъ). Съ двухъ противоположныхъ сторонъ стано-

вятся игроки, на условленномъ разстояніи, называемомъ *чертою игроковъ*. Начинающій сбивать, беретъ въ руку шаръ, мѣтитъ имъ въ кегли и старается бросить такъ, чтобы не катаемъ по землѣ, но ударомъ попасть и сбить. Если король выбьется за черту, противуположную игроку, то считаютъ сто, а прочіе по десяти очковъ.

Скопер-Дивъ. Малороссійская игра. Два игрока садятся на землю, и держатъ въ рукахъ по гибкой палки. Одинъ изъ нихъ сгибаетъ палку, и пускаетъ ее по землѣ: она дѣлаетъ колесообразные прыжки, и чѣмъ далѣе, тѣмъ похвальнѣе для игрока: въ этомъ обнаруживается особая ловкость и снаровка. Другой игрокъ такъ же пускаетъ свою палку, и оба продолжаютъ испытывать ловкость другъ у друга.

Цурка. Малороссійская игра. Цуркою называется небольшая, заостренная съ обѣихъ сторонъ палочка. Одинъ изъ игроковъ, положивъ ее на землю, бьетъ съ какаго нибудь края, особой палкою. Отъ искуснаго удара цурка летитъ вверхъ: тогда игроки не допускаютъ ее упасть на землю, — подхватываютъ на легу палкой и бьютъ вверхъ. Если случится, что она отъ удара залетитъ далеко, ѣ противуположный игрокъ не успѣетъ подхватить своимъ ударомъ, то, съ того мѣста, откуда первый ударилъ, и до того мѣста, гдѣ она упала, отсчитывается шагами мѣстное разстояніе, напримѣръ: 200, 300 шаговъ, и т. д., и потомъ начинаетъ бить снова первый игрокъ, продолжая до перваго промаха. Если онъ въ продолженіи своей игры выигралъ, напр. 100 шаговъ, то его товарищъ долженъ отыграть ихъ. Во всякой игрѣ, весьма неприятно проигрывающемуся: его беретъ досада, и онъ старается всѣми силами отыграться. — И тутъ-то онъ проигрываетъ.

Въ цурку еще играютъ иначе. Начерчиваютъ кругъ,

который называется *ародкомъ*; посрединѣ его вбиваютъ колышекъ, называемый *столбикомъ*. Потомъ копаются двое; каждый изъ нихъ имѣетъ свою половину игрокѣвъ: одна половина становится подлѣ городка, а другая отправляется въ поле. Игроку подають цурку, или какъ говорятъ *имитъ* одинъ изъ числа полевыхъ: если первый промахнулся, то заступаетъ его мѣсто другой, изъ одной же половины; если всѣ промахнутся, то лишаются игры, и всѣ идутъ въ поле, а бывшіе въ полѣ, начинаютъ бить цурку.

Бьющій цурку старается ударить высоко и далеко: стоящіе въ полѣ, должны отбивать ее на лету въ городокъ. Стоящій въ городкѣ, долженъ отбить ее въ свою очередь, и такъ продолжаютъ отбивать ее другъ къ другу. Если находящіеся въ полѣ, не отобьютъ цурку на лету, то по крайней мѣрѣ надобно попасть ею въ столбъ. Стоящій въ городкѣ долженъ отбивать своей палкой, т. е. не допустить, чтобы цурка попала въ столбъ. Попавшій кто либо изъ полевыхъ, идетъ съ своей половиною въ городокъ, а тѣ, которые были въ городкѣ, идутъ въ поле. Но когда стоящій въ городкѣ, отобьетъ цурку, тогда мѣряютъ шагами отъ столба до упавшей цурки, и такое пространство шаговъ называется *кономъ*. — Сколько оказалось коновъ, столько разъ ѣздятъ городскіе на полевыхъ, отъ столба до цурки. Водитель горожанъ садится верхомъ на водителя полевыхъ; за нимъ ѣдутъ рядомъ горожане, на другихъ полевыхъ.

Эта игра употребляется и между Русскими. —

Малороссійская игра. На землѣ чертитъ крестъ, ко-раі. который называется *раемъ*; вокругъ рая или противу рая, выкапываютъ нѣсколько десятковъ ямочекъ; между раемъ и ямочками, дѣлають большую яму, которая на-

зывается *пекломъ* (адамъ). Играющій беретъ въ руки ножъ, и взявшись за его остріе, бросаетъ въ землю, чтобы онъ воткнулся, и всякій разъ, какъ воткнется, онъ ставитъ въ ямочку прутикъ или палочку, и продолжаетъ пока не дастъ промаха. Если онъ попаля 20 или 30 разъ, то другой игрокъ долженъ отыграть это число, и потомъ доходить до рая. Рѣдко случается, чтобы игроки доходили до рая. Первому игроку случается, но второму предстоитъ много трудностей, потому что ему надобно отыграть первыя ямочки. Когда второй игрокъ промахнется, тогда продолжаетъ играть первый, засчитывая первыя ямочки, и только онъ доходитъ до рая.

Тычка. Игра въ рай, напоминаетъ намъ игру ножемъ въ тычку, отъ коей выдумана смерть Царевича Дмитрія, но который умеръ, безъ сомнѣнія, отъ рукъ злодѣевъ: Осива Волохова, Данила Битяговскаго и Никиты Качалова. Взявшись за конецъ острія ножа, игрокъ бросаетъ его на землю, чтобы онъ воткнулся въ нее. Кто больше втычетъ остріемъ, тотъ считаетъ на другомъ игрокѣ свои выигрыши; другой же игрокъ долженъ отыгрываться. Игра передается всякій разъ послѣ промаховъ, и продолжаютъ играть до усталости, или откладываютъ отыгрышъ до слѣдующаго раза. —

Исчисленные здѣсь игры, какъ то: скрагли, скаяпъ, скопердинъ, цурка, кегли, рай и тычка, будучи весьма полезными занятіями для тѣла, замѣняютъ гимнастическія упражненія.

Чекарда. Самое названіе чекарда, есть татарское, и игра эта перешла къ намъ отъ Татаръ, во время поработенія нашего. — Игроки раздѣляются на двѣ половины; избранные отъ двухъ половинокъ, копаются между собою. Половина, которой досталось по кананью повѣренаго (такъ выражаются), становится къ стѣнѣ и одинъ изъ игроковъ упи-

рается объ стѣну своей головою; позади его становится другой, въ такомъ же положеніи какъ первый, исключая того, что онъ держитъ голову подъ мышкою перваго, для предохраненія ея отъ ушибу во время игры; за нимъ становится третій точно также, а потомъ и всѣ остальные. — Составляющіе другую половину, прыгають одинъ за другимъ на нагнувшись, и садятся верхомъ, — ни за что и ни за кого не держась. Вспрыгнувшій послѣдній, ударяетъ три раза въ ладони и кричитъ: *чекарда, ярда!* Если изъ вспрыгнувшихъ никто не упадетъ, и потомъ изъ соскочившихъ тоже никто не упадетъ; то продолжаютъ вспрыгивать и соскакивать до тѣхъ поръ, пока кто не промахнется. Тутъ много зависитъ отъ ловкости вскакивать и соскакивать, а потому первая половина замучивается второю. Кто промахнется изъ нихъ, тогда теряется игра, и первая половина начинаетъ такъ же ѣздить на нихъ, какъ вторая. Эта игра доводитъ иногда до крайности: отъ вскакиваній и соскакиваній, насаживаютъ спину и бока, отъ чего долго не могутъ разогнуть ихъ.

Становятъ попарно бабки или пыжи, въ видѣ шести-Городки угольника, — это значить городить; въ срединѣ его три гвѣзда, которыя называются сердцевина или средовина. Бабочный городокъ бьютъ свинцовымъ, или чугуннымъ биткомъ. Если кто собьетъ городокъ, тотъ похваляется предъ всѣми, а если дотронуть средовину, то плотить шестерней, (по шести бабокъ). — Если, по разби- тии городка, остается невредимою сердцевина, то остается въ пользу домоѣдовъ, — т. е. такихъ, которые при бросаніи жребія биткомъ сдѣлали ничку, — битокъ, но только тотъ, который упалъ на лѣвой бокъ. Одна плочка и жигъ, даютъ право на игру. Плочка значить, когда битокъ падаетъ правой стороною, а жигъ, когда спинкой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи, и даже въ

сѣверной ея полосѣ, городкомъ называютъ иногда самой пыжъ. — Есть еще особая игра въ городки, употребляемая въ смоленской губерніи.

Втыкаютъ въ землю не большую сучковатую палочку. Каждому сучку, отъ низа до верху, даютъ названіе городковъ, селеній и деревень. Первому сучку всегда даютъ имя той деревни, гдѣ играютъ. Употребительнѣйшія названія, это: королево, Тушино, постольдый дворъ, кабакъ. Москвою называютъ самой верхній сучекъ, а подлѣ каждого постоянного двора, назначаютъ кабакъ. Послѣ приготавливаютъ для себя по деревянному крючку, а одну палочку разрѣзываютъ по поламъ, которую метаютъ потомъ по жребію. Если двѣ половинки палочки, упадутъ на землю двумя плоскими боками, то играющій вѣшаетъ крючекъ на первомъ сучкѣ; если онѣ снова лягутъ тѣми же боками, то крючекъ перевѣшивается сучкомъ выше. Если лягутъ: одна плоскою а другая круглою, или обѣ круглыми сторонами; то крючекъ остается на прежнемъ мѣстѣ, и палочки бросаетъ уже слѣдующій. Такимъ образомъ играющіе, перевѣшивая свои крючки съ сучка на сучокъ, доходятъ до Москвы, и потомъ возвращаются домой, т. е. переходятъ къ первому сучку снизу. — Когда возвращающійся изъ Москвы, встрѣтится съ ѣдущимъ туда, то онъ даетъ ему дорогу, отдвигаясь отъ него сучкомъ ниже; когда ѣдущій въ Москву догонитъ другаго, туда же ѣдущаго, тогда онъ постороняется отъ него не много, — перевѣшиваетъ свой крючекъ ближе къ Москвѣ. Кто прежде другихъ съѣздитъ въ Москву и возвратится домой, тотъ дѣлается царемъ-побѣдителемъ, который наказываетъ отставшихъ шелчками въ ладонь или въ лобъ. Счетъ шелчковъ начинается отъ того сучка, на коемъ остановился каждый, при возвращеніи побѣдителя домой. —

Послѣ наказанія, возобновляется игра; начинается се побѣдитель-царь, за нимъ тотъ, кто отсталъ менѣе, и т. д.

Эти городки выражаютъ то смутное состояніе Россіи, когда при удѣльной системѣ искатели московскаго престола, спѣшили въ Москву, объявляли себя властителями и торжествовали надъ своими соперниками, а эти соперники ниспровергали въ свою очередь первыхъ самовластителей. — Игра въ эти городки вошла въ употребленіе, нѣтъ сомнѣній, по успокоеніи отечества нашего отъ волненій, должно думать не ранѣе половины XVII вѣка.

Тонкіе и круглые столбикѣ, вышиною не болѣе въ Крегли. четыре вершка, называются креглями. Для игры начерчиваютъ два четырехугольника, въ разстояніи другъ отъ друга на пятнадцать или двадцать шаговъ; между ними выкапываютъ не большую ямку, называемую *масло*. По линіямъ четырехугольниковъ, ставятъ изъ креглей города, а именно: одну креглю кладутъ вдоль черты, на верху той крегли три: двѣ рядомъ а третью сверху; съ одного конца ставятъ пятую, и это называется построеніе города. Играющіе дѣлятся на двѣ половины: первой половины игрокъ бьетъ палкою въ городъ противниковъ, и если онъ выбьетъ изъ черты нѣсколько креглей, или хотя одну; то онъ переходитъ съ своей половиною на *масло*, и уже бьетъ оттуда остальные крегли. Бываетъ, что вся половина перебить, а на *масло* никто не переходитъ, потому что ни кто не выбилъ изъ города крегли. Но когда тронуть городъ изъ своего мѣста, то играющіе идутъ осматривать его: нѣтъ ли въ немъ лежащихъ на чертѣ креглей. Если онѣ повалились внутри черты; то называются *лежнями*. Та половина, которая выбьетъ городъ послѣ, ищетъ противниковъ отъ одного города къ другому, только одинъ разъ, а потому первая по-

ловина снова начинает игру.—Во время игры появляются особые охотники, называемые *коллами*. Это те из них, которые не пристають ни къ той, ни къ другой стороны, и бьют попеременно за них, приходя къ нимъ на помощь.—Это тоже, что наемщики, у коихъ честь тамъ, гдѣ дають больше денегъ.

Выраженіе креглей, есть нападеніе непріятелей на городъ, который отнимають попеременно, другъ у друга, и въ это время появляются охотники и переметчики со всѣхъ сторонъ, получающіе за свои услуги золото.

Буд. Буй по своей особенноти, весьма примѣчательная игра. Она ведется въ Ярославль, съ незапамятныхъ временъ. Подобной забавы нигдѣ не встрѣчается въ Россіи, кромѣ ближайшихъ къ Ярославлю городовъ: Романа, Борисоглѣбска и Рыбинска, и въ эти мѣста вѣроятно перешла изъ Ярославля.

Эта игра имѣетъ по нынѣ многихъ охотниковъ, изъ мѣщанства и купечества. Лѣтомъ, въ воскресный или праздничный день послѣ обѣда (въ среднемъ сословіи обѣдаютъ въ Ярославль въ первомъ часу по полудни) играющіе бують являются на мѣсто игры, около трехъ часовъ по полудни, въ разныхъ мѣстахъ за городомъ, но большею частію на обширномъ лугу, за романо-борисоглѣбской заставою. Охотниковъ собираются отъ 50—100 человекъ. Они раздѣляются на двѣ половины поровну, на городскихъ и зарѣцкихъ; потомъ кидаютъ жребій, которой половины *чкать* (бить) и которой *водить*. Но чтобы вѣрнѣе дать понятіе объ этой игрѣ, надобно сказать о принадлежащихъ къ ней вещахъ: *сучкъ*, *коровкъ* и *палкъ*. — Сучка деревянная, четверугольная плаха, толщиною вершковъ шесть, длиною отъ пяти до шести четвертей: она сдѣлана изъ бакаута или другаго тяжеловѣснаго и твердаго дерева.

Въ четверти аршина отъ одного конца, находится не большой покатый пригорбокъ, вышиною въ дюймъ.— *Коровкой* называється вещь, сдѣланная изъ слоноваго зуба, величиною съ голубиное яйцо или нѣсколько болѣе, вѣсомъ отъ 8 — 10 золотниковъ. *Палки* кленовыя, толщиною въ полтора вершка, длиною отъ 4—5 четвертей. Эти вещи употребляются слѣдующимъ образомъ: кладутъ сучекъ на землю, и къ находящемуся на ономъ пригорбку, ставятъ *коровку*; одинъ изъ игроковъ беретъ палку, и отступивъ нѣсколько шаговъ, бросаетъ съ разбѣгу палку на сучекъ: она бьетъ по коровкѣ и прѣжимаетъ ее къ пригорбку, отъ чего *коровка* съ визгомъ летитъ къ верху, и описывая полукругъ, падаетъ за 50, а иногда за 100 сажень отъ сучка. Разстояніе зависитъ отъ силы и вѣрности удара, и умѣнья игрока.—Правила игры и употребляемые при оной терминны, слѣдующіе: когда вынуть жребій, которой половины чкать и которой водить, тогда первая остается у сучка, и попеременно чкаетъ *коровку*, а другая половина идетъ въ поле водить,—ловить и подавать улетающую туда *коровку*. Для этого становятся въ разныхъ мѣстахъ, чтобы удобнѣе поймать и скорѣе перебросить *коровку* къ сучку, ибо отъ проворства ловящихъ и отъ чкающихъ, зависитъ ихъ освобожденіе. Нѣкоторые изъ водящихъ, особливо, стояшіе на мѣстахъ, куда болѣе улетааетъ *коровка*, имѣютъ на лѣвой рукѣ рукавицу, чтобы во время ловленія *коровки*, было не больно рукѣ. Если которые изъ чкающихъ, сдѣлаютъ промахъ или чкнутъ ближе мѣты, называемой *вышлой*, или и за *вышлую*, но не успѣютъ поднять и привести палку къ сучку (при хорошемъ ударѣ палка ложится далеко отъ сучка, а при слабомъ не улетааетъ далеко), а между тѣмъ находящіеся въ полѣ успѣютъ перебросить чкнутую ими *коровку* къ сучку; то

промахнувшіеся не имѣютъ права болѣе чкать, а должны за всѣ эти промахи, вмѣсто наказанія, сходять въ поле до *бѣлы*, такъ называемой мѣры въ 50 сажень отъ сучка, и оттуда, во время хорошаго удара, пока не перекиннутъ изъ поля коровку, прибѣжать къ сучку. Если кто не успѣетъ прибѣжать, и коровна будетъ переброшена прежде, въ такомъ случаѣ всѣ чкающіе лишаются права чкать, и идутъ къ поле водить, а водящіе приходятъ чкать на ихъ мѣсто. Случается, что всѣ чкающіе *засядутъ*, т. е. надѣлаютъ промахи: тогда они отправляются въ поле для бѣганья, а остается для выкупа ихъ одинъ, всегда лучший игрокъ. Если онъ сдѣлаетъ промахъ, или вычкается за *вышнюю* или хотя чкаетъ и далеко, но не успѣютъ до подачи коровки, обратно прибѣжать засѣвшіе отъ бѣглой къ сучку, или же сдѣлаетъ *зачклюю*, т. е. чкветъ въ сторону, куда такъ же чкать запрещено (съ обѣихъ сторонъ сдѣланы мѣты); то за всѣ эти упущенія чкающіе должны итти водить, а водящій чкать до подобнаго же случая. Любопытно смотрѣть, когда засѣвшихъ или бѣгальщиковъ накопится человекъ 50 или болѣе,—какъ они побѣгутъ при хорошемъ ударѣ, что есть духу, изъ поля отъ бѣглой и обратно къ сучку. Игроки для легкости скидаютъ съ себя куртку, или другое верхнее платье, и саногв. Если которые изъ нихъ не могутъ скоро бѣгать, то въ такомъ случаѣ врасятъ когонибудь изъ игроковъ сбѣгать за себя. Это допускается тогда, когда онъ не имѣетъ за собой подобной обязанности. Между тѣмъ водящіе, съ необыкновенной скоростію и искусствомъ, ловятъ коровку на лету, перебрасываютъ ее другъ къ другу, и всѣми силами стараются, какъ можно скорѣе докинуть ее до сучка, и тѣмъ освободиться отъ неприятой и тяжелой должности водящихъ, т. е. подаваль-

щиковъ. Въ избѣжаніе споровъ, кто прежде достигнетъ черты, водящіе оставляютъ у сучка изъ своей половины свидѣтеля, называемаго *забуищникомъ*, для надзора за справедливостію чкающихъ и полетами коровки.

Эта игра принадлежитъ къ гимнастическимъ занятіямъ: въ нее играютъ возмужалые, женатые и пожилые. Играютъ и дѣти, но только особо и въ маломъ размѣрѣ.

Это игра собственно денежная, принадлежитъ къ Пристѣнокъ. запрещеннымъ и называется въ иныхъ мѣстахъ *орломъ* и *орликомъ*. По праздничнымъ днямъ, собравшись рабочій и ремесленный народъ на улицу, бросаетъ вверхъ грошъ или пятакъ. Если онъ падаетъ орломъ, то его выигрываетъ; если противною стороною, — проигрываетъ. Эта игра доводитъ многихъ до разоренія, и очень часто проигрываютъ свою одежду. Проигрывающіеся выходятъ изъ себя: заводятъ ссоры, драки и буйства.

Есть еще игра въ пристѣнокъ, другаго рода. Она состоитъ въ томъ, что становятся нѣсколько въ одинъ рядъ, около стѣны; раздѣляются на двѣ половины, изъ коихъ одна старается выжать другую, и доходитъ до того, что такъ сильно сжимаютъ среднихъ, что тѣ кричатъ не своимъ голосомъ. — Ихъ давятъ, и одно спасеніе, когда успѣютъ выскочить изъ середины. Въ этой забавѣ принимаютъ участіе и рѣзвые дѣвушки, только въ своемъ кругѣ; если же вмѣшаются въ ихъ кругъ мушины, то происходятъ большія, со стороны молодежи, шалости.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доселѣ пристрастны къ Орлянка. орлянкѣ. Мечутъ мѣдную монету вверхъ и угадываютъ, которой она упадетъ стороною: орломъ ли, оборотной ли стороною, или плашмя? Угадавшій выигрываетъ провакладенныя деньги, или другія какія либо вещи, кото-

рыя состоятъ, по большой части, изъ оладьевъ, пиро- говъ и голубей. Послѣдними болѣе всего играютъ въ Калугѣ. Тамъ, во время торга, собираются толпы людей и прозакладываютъ голубей, лучшей породы, какъ то : турмановъ, мохноногихъ и бухарскихъ. Есть тамъ сословія, которыя занимаются только разведеніемъ голубей.

Кости
или
зерна.

Игра въ кости или зерна, была въ большомъ употребленіи у Грековъ и Римлянъ. Неизвѣстно, въ которое время она перешла къ намъ, и составила азартную игру, отъ коей разорались цѣлыя семейства. Кости дѣлались продолговатыми, ихъ бросали вверхъ и если упали бѣлой стороною, то означали проигрышъ (*). — Эта игра преслѣдовалась взысканіемъ денежной пени. Царь Михаилъ Федоровичъ опредѣлилъ взыскивать, съ играющихъ въ зерна, по 2 рубля (**). Въ царствованіе Алексѣя Михайловича и всѣхъ нашихъ Государей, строго запрещалось играть въ кости. Въ наше время она почти вышла изъ употребленія, покрайней мѣрѣ къ ней уже не пристрастны. Если играютъ, то по деревнямъ и не большимъ городамъ, и большей частію не на деньги (***).

Пристѣнокъ, называющійся иначе орелъ или орликъ, кости или зерна и орлянка, выражаютъ желаніе при-

(*) Turbeville : Certaine letters in verse, etc. пом. въ собран. Гака. т. 1. с. 436. ed. 1807.

(**) Писцовыя книги : да съ зерновые игры у чердынцець у Сеньки Зеленого съ товарищи, оброку два рубли.

(***) Игры въ зерна и вообще всѣ азартныя игры, свойственныя необразованнымъ народамъ, были во всеобщемъ употребленіи между американцами. Robertson. Hist. of America. кн. 4. с. 128. изд. 1828 г.

были: на удачу, на счастье, а не умомъ и благородными трудами.

Зерна есть собственно азіатская игра: она была известна Аравитянамъ, отсюда перешла въ Персію, а оттуда въ кипчакскую орду, которая, передавъ намъ нѣкоторые свои обычаи и одежды, ознакомила насъ съ этой игрою. — При изслѣдованіи Сарая (*), были находимы мною зерна или кости, съ отмѣткою на нихъ очковъ, черной краскою.

Берутъ длинную веревку и подаютъ охотникамъ, нѣкимъ немедленно пристають другіе. Одна половина перетягиваетъ другую, и кто кого перетянетъ, того взяла. Случается, что натянутая веревка рвется, и тогда вся половина, которая не устояла на ногахъ, падаетъ другъ на друга; съ противной стороны происходитъ смѣхъ и радость, къ досадѣ упавшей.

Перетягиваніе веревкою

При перетягиваніи упираются ногами объ землю, какъ можно крѣпче, но никакъ не позволяютъ хвататься ни за стѣну, ни за столбъ, и т. п.

Имъ забавляются во всякое время, не одни молодые, но и пожилые. Для этой игры покупаютъ нарочно сдѣланную доску, съ проведенною на ней двойною извилистой чертою. По обѣимъ сторонамъ черты, нарисованы въ кружкахъ: гуси, постоянный дворъ, темница, кружало и числа. — Предъ игрой бросаютъ кости, и кому достается ихъ больше, тому ходить впередъ. Кто успѣетъ поставить впередъ шашку на гуська, тотъ имѣетъ право ходить впередъ и назадъ. Прочіе игроки, съ

Гуська

(*) Его остатки находятся на лѣвомъ берегу рѣки Ахтубы, нынѣ на этомъ мѣстѣ уездный городъ Царевъ, саратовской губерніи.

меньшимъ числомъ очковъ, могутъ только ходить впередъ и заходить на постоянный дворъ. Тутъ плотятъ за постой, смотря по условію игры; кто зайдетъ въ темницу, тотъ лишается игры. Выгрѣшь остается всегда на той сторонѣ, кто дойдетъ до послѣдняго знака.

Игра въ гусекъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ шахматною.

Шахматы.

Эта игра извѣстна съ самыхъ древнихъ временъ, и должно думать, что она перешла къ намъ отъ Татаръ, кои безъ сомнѣнія переняли ее отъ восточныхъ жителей, ибо она есть собственно восточная игра. При изслѣдованіи мною Сарая, я находилъ шахматныя шашки изъ пальмоваго дерева.

Другіе полагаютъ, что игра въ шахматы есть персидская, потому только, что она въ Персіи въ большомъ употребленіи. — Иностранцы говорятъ, что нашъ народъ проводилъ досужное время въ этой игрѣ, и она была столь любимую, что отъ простолюдина до Царя, занимались ею безъ исключенія, — обнаруживая въ ней всю изворотливость своего ума (*). Сидѣльцы и купцы, не только играли дома, но въ своихъ лавкахъ, на рынкахъ и площадяхъ. По праздникамъ и буднимъ днямъ, всѣ почти были заняты шахматной игрою. — .

При воспитаніи великокняжескихъ дѣтей учили, между прочимъ, шахматной игрѣ, безъ сомнѣнія по той причинѣ, что она изощряла умственные способности. Царь Іоаннъ IV, будучи уже предъ смертію, спросилъ

(* In comessationibus non tantum rubri chartaeca symbola regis lubenter tractant sed et ludo tesserario gaudent. Summa autem solertia praelia latronum ludunt. Ut gemini inter se reges albusque nigerque pro laudi oppositi certent bicoloribus armis. Melet. de Russor. relig. et ritib. ed. 1581 r., in 4.

шахматную доску и готовился играть съ любимцемъ своимъ княземъ Бѣльскимъ: сидя на постелѣ, онъ самъ разставлялъ шашки, и вдругъ закрылъ глаза на вѣки. —

Въ шашки играютъ на такой точно доскѣ, какъ въ шашки. Шахматы, съ тою разницею, что шашки не требуютъ большей хитрости, по навыка; шахматы же требуютъ очень хорошаго соображенія, тонкости, ловкости и изворотливости ума.

Изъ шахматной игры образовалась игра въ шашки; послѣднею занимаются нынѣ гораздо болѣе, нежели первою. Нѣтъ мѣста по городамъ, гдѣ бы не увидѣли шашекъ. Особенно она сдѣлалась любимею купцевъ, которые, сидя въ гостинномъ дворѣ, проводятъ цѣлый день въ этой забавѣ. Замѣчательно, что обѣ упомянутыя игры, составляютъ одно препровожденіе времени, отнюдь не играютъ на деньги. — Въ шашки играютъ: идя въ дамки, въ поддавки и въ волки. Въ первомъ случаѣ стараются или перебить всѣ шашки, или запереть ихъ, во второмъ поддавать всѣ свои шашки, чтобы противникъ перебилъ ихъ; въ третьемъ: двѣ шашки, называющіяся волками, ходятъ во всѣ стороны, впередъ и назадъ, и бьютъ овецъ, — противоположныя имъ шашки. Но все искусство состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы овцы загнали волковъ, не дали имъ ходу, и съ тѣмъ вмѣстѣ не допустили бы волковъ рѣзать овецъ.

Многіе иностранцы пишутъ, что шашки были любимымъ занятіемъ нашихъ предковъ, въ самое еще древнее время. (*)

Нѣсколько парней, сговорившись между собою, отъ Лонна.

(*) Herb. Rer. Moscov. com.; Turbev. Certaine let. in verse, written by Turbeville aut of Moskovia to friends of his. пом. въ собр. Гамл. т. 1 с. 436. ed. 1809 г.

**прани-
ковъ.** — **правляются къ пранишнику, — это бываетъ въ большіе праздники, — и тамъ ломаютъ или бьютъ праники пальцами, смотря потому, какой между ними уговоръ: ломать на пять частей, или болѣе? Это выражается у нихъ: хочешь ли на пять? Дашь на пять? Тогда охотникъ, взявъ за уголъ праника двумя пальцами, бьетъ его объ скамью или объ что нибудь другое; но чтобы онъ разлетѣлся именно на столько частей, на сколько было условлено. Разлетѣвшіяся части собираютъ и складываютъ изъ нихъ весь праникъ, чтобы осмотрѣть: не было ли въ немъ скважины? Если найдется скважина, то ломавшій проигрываетъ; если же разбитые кусочки, согласны условіямъ, то ломавшій беретъ себѣ праникъ, а одинъ кусочекъ даетъ *покушать* проигравшему. — Игра возобновляется и продолжается по согласію. — Въ этой игрѣ обнаруживается сила и искусство. и есть чистая русская.**

Борьба. Искусные борцы берутъ не силой, а ловкостію: противникъ старается схватить своего противника такъ, чтобы онъ потерялъ равновѣсіе, — тогда смѣло можетъ повалить или бросить его на землю, какъ игрушку. — Искусившіеся въ борьбѣ, часто ломаютъ другъ друга до изнеможенія, но нѣсколько часовъ, и потомъ расходятся. Ожесточенные же схвачиваются, жмутъ такъ крѣпко, что кажется слышешь, какъ хрустятъ кости, или душатъ, пока не упадутъ оба. Проворный вскакиваетъ, бросается на лежачаго и указываетъ на него съ торжествующимъ видомъ, но падевіе противника не считается за побѣду. Она тогда только признается, когда кто изъ двухъ поборетъ безъ лукавства и хитрости, — потому что въ некоторые изъ нихъ подставляютъ ногу и сбиваютъ. Надобно, говорятъ искусные въ борьбѣ, побороть ловкостію.

Эта игра была любимом у древних Грековъ. Въ ней особенно отличались на олимпійскихъ играхъ; побѣдителей украшали лавровыми вѣнками.

Это древняя забава, нашихъ русскихъ удалцовъ. <sup>Кулач-
ный бой.</sup> Итти на кулачный бой, это значило потѣшиться или провести праздникъ въ полномъ разгулѣ, и это составляло особый родъ военного упражненія, которое приучало молодыхъ людей къ смертоносной битвѣ.

Восточные народы вели самыя битвы рукопашнымъ боемъ: крѣпкій кулакъ защищалъ его такъ же хорошо, какъ оружіе, которое состояло, по обыкновенію древнихъ, изъ короткихъ желѣзныхъ мечей, копьевъ и вооруженныхъ слоновъ. По улучшеніи ручнаго оружія и изобрѣтеніи огнестрѣльнаго, все измѣнилось. — Битвы сдѣлались наукою, а войны исполнителями предначертаній полководца.

Кулачная потѣха на Руси, извѣстна современъ ея самобытности. Лѣтописцы наши говорятъ объ ней, еще въ нач. XIII в., съ какою-то восторженностію. В. К. кievскій, Мстиславъ 111, и князь исковскій, Владиміръ, ободряя предъ битвою своихъ союзниковъ: Новгородцевъ и Смоленцевъ, къ храброму отраженію В. К. Юрія Всеволодовича, представили имъ на волю: сразиться на коняхъ или пѣшими. Новгородцы отвѣчали: мы не хотимъ на коняхъ, но сразимся, по примѣру нашихъ предковъ, пѣшими и на кулакахъ. — Въ послѣдствіи времени кулачный бой сдѣлался забавою нашего народа.

Кулачные бои производились одинъ на одинъ, стѣна на стѣну или свалкою. — Увотребительнѣе изъ нихъ одинъ на одинъ. Бои начинались съ зимняго Николы, и продолжались до сборнаго воскресенія. — Въ праздничные дни сходились мальчишки и взрослые за городомъ на обширномъ мѣстѣ, или на городской

площадѣ, или на покрытую льдомъ фѣку: тамъ подавали знакъ свистомъ, чтобы собирались сюда охотники—бойцы. Городскіе бойцы, всегда брали верхъ надъ деревенскими. Прославленнымъ бойцамъ вмѣнялось въ честь пить водку, считалось за бесчестье брать подарки, которыми ихъ смаивали на свою сторону и этимъ терялась ихъ слава. Когда стѣна билась на стѣну, тогда боецъ пряталъ въ рукавицахъ чугуныя бабки, или камни. Дѣти зачинали бой. — Записные бойцы стояли въ отдаленности, наблюдая за бьющимися; каждая изъ противныхъ сторонъ, уговаривала отличныхъ бойцевъ перейти на ихъ сторону, обѣщая имъ большіе подарки и вина до упою. Когда стѣна гнала стѣну, тогда молодецъ—боецъ, или надежа—боецъ, засучивъ рукава и ежаръ съ крешетомъ зубовъ оба кулака, летѣлъ бѣшеннымъ звѣремъ, съ распущенными волосами, и наносилъ страшные удары. При общей свалки уже дѣйствовали не однѣ руки, но ноги и колѣна; били безжалостно своихъ противниковъ: въ животъ, въ грудь и лице; но лежачаго не били, отъ того вошло въ поговорку: лежачаго не бьютъ. Кто болѣе другихъ удерживался на мѣстѣ и болѣе переносилъ удары тотъ приобреталъ уваженіе, и превозносился даже его недругами. По пробитіи стѣны, оставались на мѣстѣ одни бойцы—молодцы. Ихъ битва была ужасная. Одна изъ нихъ схвативались, ломали другъ друга, били въ лице, — кровь лилась, — и въ разъяренномъ неистовствѣ вцѣплялись за волосы, били подъ лехкія и оба падали полумертвыми. Другіе бѣжали на выручку товарищей, нападали на надежу—бойца, который стоялъ уже блѣдный, какъ смерть. Онъ не сдавался, переносилъ жестокіе вобоцъ, и вдругъ, уловивъ счастливаю минуту, ударялъ: одного подъ глаза, другаго въ високъ, и оба протягивались со стономъ у ногъ его. Надежа—

боецъ сопровождался всеобщимъ радостнымъ крикомъ: наша взяла! Но если онъ былъ не въ состояніи перенести ударовъ, то одно его спасеніе, чтобы сохранить свою жизнь, надобно было упасть на землю, лежачаго не бьютъ, но такой оставался въ поруганіи. Очень часто случалось, что многихъ находили на мѣстѣ убитыми, или совершенно изувѣченными. По окончаніи боя, поклонники вели своего богатыря по улицѣ, при пѣніи громкихъ пѣсней и вводили его въ питейный домъ. —

Указами 1684 г. ноября 2, 1686 года марта 19 и другими, строго воспрещались кулачные бои. Было время, что наши бояре, тщеславясь своими бойцами, поили и кормили ихъ со своего стола; бились объ закладъ, и сводили ихъ для своей потѣхи. Было время, что старики, воспаменяя умы молодыхъ людей, несбыточными рассказами объ удаельствѣ бойцевъ, пробуждали въ нихъ страсть къ кулачному бою.

Въ Англійи обратилась наша молодецкая забава, въ искусственный боксъ. — Тамъ бьются самъ другъ, и по правиламъ. Разказываютъ, что нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ, гордясь своими бойцами, сводили ихъ въ Москвѣ съ боксерами. Достопочтенные лорды сами пріѣзжали сюда, и выставляли боксеровъ на дюжіи кулакъ Русскаго, который, бывъ не знакомъ съ искусствомъ, такъ мѣтилъ удачно въ бока и лице, что часто, съ одного разу, повергалъ тщеславнаго бойца на землю. — Съ тѣхъ поръ боксеры перестали мѣряться съ бойцами. Изъ нашихъ бойцевъ славилась казанскіе, калужскіе и тульскіе оружейники: *Алеша родимой, Терѣша Кункинъ, Зубовы, Никита Долговъ и братья Походкины* — Тульскіе бойцы и нынѣ славятся, но каждое мѣсто имѣло своихъ удаельцевъ. —

IV. ИГРЫ ОБОЕГО ПОЛА.

Ушице. Берутъ двое за концы веревку, которая называется ужищемъ, и вертятъ по воздуху. Игрокъ становится восрединѣ, и въ то время какъ вертятъ, онъ прыгаетъ съ большою ловкостію, чтобы его не задѣла веревка, которая, отъ сильнаго верченія, поражаетъ неловкаго по головѣ и ушамъ. Въ этой игрѣ одна оборотливость и проворство Русскаго. Скачки бываютъ столь ловкіе, что невольно приводятъ въ изумленіе. Эта игра совершенно сходствуетъ съ скачкою черезъ шнуръ.

Колочни. Въ скучные зимніе вечера, любовь играетъ повсюду. Дѣвушки и мушины забавляются ею подъ именемъ колючекъ, съ большимъ удовольствіемъ. Собравшись въ одно мѣсто, онѣ перешепчиваются сначала между собою, а потомъ мушины и дѣвушки идутъ прятаться, такъ требуетъ игра.—Дѣвушка или мушина, кому нѣтъ пары, садится гдѣ нибудь: въ углѣ или около стѣны; лице и глаза завязываютъ платкомъ. Въ это время все остальное прячется, а сидящій говоритъ: колю, колю, баба! не выколи глаза.—Пора ли? Если отвѣчаютъ нѣтъ, то онъ снова повторяетъ прежнія слова, и когда все спрячется и на его вопросъ отвѣчаютъ пора, тогда онъ начинаетъ отыскивать попрятавшихся, и первый пойманный смѣняетъ его, а всѣ попрятавшіеся сзываются. Иногда первый пойманный, помогаетъ ему отыскивать; отысканный на послѣди всѣхъ, долженъ колюкать.

Жгутъ. Садится въ кружокъ мужской и женской полъ; въ срединѣ кладутъ платокъ или шапку, и каждый изъ сидящихъ долженъ поднять ее, какъ можно скоро. Между тѣмъ сзади ихъ ходитъ одинъ съ жгутомъ,

плетенымъ изъ платка или чего либо другаго, и бьетъ того, кто дотривается до его жгута, говоря: кому разъ, кому два, а кому ничего. — Кто ничего не дѣлаетъ, тому кладутъ за его спиною жгутъ, а сосѣдъ немедленно хватаетъ и проучиваетъ его порядочно за бездѣйствіе, и потомъ бросаетъ жгутъ въ кружокъ. Въ это время ходившій съ жгутомъ, надѣваетъ на него шапку, и кого откликнуть, тотъ дѣлается жгутовкою.

Играютъ еще иначе. Садятся въ кружокъ дѣвушки и парни, и передаютъ другъ другу жгутъ, плетеный изъ платка; одинъ ходитъ вокругъ передающихъ, старается его схватить или не допустить передать другому. Когда онъ не успѣетъ словить, тогда посторонніе бьютъ его своими жгутами, и немедленно передаютъ общій жгутъ. Словившій его, бьетъ оплошалаго, и тотъ выходитъ изъ круга. Игра продолжается до послѣдней ссоры, ибо надобно имѣть особое терпѣніе, чтобы переносить удары.

Нельзя опредѣлить въ точности этой игры. Иные, ловя другъ друга на бѣгу, стараются побить жгутомъ, и побитый исключается изъ игры, или онъ занимаетъ мѣсто жгутовщика, бѣгаетъ за другими, чтобы побить. Но если бѣгущіе не видятъ себѣ спасенія отъ жгутовщика, по причинѣ его быстроты, а ихъ усталости, то имъ дозволяется, остановясь на бѣгу, сказать: чуръ меня! Всякій изъ нихъ, добѣжавшій до столба, дерева, зданія и т. п., долженъ ухватиться руками, плюнуть на землю, и если жгутовщикъ хотѣлъ бы ударить, то остановившемуся стоитъ только сказать: чуръ меня!—Если же ударить его, то онъ самъ подвергается побоямъ другихъ, тогда—горе ему! удары сыплются на него.

Въ Малороссіи разыгриваютъ жгутъ, по большей

части, одни парни. Они садятся на землю въ тѣсный кружокъ, поднимаютъ колѣна и передаютъ изъ подъ колѣнъ жгутъ, другъ другу. Одинъ изъ парней, сидяшій на ногахъ кого либо изъ играющихъ, ищетъ жгутъ. Передающіе изъ подъ колѣнъ, приговариваютъ: *шый, пошмай*, и обманувъ сидящаго на ногѣ, бьютъ его жгутомъ. Побитый бросается въ ту сторону, въ которой показана жгутъ; но его стараются передать изъ подъ колѣнъ, чтобы ищущій не замѣтилъ; у кого онъ. Если ищущій успѣетъ войнать жгутъ, то онъ бьетъ имъ виновнаго по спинѣ и садится на его мѣсто, а тотъ садится на ноги, кому либо изъ играющихъ, и игра продолжается по прежнему порядку.

Король
(литов-
скій).

Игры между Литвинами: король, бужасъ и медвѣдь, сопровождаются постоянно ударами жгутовъ.

Въ игрѣ король беретъ четыре полѣна: съ одной стороны полосы бѣлая, а съ другой черная, и бросаются вверхъ. Когда упадутъ бѣлою стороною, тогда бросившій ихъ дѣлается королемъ, и имѣетъ право осуждать играющихъ къ наказанію жгутовъ по рукамъ. Если три полѣна упадутъ бѣлою стороною, а четвертое черной, то бросившій ихъ дѣлается маршаломъ, съ правомъ исполнительной власти; двѣ бѣлыя и двѣ черныя стороны, означаютъ шляхтича, не подлежащаго никакому наказанію; три черныя, одна бѣлая означаютъ холопа, коего бьетъ маршалъ по приговору короля; всѣ четыре черныя стороны, означаютъ цыгана, и его подвергаютъ самымъ жестокимъ наказаніямъ.

Бужасъ

Въ бужасѣ двое съ завязанными глазами и жгутами въ рукахъ, становятся посрединѣ набы на колѣнахъ, держась противоположно другъ къ другу, за ножки стула. Играющіе въ бужасѣ кричатъ на нихъ: *бужайгуль!* На ихъ голосъ они размахиваютъ жгуты,

и направляют удары на кричавшихъ, но болѣею частью попадаютъ другъ въ друга. Подавшій голосъ; прыгаетъ подъ стулъ или за стулъ, держась за ножку рукою. Если ударъ попадетъ въ крикнувшаго, то онъ дѣлается бружайпуломъ.

Одного изъ играющихъ замираютъ въ чуланъ, всѣ ^{медвѣди} прочіе остаются въ избѣ, и назначаютъ медвѣдемъ кого либо изъ себя. Потомъ всякъ подходитъ по очереди къ дверямъ: стучится, царапаетъ и реветъ. Если запертый отгадаетъ по голосу, кто изъ нихъ медвѣдъ, то онъ отворяетъ дверь, и оставляетъ его вѣста себя. Если отворить дверь не угадавши, то всѣ бьютъ его жгутами:

...Въ восточной Сибири употребляютъ по болѣею часто- ^{Драгуна} ти тѣже самыя игры, какія въ Россіи; но драгунъ, любимая забава енисейскихъ жителей. Парни, называемые драгунами, садятся попарно съ дѣвушками и молодежками въ кружокъ. Посрединѣ ставятъ скамью, которую спорозить съ жгутомъ, бойкая дѣвушка или молодежка: Осмотрѣвъ или обойдя сидящихъ, она подходитъ къ парню, который ей болѣе нравится, бьетъ его слегка жгутомъ и спрашиваетъ его: дома ли драгунъ? — Дома. — Веди же на смотръ своего коня. — Онъ беретъ за руку, избираемую имъ дѣвушку, и подводитъ къ скамьѣ. Она должна перескочить черезъ скамью; если задѣнетъ, то ее бьютъ жгутомъ, спрашивавшая драгуна; потомъ передаетъ ей жгутъ, а сама задѣтся на ее мѣсто. Если перескочить не задѣвши, то парень цѣлуетъ ее въ щеку, и садится съ нею на прежнемъ мѣстѣ. Зауирявившаяся дѣвушка перепрыгнуть черезъ скамью, навлекаетъ побой на драгуна. Всѣ дѣвушки мгновенно снимаютъ съ своихъ мѣстъ, бьютъ жгутами, приговаривая: за чѣмъ худо веришь? Коня лучше, будетъ прыгать. Бѣдненькая

мехудала, вся высохла!—Драгуна начинают корчить свою лошадь поцѣлуями, пока она не пересрыгнетъ. Тогда она остается съ ягутомъ при скальѣ, и забава продолжается, пока всѣ не переснакаютъ.

Эта игра обнаруживаетъ сладкіе поцѣлуи любовниковъ. Парень всегда выбираетъ ту дѣвушку, которую онъ любитъ; а дѣвушка нарочно упрямится скакать, пока онъ ее не разцѣлуетъ. Дѣвушки страстно любить поцѣлуи, думая, что въ нихъ истинная любовь; но любовь и дручество, въ тѣсной дружбѣ.

Вѣнчикъ. Игра восточной Сибири. Это есть ничто иное, какъ фантъ. Дѣвушки и парни садятся въ кружокъ, и поютъ пѣсни, оканчивая каждый куплетъ приказомъ: похитить молодцу вѣнчикъ, примѣрно у Ашунки. Онъ подходитъ къ ней и проситъ вѣнчика (фанты); она отказывается дать; онъ прибѣгаетъ тогда къ поцѣлуямъ, и только послѣ нѣсколькихъ поцѣлуевъ, она отдаетъ ему залогъ, который онъ кладетъ въ общіе фанты. Такимъ образомъ продолжаютъ пѣть, пока не соберутъ отъ всѣхъ вѣнчики, кои разыгрываетъ уже дѣвушка, и она, за каждый вывѣтый вѣнчикъ, получаетъ въ награду поцѣлуй.—Она счастливая! говорятъ между собою шепотомъ, завистливыя подруги. — Вѣнчикъ выражаетъ легковѣрную любовь, забавляющуюся одними поцѣлуями, потому вѣнчикъ для кокетокъ, рай наслажденій. — Можно замѣтить, что жители енисейской губерніи, весьма любятъ поцѣлуи. Нѣтъ нужды, что они живутъ между сибѣрами, а по всему видно, что они пламенные, — но ихъ пламень проходитъ скоро. У нихъ есть даже поцѣлуйная пляска, называемая шестирикомъ и осьмиркомъ. Становятся въ шесть или восемь паръ, разумѣется парни съ дѣвушками, и начинаютъ пѣть хоромъ любовныя пѣсни. Иногда скрипка или кларнетъ, сопровождаетъ имъ; они вертятся попарно,

останавливаются и потомъ цѣлуются. Потомъ снова начинаютъ вертѣться, или каждый мужчина кружится съ своей дѣвучкою, при хорѣ пѣсень и звукѣ музыки, и протанцовать кругъ, останавливается съ нею на своемъ мѣстѣ, и цѣлуются. Иногда удамый молодецъ вертается съ двумя хорошенькими, и потомъ цѣлуетъ ихъ обѣихъ.

Посмѣются отъ нечего дѣлать, вотъ основаніе этой Дергачъ. забавы для скучныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ. Дергачъ, или какъ другіе называютъ деркачъ, по своему началу сходствуетъ во многомъ съ жиурками. — Дергачами называются играки, потому что они дергаютъ за нолы платья того, который ихъ ловить. Играющіе садятся около стѣны и смѣются надъ водыремъ, который ходитъ по комятъ съ завязанными глазами и ловить. Въ это время одинъ дергнетъ его за нолу, другой стукнетъ ногою, третій крикнетъ, однимъ словомъ: каждый старается дать о себѣ знать и не дать себя уловить. Водырь не иначе можетъ схватить дергающаго, пока не узнаетъ его по голосу: узнавъ, смѣняетъ его. — Водыру случается ходить до поту, отъ того что дергающіе измѣняютъ свои голоса. — Въ эту игру допускаются всѣ возрасты.

Дергачъ употребляется въ Малороссіи иначе. Вколачиваютъ въ землю колышекъ и къ нему привязываютъ, на длинныхъ шнурахъ, двухъ молодецъ, — съ завязанными глазами. Одному даютъ въ руки крѣпко свитый жгутъ, а другому зарубленныя двѣ палочки, съ которыми онъ торчать, и называется дергачъ. Съ жгутомъ подкрадывается къ дергачу, ничего не видящій, и размахивается, чтобы ударить его, но свистъ раздается въ воздухѣ, а торчащій съ палочками, перебѣгаетъ на другое мѣсто. Жгутовщикъ преслѣдуетъ деркача, а онъ бѣгаетъ то въ ту, то въ другую сто-

руку. Смотрящие на игру помирают со смеху; кричатъ жгутовщику: лови его! бей его! вотъ здѣсь, вотъ еще тащ! Оба, съ завязанными глазами, иногда сходятся вмѣстѣ. Тогда поднимается хохотъ со всѣхъ сторонъ. Не для деркача это весьма не выгодно, ибо если жгутъ нападетъ на него, то бьетъ его безъ милосердія и сколько душъ угодно. Деркачъ можетъ спастись отъ него, только своимъ бѣгствомъ; жгутъ вновь гонится за нимъ. Впрочемъ, съ побитіемъ первого раза, превращается игра и занимаютъ мѣсто новые охотники. Бываютъ хитрости съ обѣихъ сторонъ: тайно приподнимаютъ платокъ съ глазъ, чтобы высмотрѣть другъ друга, и тогда горе деркачу: сыплются удары отъ жгутовщика. Наблюдающіе за игрою, строго сохраняютъ справедливость: никого изъ нихъ не допускаютъ къ обманамъ. Если жгутъ это сдѣлаетъ, то его ставятъ вмѣсто деркача; а если деркачъ, то его осуждаютъ продолжать игру, до побитія двухъ разъ.

Эта игра выражаетъ крѣпость и проворство, и требуетъ рѣшительнаго терпѣнія въ перенесеніи побоевъ. Тотъ считается недостойнымъ забавы, кто будетъ жаловаться на нанесенные ему удары. Жалующагося исключаютъ изъ числа игроковъ, и даютъ прозваніе бабы, нѣженьки, баловня и матушкина сыночка.

Король
[назоро-
сіаскія].

Нѣсколько дѣвушекъ дѣлаютъ кругъ, въ который ставятъ одну избранную изъ нихъ, съ именемъ короля. Каждая спрашиваетъ: король! король! что прикажетъ дѣлать?—У короля нѣтъ жены, отвѣчаетъ король.—Спрашивавшая должна цѣловать короля, но она не хочетъ, и громко говоритъ, чтобы слышали паньичи (молодые дворяне): вотъ что вздумали. Цѣловаться паньичкамъ между собою! Это похоже, что горшокъ, столкнется съ горшкомъ, а масла не будетъ. — Пан-

ночки всматриваютъ на паньчѣй, а стараются замануть ихъ въ свою игру; паньчи стоятъ, не идутъ; паньчки продолжаютъ повторять, пока не пристанутъ къ нимъ паньчи, которые, наскучивъ быть въ бездѣйствіи, подкочаютъ къ нимъ и просятъ принять ихъ, ради удовольствія. Раздвигается кружокъ; паньчи ставятся между ними или усаживаются, но всегда такимъ образомъ, что дѣвщины сидятъ по обѣимъ сторонамъ каждаго паньча. — Начиная избирать двухъ королей, жребій постоянно падаетъ на красавцевъ. Одинъ изъ нихъ становится по срединѣ, а другою остается въ кружкѣ, составленномъ дѣвущиками. Проворная дѣвушка спрашиваетъ, стоящаго короля въ срединѣ: король! король! что прикажете дѣлать? Она краснѣетъ, зная напередъ его отвѣтъ. Король отвѣчаетъ: короля шамовать (уважать) и его; каждой паньчкѣ, семь разъ цѣловать. — Вотъ что выдумали! кричатъ всѣ въ одинъ голосъ, этому не быть! Повѣрьте, король, этому не быть! — Онъ сердится, а внутренно доволенъ; щеки ихъ зарумяниваются отъ радости, — однако все кричатъ: не быть по вашему! Дѣвушки посматриваютъ другъ на друга, перешепчиваются и не знаютъ какъ начать. Нечего дѣлать! Каждая паньчка подходитъ къ стоящему по срединѣ королю, цѣлуетъ его семь разъ, ни болѣе, ни менѣе, и возвращается на свое мѣсто. Стоящій съ дѣвущиками король, приказываетъ, болѣею частію самой стыдливой: подцѣлуйте короля (*). Она вся горитъ, не смѣетъ смотрѣть; подруги хохочутъ и кричатъ ей: чтожь вы думаете? Чего вы стоите? Вы боятесь! е,

(*) Иныя прибавляютъ еще: «въ стыдливое мѣсто», — это означаетъ румянецъ на щекѣ.

какъ вы покрасѣли! — Игривая дѣвушка беретъ на себя обязанность цѣловать румянецъ, говоря смутившейся : я за васъ поцѣлую! — Она подходитъ къ нему, цѣлуетъ въ обѣ зарумянившіяся щеки, и становится на свое мѣсто. Третья дѣвушка приказываетъ своей милой подругѣ, отмѣрять королю двадцать аршинъ лентъ. Она подходитъ къ нему, беретъ его за руки, поднимаетъ вверхъ и отмѣриваетъ означенное число аршинъ. При отмѣриваніи каждаго аршина, она цѣлуетъ его въ щеку. Совсѣхъ сторонъ поднимается смѣхъ; всѣ указываютъ на мѣряющую, которая устаетъ уже отъ поцѣлуевъ; ей кричатъ : мѣряйте! мѣряйте! Она устала, но всѣ требуютъ домѣрять. — Кончила, но вновь одна паночка приказываетъ собирать подать для короля. Король идетъ рука объ руку съ избранною имъ дѣвушкою, которая получаетъ тогда названіе королевы и собираетъ подать съ дѣвицъ. Король подходитъ по очередно къ дѣвушкамъ, каждая цѣлуетъ его, а онъ цѣлуетъ свою королеву, въ ознаменованіе вѣрно собираемой подати, которая, какъ бы складывается тогда въ носимую сумку. — Веселость разнообразится : панычи и паночки жартуютъ между собою (шутятъ), рѣзвятся, хохочутъ и бьютъ въ ладоши отъ радости. Но вдругъ раздается изъ круга простосердечный голосъ: не щипайте панычу! — И сосѣдка рѣзвая отодвигается отъ шалуна, который отвѣчаетъ безъ застѣнчивости: паночка моя! голубочка сизая! чего вы кричите? я не щиплю, а только щекочу. — Общій смѣхъ пробѣгаетъ по всему кругу; оборачиваются къ нимъ и хохочутъ. Паночка, желая поправить свою ошибку, говоритъ ему: прошу не щекотать, я боюсь щекотки. — Прочіе играющіе пересматриваются нѣжно, жмутъ руки украдкой и прижимаются, какъ бы не хотя, другъ къ другу. Невинныя шалости и рѣзвости,

увлекаютъ играющихъ, и невидимо летятъ между ними часы удовольствія. — Что выражаетъ эта игра? — Любовь, которая всегда волнуетъ молодость.

Двое изъ парней становятся плечами другъ къ другу, и переплетаются руками, такимъ образомъ, что когда одинъ нагнется головою къ землѣ, то въ то время другой поднимается навзничъ, вверхъ; потомъ выпрямяются оба. Тогда другой начинаетъ то же дѣйствіе, и продолжаютъ пока не устанутъ. Эта игра представляетъ вѣсы, на коихъ взвѣшиваютъ соль. — Она въ большемъ употребленіи на Литвѣ, и выражаетъ крѣпость, ловкость и силу. —

На ровномъ мѣстѣ становится нѣсколько мушницъ съ палками, и бьютъ ими деревянный кружокъ вверхъ. Кто выше ударитъ и чаще бьетъ, тотъ играетъ болѣе всѣхъ. — Это простая забава, но однако въ ней видны проворство и ловкость играющаго. — Она употребляется больше въ юго-западной Россіи, по деревнямъ.

Въ кончики играютъ четверо: двѣ дѣвицы и двое мушницъ. — Мушницы, сложивъ вмѣстѣ концы карманнаго платка, подносятъ ихъ свядшимъ. Каждый выбираетъ любой для себя конецъ, и развертываетъ платокъ. Тѣ, конхъ прійдутся концы на крестъ, должны цѣловать другъ друга.

Эта игра, пробуждая страсти, развертываетъ чувство кроющейся любви, потому въ нее играютъ большей частию воздыхатели. — Кончики есть изобрѣтеніе влюбленныхъ, и неизвѣстно, чтобы они перенесены были изъ чужой земли.

Завязываютъ глаза одной какой либо дѣвущкѣ, и ставятъ ее въ средину круга. Завязанная, расхаживая въ кругу, должна отгадать у кого находится жгутъ. Если она укажетъ не на ту, которая имѣетъ его; то

державшая жгутъ, бьетъ ее по спинѣ и передаетъ другой. Когда завязанная отгадаетъ, или узнаетъ, у кого жгутъ, тогда имѣющей его завязываютъ глаза, и она начинаетъ отыскивать въ свою очередь жгутъ.

Эта игра выражаетъ слѣпую любовь, и потому она наказывается ударами за легкомысліе, исправляемое одной тяжкой опытностію. —

Столби-
ки.

Ими забавляются парни и дѣвушки, преимущественно на святкахъ. Выбравъ кого либо водить столбики, остальные становятся попарно, недалеко другъ отъ друга, и эти пары образуютъ столбики. Водящій ходитъ съ пруткомъ около столбиковъ, и намѣревается стегнуть когонибудь. Замѣтившіе это, особенно когда онъ вблизи ихъ, перемѣняются мѣстами. Если водящій успѣетъ стегнуть и занять мѣсто, то лишившійся его, обязанъ водить.

Кор-
шуна.

Въ праздничный день, когда собираются у воротъ семейства, молодые всѣхъ возрастовъ скликиваютъ играть въ коршуна. Избраніе коршуна производится съ общаго согласія; но часто, кто посмѣлѣе и проворнѣе, тотъ дѣлается коршуномъ. Послѣ коршуна избираютъ насѣдку, которая должна быть умною и доброю, а всѣ прочіе составляютъ цыплятъ, — ея семейство. Мать — насѣдка выступаетъ длиннымъ рядомъ, съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ. Дѣти, побравшись за руки, ходятъ вокругъ коршуна и поютъ:

Вокругъ коршуна хожу,
Но три денежки ношу:
По копѣечки,
По софлячки.

Коршунъ роетъ землю, поглядываетъ на нихъ злобно, скрежещетъ зубами, машетъ крыльями и кричитъ

коршунюмъ. Насѣдка подходитъ и говорить: коршунъ! Богъ помочь. — Коршунъ отвѣчаетъ: не слышу. — Дѣти опять ходять вокругъ его и поютъ тоже самое. — Потомъ, останавливается мать и говорить прежнее: коршунъ! Богъ помочь. — Онъ отвѣчаетъ: спасибо. — Коршунъ, что ты дѣлаешь? — Рою землю, да яму. — На что роешь яму? — Денежку ищу. — На что денежку? — Иволку куить. — На что тебѣ иголку? — Мѣшечекъ сшить. — На что тебѣ мѣшечекъ? (*) Соли куять. — На что тебѣ соль? — Щи посолить. — На что тебѣ посолить? — Одну половину самому сѣбѣ, а другую залить глаза твоимъ дѣтамъ. — За что? — Они мою городьбу разломали. — А какъ высока, была твоя городьба? — Коршунъ при этомъ вопросѣ, бросаетъ камень вверхъ, такъ высоко, какъ можетъ, и говорить: вотъ какъ! — Не правда! Твою городьбу и кезель достанетъ бородей, а той они разломать не могутъ. — Они буяны, я ихъ перебую. — Они мои дѣти, я не доущу: ши, ши, коршунъ! — Она отгоняетъ дѣтей и грозитъ напасть на него. — Ши, ши! — Коршунъ бросается на дѣтей, (**) насѣдка не допускаетъ его до шикъ; дѣти бѣгутъ около матери, укрываются за нею. Начинается бѣганье, шумъ, крикъ; коршунъ сбиваетъ съ ногъ насѣдку, хватаетъ дѣтей, и потомъ обращается на насѣдку: обшипываетъ ей перья, кусаетъ и ругается надъ беззащитною матерью. — Такое состояніе беззащитнаго семейства, когда оно попадаетъ въ руки злобнаго врага. — Есть

(*) Говорятъ еще: камешки власть. — На что камешки? — Твоихъ дѣтей шуркать, буркать.

(**) Въ другихъ мѣстахъ, именно въ Саратовѣ, когда коршунъ ловитъ дѣтей, тогда кричитъ: икры хочю! — Насѣдка отвѣчаетъ: икры на базарѣ.

примѣры, что въ злополучіи и родные идутъ противу родныхъ.

Въ коршуна играютъ повсюду одинаково, за исключеніемъ только вопросовъ, дѣлаемыхъ коршуну. Проворный мальчикъ избирается въ коршуны, а матерью бываетъ дѣвица, уже опытная и ловкая, которая въ другихъ мѣстахъ называется *матя*. Матеря стоитъ съ своими дѣтьми предъ коршуномъ, и спрашиваетъ его: коршунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь? — Ямочки копаю. — На что тебѣ ямочки? — Камешки сбирать — На что тебѣ камешки? — Твоихъ дѣтей въ лобъ щелкать. — За что, про что? — За то, что онѣ потентали мою капусту въ огородѣ. — Да высока ли была изгородь? — Коршунъ вставъ, кидаетъ щепочку вверхъ: вотъ какая! — О, да черезъ твою изгородь перескочитъ лягушка, а не то что мои дѣти. — Обрадованная дѣти отвѣтомъ матери, свиваются въ кружокъ, и выставя впередъ ножки, спрашиваютъ: которая была? которая была? — Коршунъ смотритъ на нихъ нѣсколько времени, и вдругъ бросается на крайняго. — Дѣти сбѣгаютъ къ матерѣ, которая, распростерши руки, летаетъ передъ коршуномъ, кричитъ: шугу! шугу! и защищаетъ ихъ. Борьба длится долго, но коршунъ успѣваетъ схватить дѣтеныша, кладетъ его возлѣ ямы и бѣжитъ за другимъ. Борьба снова, и она возобновляется до тѣхъ поръ, пока коршунъ не переловитъ всѣхъ дѣтенышей, и тѣмъ оканчивается игра.

Вороны. . . Однѣ дѣвицы, а иногда вмѣстѣ съ парнями, играютъ въ ворона. Побравшись за руки, становятся въ рядъ попарно. По согласію или по жребію, выбирается изъ нихъ воронъ. Его ставятъ впереди себя на нѣсколько шаговъ, и запрещаютъ ему оглядываться. Задняя пара бѣжитъ впередъ врозь, одинъ по правую а другой по лѣвую руку ворона, и пробѣжавъ

его, стараются сѣжаться вмѣстѣ; но воронъ бросает- ся ловить, пока бѣгушіе не схватятся за руки. Пой- маннѣй ворономъ, становится съ нимъ въ передней парѣ, а оставшіеся занимаетъ мѣсто ворона, и игра продолжается, пока не разыграютъ ее всѣ пары. — Эта игра употребляется въ Малороссіи, и она служитъ къ хорошему тѣлесному упражненію.

Собираются на зеленой лугъ взрослые обоого пола. Рядка. Молодые парни садятся въ одинъ рядъ; къ нимъ под- ходятъ дѣвушки и молоденькія женщины, и садятся также. — Впереди всѣхъ сѣдѣщій парень, называется бабушкою, а всѣ прочіе играютъ рѣдку. Одинъ изъ парней дѣлается купцемъ, и приходитъ къ переднему покупать рѣдку. — Бабушка! продай рѣдку. — Изволь батюшка. — Купецъ смотритъ на дѣвушку, улыбается, и говоритъ: хороша рѣдка. — И хочетъ выдергнуть ее. — Парень не даетъ. — Батюшка! нельзя выдергнуть, дай касарикъ; я выкупаю ее съ корнемъ. — Что ты батюшка? срамишь мою гряду! Тряхни, и вся выска- чить съ корнемъ. — Онъ берется тремя парней: много схватить за ноги, другаго за руки, третьяго за плечи и пр. Если удастся ему выдернуть кого либо изъ мѣ- ста, и потрясти, означая этимъ, что онъ обиваетъ рѣд- ку отъ земли, то всѣ встаютъ и гонютъ его побоями. Увернется отъ ихъ побоевъ. — хорошо; нѣтъ, — то дос- тается порядкомъ. — Но женщины тутъ вступаются за него, отгоняютъ мушкетъ и общимъ хохотомъ окан- чивается забава. Надобно заранѣе приготовиться къ перенесенію ударовъ, иначе осмѣянный парень, не мо- жетъ отъ стыда вступить вновь въ эту игру.

На все есть свое время, на все, и на любовь. Мо- лодые, исполненные жизни и горячаго воображенія, снѣшать необдуманно въ объятія розоваго существа, не зная что подъ душистымъ кустарникомъ, часто

кроется змѣй-губитель. — Но молодость не вѣрить опытности, старость не вѣрить молодости, потому въ послѣдней проявляется равность, которая очень хорошо выражена въ игрѣ рѣдька.

Веревоч-
ка.

Веревочка старинная русская, свадебная игра. — Сваха приноситъ въ набу веревочку, — дружка или свать, скрѣпляетъ концы узломъ. Дѣвушки берутся за веревочку руками, и дѣлаютъ изъ себя кружокъ. — Сваха входитъ въ средину. Обойдя всѣхъ кругомъ, она привѣтствуетъ каждую различными наговоръ поговорками, или присказками, напримѣръ: пора дѣвущи за мужъ, за старостина сына, — калина, малина моя! Къ другой: у старостина сына, прянички сладкіе, медъ сыченый, — калина, малина моя! Къ слѣдующей: ного люблю, тому скажу; потомъ къ слѣдующей: тебѣ скажу, моя душа красавица. Обратясь къ другой: не домай руки бѣлыя, бери руку суженаго. — и обходя всѣхъ, говорить: одной то нѣтъ, одной то нѣтъ. Она ждетъ да пождетъ, друга милаго суженаго. — На ея привѣствія всѣ улыбаются.

Въ послѣдствіи времени стали принимать въ эту игру молодыхъ парней, которые составляютъ видѣть съ дѣвушками одинъ кругъ. Тогда выбирается изъ пожилыхъ мужчинъ свать, котораго называютъ круговымъ, и онъ, обходя всѣхъ кругомъ, притговариваетъ имъ разныя присловья, бьетъ невнимательныхъ по рукамъ. Невнимательный, сопровождаемый общимъ смѣхомъ, занимаетъ его мѣсто и продолжаетъ играть за мѣсто него, пока игра не прекратится добровольно. Въ такомъ случаѣ начинаютъ пѣть свадебныя пѣсни.

Лш.

Осенняя забава, но она совершается иногда весело. Участіе въ ней принимаютъ тѣ только, которые махаютъ для себя или жемиховъ или мѣаѣсть. Главное дѣйствующее лице, есть Яша. Румяный молодецъ са-

дятся на лавку, или на землю; вокругъ его ходятъ парни, побравшись за руки съ красными дѣвушками, и говорятъ: сиди, сиди, Яша, въ ракитовомъ кустѣ; грызи, грызи, Яша, орѣховыя зерна. Люби себя Яша, кого тебѣ надо; люби дѣвку за русую косу, люби красную за алую ленту. — Родители смотрятъ на потѣху молодежи, и съ волненіемъ сердца обращаютъ свое вниманіе на Яшу. Хорошо, если онъ выберетъ ту, которая по цѣхъ мыслямъ. Яша, окинувъ глазами окружающихъ его, высматриваетъ красную дѣвушку, — но онѣ разбѣгаются отъ него во всѣ стороны. — Онъ не теряетъ бодрости, гонится за любимую и ловитъ. Надъ его выборомъ издѣваются, и приговариваютъ: выбралъ себя Яша, рябую кукушку; выбралъ себя Яша, черную кошку, черную кошку. — Послѣ него садятся другой Яша, и точно также играетъ.

Кромѣ настоящаго удовольствія въ этой игрѣ, она изображаетъ сватовство молодыхъ и рѣдко проходитъ, чтобы выбранная дѣвушка, не отдѣлалась женой.

Это забава не есть русская, но какъ она давно усвоилась у насъ, — то и составляетъ нашу собственность. Рекрут-
скій на
боръ. Играющіе обоего пола: дѣвушки и мужчины, раздѣляются на двѣ половины; дѣвушки садятся на стульяхъ, имѣя при себѣ одинъ пустой стулъ, назначенный только для своего рекрута; мужчины уходятъ въ особую комнату, и ожидаютъ призыва. Между тѣмъ каждая дѣвушка, загадавъ про одного изъ мужчинъ, омидаетъ съ любопытнымъ нетерпѣніемъ его выхода. Угадаетъ ли онъ ея мысли? Угадаетъ ли онъ, что она про него задумала? И точно ли онъ ея любитъ? И думаетъ ли онъ объ ней? Мужчины съ своей стороны думаютъ и гадаютъ: понравится ли она, или нѣтъ? — При обоемъ трепетномъ ожиданіи, стоящій у дверей часовой трепещетъ подъ ставкомъ рекрута. — Рекрутъ выколотъ и

садится подлѣ избранной, по его мыслямъ дѣвухи, и если она не любитъ его, или не желаетъ любить его, или не нравится онъ ей чѣмъ нибудь, то она начинаетъ хлопать, а за нею всѣ, и съ него берутъ фантъ за то, что не угадалъ, или какъ хотите: за то, что не понравился. Это явное посмѣяніе, приводитъ много въ бѣшенство, но приличіе и самая игра, за-прещаютъ обнаруживать неудовольствіе. Насильно милымъ не будешь. — Онъ возвращается въ рекрутскую комнату, разумѣется и тутъ начинаютъ насмѣхаться надъ нимъ. Каждому забракованному рекруту, позволяется еще вытти два раза, но женаче какъ по требованію часоваго. Если рекрутъ по мыслямъ, то его не сгоняютъ съ мѣста: онъ садится подлѣ своей избранной, и участвуетъ въ игрѣ съ прочими, до окончательной переключки. Если забракованные рекруты, не были первоначально по сердцу; то ихъ стараются обласкать, и позволяя имъ надѣяться на любовь, допускаютъ, для скорѣйшаго окончанія игры, садиться подлѣ дѣвухи. — Тогда дѣвухи встаютъ со стульевъ, и идутъ въ рекрутскую; на ихъ мѣстахъ садятся мушны, и набираютъ рекрутовъ изъ дѣвухекъ, по прежнему порядку. Обиженный мушца не расположеніемъ къ нему дѣвухи, мститъ ей хлопаніемъ, а за нимъ хлопаютъ всѣ остальные. Съ прохлопаной берутъ фантъ. По окончательной переключки или лучше сказать, по набору всѣхъ рекрутовъ, разыгрываютъ уже фанты. Но при этомъ наблюдаютъ, чтобы съ каждой и каждого, непременно былъ взятъ фантъ, а до-толѣ не приступаютъ къ разыгрыванію фантовъ.

Въ рекрутскій наборъ не повсюду играютъ одне-образно. Бываютъ не большія измѣненія. Мушны и дѣвухи раздѣляются на двѣ половны. Мушны, составляющіе рекрутовъ, уходятъ въ особую комнату,

которая называется рекрутскою, а оставшіяся дѣвушки составляютъ членовъ присутствія, и ихъ комната называется рекрутскимъ присутствіемъ. Въ этомъ присутствіи условливаются: кому какого рекрута принять себѣ? Усѣвшіеся по мѣстамъ, имѣютъ при себѣ отдѣльное кресло или стулъ. Потомъ одна изъ присутствующихъ объявляетъ: присутствіе открыто! — Отворяется дверь: одинъ изъ рекрутовъ входитъ, становится посрединѣ рекрутскаго присутствія, и кланяется наудачу присутствующимъ. Если онъ поклонился той, кто его выбрала, то всѣ кричатъ: годится! Онъ кланяется присутствію въ другой разъ, цѣлуетъ избравшую его, и садится подлѣ нея. — Если рекрутъ поклонился не той, которая избрала его, то кричатъ: не годится, и онъ выходитъ за дверь, сопровождаемый хлопаньемъ. Послѣ него выходитъ другой рекрутъ, и продолжаютъ выходить, пока не переберутъ всѣхъ. Когда усядутся всѣ рекруты подлѣ присутствующихъ, тогда дѣвицы дѣлаются рекрутами, а прежніе рекруты присутствующими. Игра продолжается дотолѣ, пока не переимѣнать на другую.

Изъ игры рекрутскаго набора, составляются часто самыя свадьбы. Что же собственно значить эта игра? — Выборъ невестъ и жениховъ.

Нѣкоторые относятъ эту игру къ древней греческой (*), и что она будтобы перешла къ намъ давно. По самому названію она означаетъ русскую забаву. ^{Курилка.} Курилка, отъ слова курить, показываетъ всякое куриво и горящую лучинку, которая въ иныхъ мѣстахъ замѣняется словомъ *курилка*.

Когда всѣ усядутся въ кружокъ, тогда зажигаютъ

(*) Guthr. Sur les antiq. des usages. etc.

лучинку и передлютъ ее другъ другу. Во время передачи, всѣ поютъ протяжно унылымъ голосомъ:

Живъ, живъ курилка,
Живъ, живъ и умеръ!
А у нашего курилки,
Ножки долгиеньки,
Душа коротенька.

Если при послѣднемъ словѣ погаснетъ лучинка, т. е. курилка у кого нибудъ, то берутъ съ того фантъ. Потомъ снова зажигаютъ и продолжаютъ зажигать курилку, пока не наберется большое число фантовъ, которые наконецъ разыгрываютъ.

Курилка выражаетъ пламень любви, и какъ скоро потухаетъ лучинка, такъ скоро исчезаетъ любовь, и чтобы снова пробудить ее, надобно вновь воспламенить сердце, — и это напоминаетъ чрезъ повторяемое зажиганіе. Ничто не можетъ существовать въ природѣ безъ любви, — безъ нее все мертво.

Печально протяжный напѣвъ, всего болѣе выскывается въ словахъ: *живъ и умеръ курилка*, — т. е. поживши въ любви и умеръ. Счастливей тотъ, кто умѣетъ любить; но несравненно счастливѣе тотъ, кто не игралъ любовью. — Потерявши ее однажды, нельзя согрѣть сердца прежнимъ чувствомъ.

Игра и-
нованн.

Избранныя четыре особы, предварительно заготовляютъ игру именами. Первая особа записываетъ на бумагѣ имена всѣхъ присутствующихъ мужчинъ, вторая дѣвицъ, третья назначаетъ что имъ дѣлать, а четвертая гдѣ дѣлать. Это производится безъ всякаго еговора между пишущими. По окончаніи дѣла, они объявляютъ игру. Всѣ усаживаются по мѣстамъ, и ожидаютъ своего приговора. Первая особа провозноситъ на-

примеръ: Азарей, вторая Елизавета, третья тинцовая, четвертая въ комнатѣ. Бываютъ весьма замысловатыя и острыя продѣлки, но никакъ не дозволяется выходить изъ привычки. Если кто прослышитъ свое имя, съ того берутъ фантъ; но набравши ихъ, разнакриваютъ.

Игра именами представляется съ перваго раза, одной забавной шуткою; но въ нихъ весьма часто пробуждается ревность и досада, когда приходится выносить назначеніе. Одинъ ревнивый мушкетеръ, котораго не знали ревности, поблагодаря отъ гитѣва, когда увидѣлъ, что его сопернику пришлось поцѣловать его красавицу; другой ревнивецъ, — господинъ мужъ, рассердился съ своею женою за то, что ей пришлось дозволить молодому вѣтреннику обнять себя. — Но, словъ изъ игры не выбросишь, а дѣла не утаишь. Игра именами, есть мука для ревнивыхъ: она, допуская продѣлки рязной и безнечной шалости, раскрываетъ волненія и страсти, удовольствія и страданія.

Сожмиушь стулья въ вруконъ, садятся и назначаютъ: Игра въ птицъ. кому какою быть птицею. Кто соловей, кто жаворонецъ, кто канарейка, кто голубь и т. п. Одинъ кто вѣбудь говоритъ: съла (т. е. летѣвшая птица). Другой спрашиваетъ: кто съла? — Канарейка. — Гдѣ? — На вѣточкѣ. — Полетѣла. — Кто полетѣла? Канарейка. — Куда полетѣла? — къ жаворонку. Играющій жаворонка, начинаетъ говорить тоже самое, а канарейка спрашиваетъ. Если же играющій жаворонка, прослышетъ свое прозваніе, то съ него берутъ фантъ. (*)

(*) Въ Польшѣ играютъ въ птицу, со весьма иначе. Ставъ вся въ вруконъ одна особа ходитъ въ кругу и поетъ:

Chodzi ptaszek po ulicy,
Wybiera ziarnka pszenicy,

Воробей. Играющіе называютъ себя именами деревьевъ или кустарниковъ. напр. яблони, малины, дуба, березы, смородины, вишни, и т. д. — Кто вѣдуть начинаетъ говорить: чивъ! чивъ! сидѣлъ воробей на малинѣ, слетѣлъ воробей на яблоню. — Кто яблоня, тотъ продолжаетъ говорить, и играютъ дотолѣ, пока не наберется довольное число фантовъ. За всякую медленность, или за забытіе своего прозванія, берется фантъ, которые разыгрываются потомъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Почта. Каждый изъ играющихъ называетъ себя какимъ вѣдуть городомъ: кто Петербургъ, кто Полтава, кто Астрахань, кто Саратовъ, и т. п. Одинъ говоритъ: день, день! Другой спрашиваетъ: что ѣдетъ?—Почта.—Откуда? — Изъ Петербурга — Съ чемъ? — Съ письмами, или цвѣтами и т. д.—Куда? — Въ Полтаву. — Названійся Полтавою, говоритъ: день, день! а Петербургъ продолжаетъ спрашивать. Но если кто прослышитъ свое имя, то съ него берутъ фантъ. По набраніи довольноаго числа фантовъ, разыгрываютъ ихъ.

Обѣ игры: птицы и почта, служатъ только приятнымъ препровожденіемъ времени, и кромѣ игривости, ничего особаго не заключаетъ въ себѣ. Въ Польшѣ такъ же играютъ въ почту. — Татарамъ. — Что ѣдетъ?—Почта. — Откуда? — Изъ Варшавы. — Куда?— Во Львовъ. — Названный Львовомъ принимаетъ почту. (.)

A ja tańcuje u tem kole,

Biore sobie, kogo wole. —

Тотчасъ она беретъ особу, кто нравится ей; за нею остальные дзвиги разбирають другихъ мужчинъ, и кто вѣдуть должень остаться, потому что не всегда бывають пары. — Goleb. Gr. i zabaw. etc, ч. 3. с. 73.

(.) Goleb. Gry i zabaw. etc., ч. 3. с. 75.

Одинъ изъ числа играющихъ, выходитъ въ другую комнату, а всѣ прочіе загадываютъ двѣ вещи одного содержанія, на примѣръ: штофъ, который принимается въ смыслѣ сосуда, съ какойнибудь жидкостію; материн, кою обиваютъ мебель и носятъ на платьяхъ; или на примѣръ: коса, которою косятъ траву и которая укрываетъ дѣвухекъ, и т. п. По загаданіи играющіе вызываютъ сидящаго въ другой комнатѣ, который долженъ отгадывать. — Онъ начинаетъ спрашивать съ крайняго: какъ вы любите? — Я люблю его видѣть на овнахъ; другой: я люблю, когда онъ бываетъ чѣмънибудь наполненъ; третій: я люблю его видѣть на женщинахъ; четвертый: я люблю его видѣть на сарафанахъ и т. д., отвѣчая всѣ по очереди. Если же онъ не отгадаетъ, какъ что любить, то съ него берутъ фантъ. Тогда онъ выходитъ въ другую комнату, для него снова загадываютъ, и дотолѣ продолжаютъ, пока не будетъ имъ отгадано. Кому же отгадалъ, то берутъ съ побѣднанаго фантъ, онъ же дѣлается отгадчикомъ, а отгадавшій поступаетъ въ число играющихъ. По набраніи довольнаго числа фантовъ, разыгрываютъ ихъ.

Синонимъ.

Синонимъ французская игра и усвоена нами. — Это весьма трудная игра, ибо она требуетъ особой остроты и смѣтливости, и служитъ не къ одной забавѣ, но къ развитію и изощренію памяти. — Желательно, чтобы его занимались по болѣе.

Каждый изъ играющихъ выбираетъ себѣ имя изъ кухонныхъ вещей, на примѣръ: тарелки, вилки, ножка, миски, печи, кочерги, ухвата, сковороды, и т. д. Одинъ ктонибудь начинаетъ спрашивать, начиная съ крайняго, или, указывая на окружающіе предметы, или на самого себя, пристукаетъ къ тарелкѣ и говоритъ: это: что у васъ въ носу? — Тарелка. — Это что на

губахъ? — Тарелка. — На чемъ вы сидите? — На тартелкѣ, и т. д. Тарелка все должна говорить тарелка; на чтобы онъ не указалъ, или чтобы не спросилъ; но если она засмѣется, то съ нея берутъ фантъ, и она начинаетъ спрашивать въ свою очередь: напримеръ: кто вы такой? — Ухватъ. — Ухватъ! кого любите цѣловать? — Ухватъ, и т. д. По набраніи довольнаго числа фантовъ, приступаютъ къ разыгрыванію ихъ.

Кухня есть прелезлая, шуточная и забавная игра: Она несколько проваодитъ смѣхъ и хохотъ во всѣхъ играющихъ, и рѣдкій кто изъ нихъ не поплачивается фантомъ, потому что надобно большого терпѣнія и чрезвычайной суровости, чтобы не засмѣяться, когда спросятъ васъ: на чемъ вы сидите? — На кочергѣ. — На чемъ вы ѣдите? — На кочергѣ. — На чемъ спите? — На кочергѣ. —

Кухня веселитъ всѣхъ играющихъ, потому она есть выраженіе рѣзвости.

Весь ту-
алетъ

Точно такъ же и въ этой игрѣ, каждый называетъ себя особымъ какимъ нибудь имевемъ туалета: кто чепчикъ, кто шляпа, кто шпилька, чулки, помада, духи, корсетъ, башмаки и т. д. Въ срединѣ ихъ стоитъ кто нибудь изъ играющихъ, и говоритъ: барыня спрашиваетъ шляпку. Кто носить названіемъ шляпки, долженъ отвѣчать: сдѣсь. — Барыня спрашиваетъ шпильки. — Сдѣсь. Барыня спрашиваетъ чулки. — Сдѣсь и проч. Если кто изъ играющихъ, прослышитъ свое имя, то съ него берутъ фантъ, и спрашивающій продолжаетъ говорить, пока всѣхъ не переберетъ. Тогда отъ кладетъ руками, или просто говоритъ: барыня спрашиваетъ весь туалетъ. — За этимъ условіемъ всѣ должны немедленно перемѣнять свои мѣста, и кто не успеетъ занять мѣста, тотъ входитъ въ кругъ играющихъ, и начинаетъ говорить прежнимъ порядкомъ. Эта игра

продолжается, пока довольно не соберется фантовъ, которые потомъ разыгрываютъ.

Вся туалетъ принадлежитъ къ числу веселыхъ игръ, и потому она есть изображение непринужденной забавы, свойственной юнымъ годамъ.

Всѣ играющіе, носящіе названіе мышекъ, берутся за руки и составляютъ изъ себя кругъ. Но одинъ изъ нихъ назначается мышкой а другой кошкою, которая, стараясь уловить мышку, бѣгаетъ за нею внѣ круга, а мышка внутри круга. Составляющіе кругъ обязаны не пропускать кота. — Если же какая нибудь пара, пропустила его, то она занимаетъ мѣсто мышки и кошки; съ нихъ берутся тогда фанты, а прежніе: мышка и кошка, сдвигаются въ кругъ играющихъ. — Набранные фанты разыгрываются потомъ.

Кошки
мышки.

Эта игра больше дѣтская, однако ею забавляются взрослые, и она собственно есть русская. Она выражаетъ беззащитное семейство, подвергаемое злобнымъ нападениямъ враговъ.

Всѣ садятся въ кружокъ, а одинъ изъ нихъ становится въ срединѣ. Сидящіе передаютъ другъ другу рубль, говоря: пошолъ рубль, пошолъ два. Стоящій въ срединѣ долженъ отыскивать рубль, и у кого найдетъ, съ того берутъ фантъ, и тотъ же занимаетъ его мѣсто. Такимъ образомъ продолжаютъ игру, пока наберется довольно фантовъ, которые разыгрываютъ потомъ. —

Помолъ
рубль.

Эта игра во многомъ сходна съ золотомъ хороню, съ той разницею, что въ пошелъ рубль не поютъ, и по отысканіи рубля, берутъ съ виновнаго фантъ. Пошолъ рубль, служить къ веселому препровожденію времени. —

Каждый изъ играющихъ называетъ себя какимъ нибудь цвѣткомъ, напримеръ: фіалкою, жасминомъ, ре-

Охъ бо-
леть.

зедою, незабудкой, розою, гвоздикой и т. д. Одинъ изъ цвѣтковъ, напримѣръ: незабудка, говоритъ: охъ болить. Другой спрашиваетъ: что болить? Сердце. — По комъ? — По жасминѣ. — Жасминъ продолжаетъ говорить незабудкѣ, тоже самое, и по комъ произнесено будетъ, что болить сердце, — тотъ продолжаетъ говорить. Кто прослышетъ свой цвѣтокъ, съ того берутъ фантъ, кои потомъ разыгрываютъ.

Есть ли это народная игра, или занесенная къ намъ? — Чисто русская, и она, какъ видно изъ самыхъ словъ, объясняетъ просто сердечную откровенность. Если кто изъ играющихъ обратится къ такой особѣ, которая давно томится любовью, — о, какъ больно тогда отвѣчать, по комъ болить сердце. Тогда невольно обнаруживается страданіе души, всныхивающее на лицѣ красавицъ, огненнымъ румянцемъ; тогда, и радость и стыдливость: она или сама произнеситъ, или слышитъ признаніе того, который чудился ей и на яву и во снѣ. Но смертельная рана тому цвѣтку, которому не отвѣтять на состраданіе его, — тогда, вмѣсто радости, пробуждается отчаяніе.

Эта игра весьма опасная, и потому, вы красавицы, не должны играть любовью.

Самая пѣснь, сочиненная чувствительными сердцами, гораздо лучше обрисовываетъ томительную любовь.

Охъ, болить!
 Что болить?
 Болить сердце мое!

Да по комъ?
 Все по немъ,
 Все по миленькомъ моему.

Пусть бранить,
Говорить
Злые люди,
Что хотять!

Какъ же быть!
Не любить?
Не могу его забыть.

Нѣтъ сомнѣнiя, что наши прабабушки изобрѣли эту игру тогда, когда онѣ томилась въ теремахъ, какъ въ заключенiи; когда имъ не позволялось выходить отсюда, чтобы посмотреть на людей и полюбоваться Божиимъ миромъ; когда законы приличiя, воспрещали имъ произносить свою любовь самъ другъ; когда видѣлись съ самимъ женихомъ, за нѣсколько времени до совершенiя брака; когда выдавали нашихъ красивыхъ дѣвушекъ за того, по комъ сердце никогда не заболитъ, но неизбѣжно еще; когда разлучали чувствительную душу съ тѣмъ, по комъ она всю жизнь должна вздыхать, болѣть душою и сердцемъ; когда все сладостное, очаровательное, упонительное, все что есть нѣжное, драгоценное, которое ничѣмъ не можетъ быть замѣнено, навсегда исчезаетъ, какъ сонъ, — и какъ тутъ не сказать: охъ, болитъ! Невольное, ненастроенное мученiе сильно потрясаетъ душу, и что однажды заронено въ ней, никогда и ничѣмъ не можетъ быть успокоено, и тутъ всегда, во снѣ и на яву: охъ, болитъ!

Становятся другъ противъ друга попарно дѣвушка и Мостъ
мостить. мушкетеръ, и держутъ поднятыя руки вверхъ, въ уровень съ грудью. Пары строятся въ одинъ рядъ, длинной вереницею, и чѣмъ она длиннѣе, тѣмъ красивѣе, —

этотъ рядъ называется мостъ; но чтобы его мостить, то избранная пара изъ дѣвушки и мушны, начинаетъ мостить его: взявшись за руки, они идутъ на мнимый мостъ; первая пара моста поднимаетъ руки, пропускаетъ ихъ; тутъ мушнина оборачивается и цѣлуетъ противоположную ей дѣвицу, а его дѣвица противоположнаго ей мушнину;—перещеловавшись обѣ пары, мушнина заключаетъ свой поцѣлуй на своей дѣвицѣ. — Это взаимно-обратное цѣлованіе, называется мостъ мостить, и оно продолжается чрезъ весь длинный рядъ: всякъ непремѣнно обязанъ взаимно цѣловать, иначе это почтется преступленіемъ противу игры. Когда первая пара перещелуетъ весь рядъ, тогда она становится на концѣ, и начинаетъ пламенное мощеніе слѣдующая пара, тѣмъ же порядкомъ. Когда всѣ пары перещелуются, тогда уже оканчивается мощеніе моста. Если кто не успѣлъ поцѣловать, или поцѣловалъ не такъ, какъ слѣдовало,—съ того берутъ фантъ, кои потомъ разыгрываются. Но рѣдко бывають фанты, потому что никто не пропускаетъ случая поцѣловаться, — развѣ случится какънибудь нечаянно, по недосмотру, или сама дѣвушка увернется, за те мушнину не только наказываютъ фантомъ, но общимъ посмѣяніемъ. Большею частію бываетъ, что снова начинаютъ мостить мостъ, по неимѣнію фантовъ, ибо съ фантами оканчивается игра.

ОБЪ

Всегому теперь понятно, что это мощеніе, производитъ сладостное омушеніе въ глубинѣ сердца. Оно пробуждаетъ нетерпѣливое желаніе сорвать поскорѣй поцѣлуй, съ розовыхъ устъ, давно горящихъ вулканомъ любви.

Мостъ мостить, одна изъ страстныхъ игръ; въ ней вполне развертывается весь пылъ кипучей юности: это кратеръ, извергающій осведѣшающую лаву, которая въ

своемъ тѣлошн все употребляетъ и обращаетъ въ дымящую воздушную; это: метель огненной любви, бьющаяся безпрерывными восточами: любить хочу! сгораю отъ любви!

Мистъ мистить чисто русская забава, и безъ сомнѣнія была въ употребленіи между нашими предками. Что наши предки умѣли очень страстно любить, то это некрѣпится хоронедомъ *млеши*, съ котораго конечно переделана эта игра. Только неизвестно, которая изъ этихъ игръ старѣе? Но чувства любви закрываются прежде игръ, и раскрываются только въ то время, когда настаетъ пора любви. И тогда, чего не выдумаетъ любовь? какихъ она не изобрѣтаетъ игръ и забавъ, и какихъ не совершаетъ проделъкозъ, чуждыхъ всякому разсудку? Тогда одно только желаніе, — любить! любить!

По занятии мѣсть, избранный игрокъ спрашиваетъ Азбука. своего сесѣла или сесѣдку, сидящую по правую руку, начиная съ первой буквы, чтобы она сдѣлала съ нимъ? наирим.: если бы я ангелъ былъ, то чтобы вы сдѣлали со мною? — Она должна отвѣчать немедленно; иначе фантъ. Если бы, вы были ангелъ, то я бы васъ полюбила какъ ангела. Спрашивавшій долженъ объявить о томъ, всѣмъ играющимъ. Должно наблюдать, чтобы одинъ и тотъ же вопросъ не повторяли и не спрашивали, не разобравши цѣлый слогъ *ангелъ*, въ противномъ случаѣ фантъ. После буквы *а*, надобно спросить на букву *и*, и т. д.; когда окончится слогъ *ангелъ*, то сдѣлюшій спрашиваетъ уже на букву *б*. Если бы я превратился въ бѣса, или сдѣлался блиномъ, то чтобы сдѣлали, или какъ бы поступили со мною? На это надобно отвѣчать по своей мысли, наиримъ.: если бы вы превратились въ бѣса, то я радюбила бы васъ, или: еслибъ вы сдѣлались блиномъ, то

я бы скушала его, съ волнѣвшимъ аппетитомъ и т. п. Такимъ образомъ продолжается азбука по порядку, по весь кругъ. По окончаніи игры разыгрываютъ фанты.

Молчаніе.

Сидяшіе въ кругу должны наблюдать строгое молчаніе, не двигаться и даже не улыбаться; за неисполненіе всего этого, берется фантъ. Одинъ только избранный, для нарушенія молчанія, ходитъ въ кругу и старается кого либо разсмѣшить, или заставить сказать что нибудь. Онъ имѣетъ право подходить къ каждому, предлагать смѣшныя или забавныя вопросы, на что надобно отвѣчать одними знаками, но кто промолчитъ, хотя одно слово, съ того фантъ.

Играютъ въ молчанку еще другимъ образомъ. Избранный для нарушенія молчанія, ходитъ въ кругу и дѣлаетъ кривлянія, или страшныя какія либо тѣлодвиженія, или представляетъ изъ себя, что ему вѣдуется. Сидящіе должны все то дѣлать, что избранный, безъ малѣйшаго смѣха, и ничего не говоря. За невыполненіе, что дѣлалъ избранный, или за смѣхъ и говоръ, берется фантъ. По набравши ихъ въ болшемъ числѣ, разыгрываютъ.

Къ чему бы употребили меня?

Садятся въ кружокъ дѣвцы, дамы и мужчины, но такимъ образомъ, чтобы мужчина сидѣлъ между двумя дамами. Потомъ мужчина спрашиваетъ съ правой стороны, свою сосѣдку, тихо: еслибы я былъ колиброй, то къ чему бы употребили меня? — Заперла бы въ клетку, и сама бы кормила васъ. — Этотъ отвѣтъ онъ хранитъ, обращается къ сосѣднѣ, съ лѣвой стороны, и спрашиваетъ тихо: къ какой обязанности, или къ какимъ услугамъ, я былъ бы назначенъ вами? — Свистать или учить меня музыкѣ, и т. п. Спрашивавшій мужчина рассказываетъ собранію то и другое, т. е. для какого онъ годится употребленія и къ чему назначенъ. — Тутъ не берутся фанты.

Всякій уподобляетъ своего сосѣда или сосѣдку, ка-
 кой нибудь вещи, находя съ нею сходство и несоход-
 ство, и все это надобно говорить въ слухъ. — Я уподоб-
 ляю мою сосѣдку розѣ: она сходна съ нею и цвѣ-
 томъ и очаровательностію; дышетъ прелестью аромата
 и сладостію жизни, но не сходствуетъ съ нею въ
 томъ, что роза съ шипами и недоступная, а сосѣдка
 моя безъ шиповъ и доступная; что роза дышетъ за-
 пахомъ своимъ, а моя сосѣдка духами; что жизнь
 розы сладостная, ею любитесь все и великъ, а жизнь
 моей сосѣдки тернистая и всякъ горюетъ, смотря на
 прелесть увядающую —, и т. п. — Тутъ не собира-
 ютъ фанты.

Кто нибудь ходитъ въ кругу и дѣлаетъ вопросы,
 какіе ему вздумается, но перемѣняя ихъ постоянно. От-
 вѣчающая должна говорить ему противное, не упо-
 требляя слова да и нѣтъ. За произнесеніе ихъ, бе-
 рется фантъ. Спрашивающій долженъ быть проворный
 и ловкій, чтобы нечаянно умѣлъ подбѣжать съ во-
 просомъ къ дамѣ, которая вовсе не ожидала и не ду-
 мала. За медленный отвѣтъ берется такъ же фантъ.

Садятся въ кружокъ, гдѣ кому вздумается, и потомъ
 передаютъ изъ рукъ въ руки корзину. Вотъ моя
корзина. Позволяется
 встать и передать ее черезъ нѣсколько сосѣдовъ, но
 во всякомъ случаѣ, поднося ему, сказать: вотъ моя
 корзина! что хотите, то положите. Кто не отвѣтитъ
 скоро, что положилъ въ нее, съ того фантъ. Полу-
 чившая корзину, можетъ передать ее сосѣду, или
 встать, вручить кому другому, вовсе не ожидавшему
 и не готовому съ отвѣтомъ. — Такимъ образомъ про-
 должается игра.

Избирается знающій музыку, который рассажи-
 ваетъ по мѣстамъ находящимся въ игрѣ. Каждой осо-
 бѣ онъ даетъ инструментъ: сирянку, басъ, виолончель,

флейту, кларнетъ, гобой, трубу, барабанъ и т. п. Составляющій концертъ, становится по срединѣ и начинаетъ играть, на какомъ нибудь инструментѣ, что ему придется въ голову. Всѣ остальные музыканты не должны играть, а выдѣлывать только своими движеніями, всѣ его пассажи, темпу, разстановку и пр. Кто сдѣлаетъ ошибку, или не выполнитъ, что надобно, тотъ выискивается фантомъ.

Осужденный.

Изъ среди играющихъ назначаютъ кого либо осужденнымъ, и сажаютъ въ углу комнаты на скамейкѣ. Другой изъ играющихъ, мужчина или дѣвушка, начинаетъ спрашивать тихо, сидящихъ въ кругу: какія кто знаетъ за нимъ преступленія? Собравъ отвѣты, онъ объявляетъ осужденному. — На васъ поступило весьма много жалобъ: одна прекрасная особа говоритъ, что вы очень страстны; другая, что вы измѣнникъ; третья, что вы влюбляетесь во всѣхъ женщинъ. — Нѣкто сказалъ, что вы играете сердцемъ, которое любитъ васъ нѣжно, и т. п. Осужденный долженъ опровергнуть жалобы и указать ту особу, которая обнесла его невинно. Когда онъ не укажетъ особу, тогда остается еще осужденнымъ. — Игра начинается вновь и до тѣхъ поръ продолжается, пока осужденный не узнаетъ своего обвинителя. — Фантомъ не беруть.

Птичій охотникъ.

Каждому изъ играющихъ отдается на волю быть птицею, какою ему угодно. Охотникъ птичій, избравшій изъ того же самого круга, подходитъ къ каждой особѣ, и выслушиваетъ названіе птицы. По отобраніи всѣхъ названій, охотникъ останавливается посрединѣ, и говоритъ: въ моемъ саду видѣются птицы разныхъ породъ, а именно: попугай, ворона, сова, голубъ, соронка, и т. д. Потомъ онъ подходитъ къ кому нибудь, и дѣлаетъ три вопроса: которой птичкѣ вручаете свое сердце? которой доверяете свою тайну? которой намѣ-

рены ощипать перья? — Спрошенная особа должна отвѣчать на всякій вопросъ: вручаю сердце голубкѣ, тайну совѣ, а ощипать перья попугаю.—Когда охотникъ обойдетъ по порядку весь кругъ, съ своими вопросами, тогда онъ объявляетъ отвѣты, назвавъ каждую особу: такой-то поручилъ свое сердце голубкѣ, которая есть дѣвица такая-то; но что вы въ самомъ дѣлѣ вручили ей свое сердце, то должны насъ увѣрить тѣмъ, когда поцѣлуете ее.—Такой-то довѣрилъ свою тайну совѣ, которая есть такая-то, а ощипать перья попугаю, которая есть такая-то дама; но какъ съ прекраснымъ поломъ нельзя поступать такъ жестоко, то вы наказаны фантомъ.—Должно замѣтить, что кто самъ себѣ поручить сердце, тотъ цѣлуетъ въ наказаніе свою руку; кто довѣряетъ тайну самому себѣ, тотъ долженъ ее хранить при себѣ.

Надобно бросить перчаткой въ кого либо сидящаго Перчаткой играть. напротивъ, и сказать ему: назовите мнѣ что нибудь воздушное, или водяное, или земноводное; но только нужно требовать одного изъ трехъ этихъ стихій. Получившій перчатку, долженъ отвѣчать немедленно. На слово воздушный, онъ можетъ отвѣчать: сорока, попугай, ястребъ, и т. п.; на слово водяной: ракъ, осетръ, бѣлуга и т. д.; на слово земноводное: жаба, змѣя, ужъ и т. д. Кто скажетъ противное стихіи, тотъ расплачивается фантомъ. Получившій перчатку, бросаетъ ее съ своимъ вопросомъ въ другаго, а этотъ бросаетъ въ слѣдующаго, и перчатка перелетаетъ быстро отъ одного до другаго, почему называется играть перчаткой.

Изъ числа играющихъ избирается двое дорожныхъ, Дорожные. возвратившихся изъ дальняго и опаснаго пути.—Одинъ дорожный долженъ раздать каждому въ собраніи, по одному какому либо названію тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ

проходилъ, и про которыя онъ намѣренъ рассказы-
вать. Играющіе сажатся въ кружокъ, такимъ обра-
зомъ, чтобы съ правой руки дамы или дѣвицы, не-
премѣнно бы сидѣлъ мушина. Дорожные садятся по-
среди собранія. Первый рассказываетъ своему това-
рищу, причины своего путешествія; потомъ мѣста,
черезъ которыя онъ проходилъ. Особа, услышавшая
имя мѣста, которымъ она называется, должна по-
цѣловать сосѣда, сидящаго съ правой ея руки. Если
бы кто поцѣловалъ не ту особу, которую слѣловало,
тотъ наказывается фантомъ. Когда дама или дѣвица,
не захочетъ поцѣловать мушину, тогда она обязана
свиснуть. — При этой игрѣ только допускается одно
изъ двухъ: или поцѣловать или свиснуть. Товарищъ
дорожного наблюдаетъ строго за выполненіемъ всего
въ точности. — По переименованіи всѣхъ мѣстъ, окан-
чивается рассказъ дорожныхъ; ихъ мѣсто занимаетъ
другая пара, и дотолѣ продолжается игра, пока не набе-
рется довольное число фантовъ.

Сочини-
тель.

Избравъ для своего описанія какой либо предметъ,
напр. солнечное затмѣніе, любовь, надежду на счастье
въ жизни, и т. п., пишетъ каждый свою мысль на
бумагѣ до точки или до полного періода, и загнувъ,
что было имъ написано, передаетъ писать другому, о
томъ же самомъ предметѣ, пока листъ бумаги не обой-
детъ весь кругъ. Когда всѣ запишутъ свои мнѣнія,
тогда развертывается бумага и читается въ слухъ.
Отъ сбивчивости мыслей и безсвязности, выходитъ та-
кая безтолковщина, что невольно производитъ смѣхъ.

Но съ.

Садятся гуськомъ, другъ за другомъ: первый за вто-
рымъ, второй за третьемъ, третій за четвертымъ и
т. д. Второй закрываетъ своей рукою глаза первому.
Кто нибудь выходитъ изъ ряду, и подергавъ закры-
того за носъ, садится на свое мѣсто. Тотъ, кого дер-

гали за носъ, долженъ встать со стула и искать, кто дергалъ его. Если онъ укажетъ на другое лицо, то за поклевъ отводять его за носъ къ прежнему мѣсту. Тутъ снова дергаютъ его за носъ, пока онъ не угадаетъ. Когда отгадаетъ, тогда игра доходитъ по очереди до прочихъ. — Фантовъ не берутъ.

Выбирается изъ колоды картъ, одна какая либо ^{Засѣданіе.} масть, отъ туза до двойки. Карты раздаются по числу особъ, и каждая карта имѣетъ особое свое названіе, потому что въ засѣданіи отправляютъ разныя должности. Тузъ означаетъ воеводу, который вмѣстѣ есть предсѣдательствующій судебного засѣданія; король, товарищъ воеводы; дама, жена воеводы, которая помѣщена сдѣсь потому, что жены воеводъ иногда рѣшали дѣла, вмѣсто своихъ мужей; валетъ сыщика, десятка дьяка (секретаря); девятка подъячаго (помощника секретаря), осьмерка голову, семерка гласного, шестерка стряпчего, пятерка старосту, четверка понятого, тройка приказнаго, а двойка сторожа. Одинъ является челобитчикомъ и подаетъ жалобу воеводѣ, который, посмотрѣвъ на просьбу, передаетъ ее товарищу своему, ничего не говоря; товарищъ его, посмотрѣвъ на нее, и не говоря ничего, передаетъ воеводшѣ, а эта, сдѣлавъ тоже самое, передаетъ слѣдующему. Поступая всѣ одинаково, просьба доходить до сторожа, который, свернувъ ее, кладетъ подъ сукно а челобитчику указываетъ дверь. Тотъ, кто скажетъ что нибудь при передачѣ, наказывается фантомъ.

Эта игра, измѣненная въ фанты, вѣроятно намекаетъ на суды нашихъ предковъ.

Носящій названіе хорошъ пригожъ, жениться хочу, ^{Хорошъ пригожъ, женить-ся хочу!} подходитъ къ дѣвицѣ или дамѣ и говоритъ: хорошъ, пригожъ, жениться хочу! На охотника къ женидѣбѣ,

или хо-
роша
приго-
ша, за
нужь хо-
чу.

часто слышуются насмѣшки со всѣхъ сторонъ. И старъ онъ, и малъ, и дурень, да какая дура выйдетъ за вѣсь за мужъ! Иногда подъ шутками высказываютъ горькую правду, и не въ бровь а въ глазъ. Нѣкоторые желаютъ ему жениться, а другіе дѣлаютъ отеческія наставленія, оставить мысль о женитьбѣ, представляя супружество тягостнымъ: холостой человекъ, вольная птица, или казакъ свободный; одинокій не тужить и не горюетъ, и т. п. Обошедши кругъ хорошъ пригожъ, жениться хочу, становится посредникъ комнаты и рассказываетъ всѣмъ свою неудачу, и объявляетъ: проженили молодца! въ другой разъ онъ не захочетъ жениться. Если же большая часть желала ему жениться, то онъ, объявивъ объ этомъ, проситъ къ себѣ на свадьбу:

Милости прошу,
На свадьбу мою.
Я и бражки наварю,
И вина припасу,
И гостей назову.

Ему обѣщаютъ быть на его свадьбѣ. Кто при обходѣ, хорошъ пригожъ, жениться хочу, не будетъ отвѣчать, или смѣяться, не дѣлая ни какихъ замѣчаній, съ того берутъ фантъ; по набраніи ихъ разыгрываютъ обыкновеннымъ порядкомъ. Съ кого взяли фантъ, тотъ занимаетъ мѣсто ходившаго въ кругу. Если бы случилось взять фантъ съ дѣвицы, то она также отбѣраетъ мнѣнія, говоря: хороша пригожа, замужъ хочу. При чемъ бываютъ или тѣже насмѣшки, или желаютъ ей поскорѣе замужъ.

Эта игра народная, но презабавная и прелепая. Она часто досаждаеть тѣмъ, кому отвѣчаютъ на де-

реноръ. О, какъ многія хотѣтъ по скорѣй за мужъ, а многіе поскорѣй жениться, не разбирая хороша ли это, или дурно?

Дѣвушки и мушныи садятся въ дружокъ. Одинъ ^{Сосѣдъ.} кто либо подходитъ къ сидящему съ краю, или къ сидящему посрединѣ и спрашиваетъ его: хорошъ ли вамъ сосѣдъ?—Если онъ отвѣчаетъ хорошъ, то спрашиваетъ другаго; кто скажетъ не хорошъ, то онъ спрашиваетъ его: кто вамъ нравится?—Вотъ это. — Про кого онъ скажетъ, тотъ долженъ бѣтъ возлѣ его и пожеловать, произмесь: здорово сосѣдъ.—И такъ спрашиваютъ всѣхъ поочередно. Кто изъ сосѣдей былъ названъ не хорошимъ, тотъ выходитъ изъ своего мѣста и начинаетъ спрашивать, а мѣсто его занимаетъ прежде спрашивавшій.

Не многіе могутъ похвалиться хорошимъ сосѣдствомъ, отъ того добрый сосѣдъ, — кладъ; съ такимъ сосѣдомъ встрѣчаются подружески, желаютъ имѣть его въ сосѣдствѣ и дорожатъ имъ.

Садятся въ одинъ рядъ дѣвушки и мушныи. Одинъ ^{Продажа мѣста.} кто либо, обращаясь къ первому сидящему, говоритъ: не угодно ли холста. Угодно. — Сколько? — Одинъ аршинъ. — Послѣ этого онъ даетъ покупщику, какое либо прозваніе, напр. вилки въ затылкѣ, тарелки во лбу. — Потомъ подходитъ къ другому, и даетъ названіе: черезъ заборъ взглянуть, съ боръ пролетнуть; къ третьей: изъ затона бѣжала, въ кармаиъ ланшу держала; къ четвертой: безъ стыда замужъ хочу; къ пятому: безъ стыда жениться хочу, и т. д. Когда раздастъ всѣмъ названія, тогда обращается къ первому: пожалуйте за холстъ денежки. Первый отвѣчаетъ: вилки въ затылкѣ, тарелки во лбу. — Чтобы ни говорилъ правящій деньги, первый долженъ отвѣчать ему одно и то же, не смѣясь и не переначивая своего наз-

ванія. Впротивномъ случаѣ берется фантъ. Такимъ образомъ спрашивается у всѣхъ поочередно. Потомъ, по набравши фантовъ, разыгрываютъ ихъ. При чемъ правящій деньги, разнося фанты, спрашиваетъ: кому что угодно скушать, выпить, сдѣлать и т. п. Сколько разъ спрашиваетъ правящій деньги, столько разъ онъ долженъ цѣловать, пока не поручатъ ему выполнить что либо.

Много есть охотниковъ, берушихъ въ долгъ, и конечно рѣдко отдающихъ. Продавецъ вымалываетъ тогда за свое же добро, и очень часто ничего не получаетъ. Ему остается въ удѣлъ одно ласковое обнадеживаніе: завтра.

Костыль. Садятся мушны и дѣвушки. Одинъ кто либо изъ играющихъ, выходитъ на средину комнаты съ палкою въ рукѣ и подпирается ею, представляя костыль. Сидящія поютъ:

Ужь и такъ ли я костыться могу, могу, (°)
 Ужь и такъ ли я пройтись могу.
 Я могу, могу, по комнаткѣ пройти,
 Я могу, могу, пивца, винца испить.
 Вотъ изъ виннаго ковшичка,
 Изъ чарочки позолоченой.
 Да къ кому я, добрый молодець, приѣду?
 Къ кому костыль прислоню?
 Приставлю я, свой костыль,
 Ко золоту, ко серебру,
 Ко дѣвичью ко терему.
 А я самъ поскачу, попляшу,
 Своихъ гостей взвеселю.

(°) Ушараться на костыль.

Вотъ я тятеньку съ маменькою,
 Милого брата со невѣстункою,
 А сестрицу со подруженьками.

Если стоять съ костылемъ дѣвица, то поютъ ей то же самое, за исключеніемъ примѣненія словъ къ ея имени :

Да къ кому я, красна дѣвица, приѣду?
 Къ кому костыль прислоню?
 Приставлю я, свой костыль,
 Ко золоту, ко серебру,
 Ко мужскому ко терему.
 Я сама, поскачу, попляшу,
 И своихъ гостей взвеселю.
 Вотъ я тятеньку съ маменькою,
 Милого брата со невѣстункою,
 А сестрицу со подруженьками.

Кому отдають палку, тотъ встаетъ съ мѣста и цѣлуетъ его ; потомъ беретъ костыль, становится посреди комнаты, а ходившій садится на мѣсто вставшаго. Костыль не отдають дотолѣ, пока не поцѣлуютъ. Рѣзвые еще пляшутъ съ костылемъ, вовсе пѣніе.

Костыль разыгрываютъ на сговорахъ молодыхъ, потому тутъ постоянно цѣлуются молодые. Эта игра выражаетъ радость счастливой любви.

Садятся въ кружокъ мушны и дѣвушки. Одинъ Цвѣтъ. изъ играющихъ ходитъ въ кругу и раздаетъ названія цвѣтовъ : бѣлого, алого, синяго, палевого, бланжевого, и т. п., а себя называетъ чертополохомъ. Потомъ, раздавшій названія цвѣтовъ, говоритъ : чертополоховой цвѣтъ прекрасный, алый не хорошъ. — Алый отвѣчаетъ : алый цвѣтъ прекрасный, а свій не хорошъ. Свій отвѣчаетъ : свій цвѣтъ пре-

красный, бѣлой не хорошъ, и такимъ образомъ всякой изъ играющихъ защищаетъ свое названіе. Кто не успѣетъ защитить себя, или скажетъ, что тотъ цвѣтъ прекрасный, съ котораго взяли уже фантъ, то берутъ и съ него фантъ. — По набраніи фантовъ, разыгрываютъ ихъ.

Никто не хочетъ сознаться въ своихъ недостаткахъ; всякій думаетъ и говоритъ: я хорошъ, а тотъ не хорошъ; у того большіе недостатки, а у меня ихъ нѣтъ. — Въ глазу ближняго видятъ соломенку, а въ своемъ не видятъ сучка. Страсти заглушаютъ разумокъ.

Качели. Внесенныя здѣсь въ число игръ: качели, катанье съ горъ и на саняхъ, не составляютъ собственно игръ. Онѣ по своему назначенію, доставляютъ одно пріятное развлеченіе забавѣ, потѣхѣ и веселой рѣзвости. Но какъ всѣ игры клонятся къ той же цѣли, то и они помѣщены здѣсь, какъ предметъ увеселеній.

Въ югозападной Россіи были извѣстны, еще въ глубокой древности *колыски*. Кіевляне въ праздники святыхъ Апостолъ Петра и Павла и св. Іоанна Крестителя, забавлялись на качеляхъ (*). — Въ какое же время онѣ появились у насъ? Откуда перешли къ намъ? — неизвѣстно. Мы знаемъ, что всѣ восточные народы издревле любили качаться на качеляхъ; а жамозійскіе Греки находили въ качеляхъ особое удовольствіе.

Колыски, въ сѣверо-восточной Россіи называются

(*) Гизель. Синонимы о началѣ русск. народа. с. 146.

началими. — Колыски происходят отъ слова колы-
хаться, а качели отъ качаться, и значуть одно и
тоже. — Всѣ сословія любятъ ихъ; онѣ строятся мно-
гими у себя дома. Нѣтъ мѣста по Россіи, гдѣ бы не
веселились на качеляхъ. Въ какой уголокъ свѣта не
перенесите Русскаго, онъ не забудеть ихъ: состроятъ
непремѣнно для наслажденія удамой своей головы, ко-
торою не рѣдко поплачивается. Въ старину велико-
княжескія и царскія дѣти, любили особенно качели;
нынѣ высшее дворянство чуждается этого удоволь-
ствія, но любитъ смотрѣть на веселящихся: свѣт-
скій этикетъ удерживаетъ ихъ отъ участія въ народ-
номъ удовольствіи. Однако, у себя на дачахъ, оно
устроиваетъ ихъ, будто бы для дѣтей.

Качели дѣлаются разнообразно: въ видѣ кресель, воз-
ковъ, люлекъ, круглых, на веревкахъ и лыжками, въ
конхъ сидящіе оборачиваются черезъ ось, описывая
кругъ снизу въ вверхъ. Эти качели производятъ голо-
вокруженіе, которое увеличивается еще болѣе на вере-
вочныхъ, и чѣмъ болѣе опасность, тѣмъ болѣе потѣ-
ха. Часто видишь сидящихъ биткомъ на узенькой до-
щечкѣ, привѣшенной къ веревкѣ или въ тощенькихъ
веревкамъ, или въ трепещущимъ и гнущимся жердямъ.
Сидящіе держатся другъ за дружку, хохочутъ, издѣва-
ются надъ опасностію и несутся подъ небо. Никому
не приходитъ на мысль сорваться на лету, и размо-
жить себѣ голову. Предусмотрительность не входитъ
въ соображеніе весельчака, а бѣда въ глазахъ, смерть
тутъ же вертится: онъ не думаетъ о ней, онъ не бо-
ится ее, — двумъ смертямъ не бывать, а одной не
миновать. Съ такою философіею Русскій любитъ силь-
ныя ощущенія: ему давай потѣху, разгульное веселіе,
чтобы въ глазахъ темнѣло, бокашъ было памятно, —

хоть голова съ плечь долой! Тутъ потѣшенъе его. — Вокругъ его неизъяснимое удовольствіе и неподдѣльная радость, вылетающая изъ груди звонкой пѣснью. — Тутъ на качеляхъ рассыпаются пѣсни, свистать, играютъ на флейтѣ или на кларнетѣ. Нигдѣ нѣтъ столько разнообразныхъ качелей, какъ въ Петербургѣ, и простой народъ веселится здѣсь непринужденно, какъ у себя дома. Въ народные праздники: во время масленицы, свѣтлой недѣли, на гуляньи въ Екатерингофѣ и т. п., нарочно устрояются качели и горы.

Катанье
съ горъ
и на саняхъ.

Не менѣе доставляло удовольствія нашимъ предкамъ катаніе съ ледяныхъ горъ, по льду и на конькахъ. Великокняжескія дѣти имѣли въ кремлевскомъ дворцѣ свои горы, и нынѣ ихъ не оставляютъ: Царскія дѣти, аристократы и живущіе по городамъ и деревнямъ. Всѣ любятъ кататься зимой съ ледяныхъ горъ, а лѣтомъ съ деревянныхъ. Горы чисто русская забава.

Катаніе на саняхъ въ хорошіе зимніе дни, составляетъ гораздо еще большее удовольствіе какъ для купечества, такъ и дворянства. Въ столицѣ хорошее общество, отправляясь за городъ на пикникъ, разнообразитъ его катаніемъ на саняхъ.

Карты.

Карты, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изобрѣтены въ Італіи а по мнѣнію другихъ во Франціи. За подлинно извѣстно, что находящіяся изображенія на картахъ, принадлежатъ французскому живописцу Жакемену Грингонеру, который нарисовалъ ихъ въ 1392 г., для больного и слабоумнаго короля Карла VI. Нѣкоторые думаютъ, не безъ основанія, что карточные изображенія служили первымъ шагомъ къ изобрѣтенію книгопечатанія. — Мотивы картъ имѣли прежде особое свое значеніе, нежели нынѣ: черви представляли духовныхъ, пики военныхъ, трефы или крести земледѣльцевъ, бубны жен-

щинъ, по склонности ихъ къ удовольствію. Четыре короля представляли: пиковый царя Давыда, подъ кониъ разумѣли Карла VII., преслѣдуемаго своимъ отцемъ, какъ Давидъ былъ преслѣдуемъ царемъ Сауломъ; бубновый, Александра македонскаго, червоный Юлія Цезаря а трефовый: Карломана, императора нѣмецкаго. Трефовая дама была Марія авжуйская, жена Карла VII; бубновая, прекрасная Рахиль, подъ кою разумѣли Агнесь Сорель; пиковая, Минерва, орлеанская дѣвица Анна д'Аркъ; червонная, Юдифъ, королева баварская Изабелла, жена Людовика добраго. Валеты означали оруженосцевъ: Ожье, Лавело, Лагира и Гектора, изъ нихъ два первые были рыцари Карла V., а два послѣдніе полководцы Карла VII — Прочія карты, отъ туза до десятки, означали воиновъ. (*)

Карты занесены къ намъ иностранцами, не равнѣ XVII. в. — Во многихъ отношеніяхъ нѣтъ игры столь вредной, какъ карты. Сначала занимались ими для дрепровожденія времени, потомъ стали выдумывать и изучать многообразныя игры, злоупотребленія которыхъ послужили къ пагубѣ семействъ и обществъ. Царь Алексѣй Михайловичъ строго воспрещалъ играть, и велѣлъ играющихъ злонамѣренно въ карты, подвергать наказанію, какъ за воровство. Петръ Великій запретилъ военнымъ проигрывать болѣе рубля мѣди. При Императрицѣ Елизаветѣ усилилась картежная игра. Канцлеръ гр. Бестужевъ-Рюминъ, такую имѣлъ къ ней страсть, что прославился даже за границей. Король прусскій, Фридрихъ V., называлъ его отчаяннымъ картежникомъ. Тогда играли въ ландскнехтъ, квинтичъ, штоссъ, фараонъ, макао, гальбцвельфъ, горку, три листика, въ красную

(*) Diction. des oirgin. ed. 1777 г., in 8.

и черную, въ фаро, пинетъ и мног. др. Игроки ставили на девятку и туза, большія суммы. — Встарину Германцы, проигравъ все свое имущество, проигрывали даже женъ и дѣтей. — Почти такая же страсть господствовала между нашими предками, и она проникла было въ простое сословіе; но народъ одумался, сталъ креститься отъ игры, какъ отъ дьявольскаго навожденія, проклиналъ ее и игрока: «чтобы ему не спалось два мѣсяца, чтобы трясла его годовая лихорадка, чтобы глаза его выклевалъ черный воронъ, бѣлый филинъ и сѣрая сова; чтобы вползла ему въ чрево, змѣя водколodная; чтобы печенку его съѣла бышленная собяка; чтобы сердце его высохло, какъ кора на деревѣ, если кто будетъ играть въ карты.» Простой народъ, называемый обыкновенно грубымъ, необразованнымъ, новялъ все зло отъ игры и пренебрегъ ее съ негодованіемъ, Простой народъ разумѣетъ, подъ словомъ игрока: отъявленнаго мота, развратника, пьяницу и плута. Въ одной хороводной пѣснѣ, невѣста, выбирая себѣ жениха, спрашиваетъ у своихъ подругъ:

Сосѣдушки, собратушки,
Скажите вы мнѣ:
Каковъ человекъ?

Ей отвѣчаютъ:

Онъ пьяница, прононца,
Картежной игрокъ.

Этого мнѣнія уже было довольно для нее.

Еще есть старинная пѣснь:

Бѣсъ проклятой дѣло намъ затѣялъ,
Мысль картежную въ сердце намъ всѣялъ.

Дайте намъ карты, здѣсь олухи есть. —
 Сеняка Разякъ, Свинной и Гаврюшка,
 Ванька Каицъ и лжекрестъ Андриушка!
 Хоть дѣла ваши громки,
 Прахъ противъ нашихъ картежныхъ дѣлъ. (*)

Въ старые годы любили говорить о волшебникахъ, колдунахъ, зѣбодочетахъ, видѣннѣяхъ: говорили о томъ; кто видѣлъ бѣса, и какъ онъ училъ картежной игрѣ, или отдавалъ аду, проданную душу за деньги; говорили нѣкоторые отчаянные, какъ бы они желали поучиться игрѣ у демона искусного, — даже между ними не всѣ бываютъ ловкіе. — Все это показываетъ какое имѣли встарину понятіе о картахъ, особенно между простыми людьми.

Названія карточной игры, многочисленны. Употребляемыя понинѣ игры, суть: въ дурачки, свои козыри, носки, мельникъ, мушка, пикетъ, тентире, бостонъ, гальбцвелѣфъ, вистъ, преферансъ, палки и банкъ (фараонъ). Последняя игра есть самая разорительная, сиравилливо преслѣдуемая правительствомъ. Въ наше время такъ заразились игрою въ карты, что мало найдете домовъ, гдѣ бы не играли, и все на деньги. Отъ бѣднаго чиновника до сибарита, отъ старой дамы до прелестной дѣвушки, все занято картами; куда не войдете, почти вездѣ играютъ; тотъ лишній въ обществѣ, кто не отличается на зеленомъ полѣ; тотъ уменъ, кто искусенъ въ игрѣ. — Кто знаетъ тонкости картежныя, тотъ имѣетъ право указывать, поправлять, учить и стоять выше другихъ, — потому что въ картежномъ ис-

(*) Исторія о Ванькѣ Каицѣ изд. 1788. Москва, ст. 100-101.
 Здѣсь помѣщ. еще истор. француз. мошенника Кертуша.

куствѣ видятъ какое-то отличное достоинство. Мало обществъ, гдѣ бы ни играли; тотъ скупенъ, кто станетъ разговаривать объ умныхъ вещахъ или просвѣщеніи. Есть цѣлыя мѣста и города, кои прославились игрою въ карты.

Многія изъ дамъ до того пристрастились къ игрѣ, что проводятъ ночи за картами, не думая о семействѣ; матери забываютъ своихъ малютокъ а дѣвцы не смѣютъ оставить гостей, или вечернее собраніе, не дождавшись окончанія игры. — Часто онѣ просиживаютъ до разсвѣта. Танцевальные вечера мало занимаютъ молодыхъ людей; все устремляется играть, и всегда случается, что не достаетъ кавалеровъ для танцовъ, по причинѣ страсти послѣднихъ къ картамъ. Я самъ видѣлъ много разъ, что дамы предпочитали игру танцамъ. Находятся нѣкоторыя изъ дамъ до того пристрастившіяся, что въ самой болѣзнѣ занимаются картами. Есть праздные и легкомысленные молодые люди, которые занимаются картами, какъ промысломъ; многіе изъ нихъ впадаютъ въ бѣдность и нищету отъ проигрышовъ, а наконецъ дѣлаются пьяницами и развратниками. Есть примѣры, что дѣти съ семи лѣтъ приучаются къ игрѣ: сначала для препровожденія времени, а потомъ для препровожденія денегъ. Такою страстію очумлены многія семейства, которыя отъ этого разоряются и гибнутъ. (*)

(*) Многими постановленіями запрещалась картежная а азартная игра, и злонамѣренныхъ игроковъ велѣно предавать уголовному суду.

Улож. гл. XXI. п. 15. а которые воры на Москвѣ и въ городахъ воруютъ, карты и зернью играютъ, и проигрався воруютъ, и такихъ всякихъ чиновъ людейъ вмая, приводить въ

Нерѣдко зловѣрные игроки составляютъ свои общества, ловятъ охотниковъ и обираютъ ихъ до послѣдняго. Неопытные попадаютъ имъ въ сѣти и погибаютъ. — Если приглашаютъ кого либо на чашку чая, то это значитъ для игры, и того приглашаютъ, кто играетъ. Просвѣщенный человекъ не годится имъ, добрый и умный не ихъ прихода. Кажется, что болѣе занимаются картами, нежели науками. Отчаяннымъ игрокамъ ни почемъ проиграть нѣсколько тысячъ и болѣе. — Между тѣмъ, если бы сотая часть изъ проигранной тысячи была ими удѣлена въ пользу общественную: на просвѣщеніе, науки, о, съ какою благородной гордостью можно бы было указать на такихъ любителей наукъ.—Ими достойно бы хвалились современники, а отдаленное потомство не забыло бы ихъ. Увы! столько на свѣтѣ богачей, и

приказъ, и тамъ ворами чинить указъ тотъ же, какъ писано выше сего о татахъ, — т. е. судить уголовнымъ судомъ.

Указъ 1696 г. февр. 18. и. 26.: тамъ людямъ, у кого карты и зернь вынуть, велеть ихъ бить кнутомъ.—Ук. 1717 г. дек. 11., чтобъ никто не игралъ въ деньги, подъ тройнымъ штрафомъ имѣющихся денегъ въ игрѣ. Ук. 1733 г. генв. 23: за прѣвое преступленіе по вышеозначенному 1717 г. указу, тройнымъ взятіемъ имѣющихся денегъ и остального въ игрѣ, и изъ нихъ давать объявителю обзъ игрѣ третью часть, а двѣ доли на госпиталь. Будеже кто въ ономъ преступленіи явится вторично, таковыхъ сверхъ онаго взятя, сажать въ тюрьму на мѣсяць а подлыхъ (простого сословія) бить батогами не щадно, а за третіе преступленіе, сверхъ взятія денежного, оное наказаніе умножить вдвое, а кто уже за тамъ пойманъ будетъ, съ таковымъ поступать жестокае, смотря по важности дѣла.—Въ слѣдъ за этимъ идетъ рядъ указовъ, подтверждающихъ запрещеніе азартной игры, какъ то: 1747 г. мар. 11., 1761 г. юн. 16., 1763 г. юл. 21, 1766 г. генв. 30., 1782 апр. 8., 1787 г. мая 28., 1801 г. юл. 11., 1919 г. юн. 19., 1832 г. марта 12., и Уставъ благоч. ст. 257, пункт. 1.—6.

Часть IV.

столько добра многие изъ нихъ проигрываютъ! — Не заслуживъ добраго имени, отчаявые игроки часто умираютъ въ нищетѣ и въ презрѣніи. И тѣ, кои причиною ихъ бѣдствій, не имѣютъ ни малѣйшаго къ нимъ ни состраданія, ни человеколюбія. Пронгравшіеся оканчиваютъ жизнь въ мученіяхъ совѣсти и голода, и губители ихъ не подаютъ имъ даже куска черствого хлѣба.

Ни въ Германіи, ни во Франціи, не играютъ съ такимъ пристрастіемъ въ карты: тамъ повсюду есть свои общества, гдѣ проводятъ время въ танцахъ и другихъ забавахъ; курятъ цыгары, сидя за пивомъ, и разсуждаютъ о предметахъ промышленности, торговлѣ, художествѣ, просвѣщеніи, однимъ словомъ: о всемъ томъ, что питаетъ сердце и просвѣщаетъ умъ. — Я всякій разъ приходилъ въ восторгъ отъ ихъ собраній, и завидовалъ имъ. —

II. ХОРОВОДЫ.

I. ВЕСЕННИЕ и II. ЛѢТНИЕ.

I. Весенние : значеніе хоровода, созываніе дѣвушекъ въ хороводъ, приглашеніе парней въ хороводъ, садить хрѣнь, страсть дѣвушекъ къ забавамъ, алая заря, вѣночки или женихъ ищущій невѣсту, выборъ невѣсты, при долинь соловей, пташка на кусту, казачекъ удалой, при дубровъ во краяхъ, со пути со города, шляпа мурманка, яртынь трава, лугъ лужечекъ, около городу ходила я, ясное золото, оленюшка, дубовая лава, пряха, утень; царевъ, сынъ королевъ; свѣтлый князь, храбрый князь, сиротинушка, сватовство, женихъ по сердцу, высматривающій невѣсту, Бориса женить, тоска дѣвушки, подушечка, тоска молодой женщины по своей родинѣ, красная дѣвица, дороговизна на дѣвицъ, игры, довольный мужъ своею женой, сходбище, посѣвъ льна, никольщина, бранье ягодъ, байданъ. II. Лѣтние : русая коса, невѣста, сравненіе новыхъ родственниковъ, замужъ; любить не люблю, отказать не хочу; подарокъ, покорнище дѣвицы, женихъ, коверъ, замужня жизнь, женна любовь, ревнивая жена, ревнивый мужъ, женинь разладъ, старый мужъ и молодой мужъ, вдова, гуляй—гуляй, разгульная жена, молодецкій сынъ, Донъ Ивановичъ, бурлаки, зайнька, гуси, синичка, воробушекъ, воробушки, воложанинь, ящеръ, селезень, пиво варить, макъ растить, просо съять, бранье льна, плетень, барское угощеніе; выюнъ и кругъ (олонецкіе хороводы).

II. ХОРОВОДЫ.

I. ВЕСЕННИЕ И II. ЛѢТНИЕ.

I. ВЕСЕННИЕ ХОРОВОДЫ.

Не возможно обозначить времени и мѣста происхо- Значе-
ніе хо-
роводы.
жденія хороводовъ, ибо они принадлежатъ глубокой древности, и составляли первоначально часть языческихъ религиозныхъ обрядовъ. Ассиріане и Вавилоняне, еще за 2000 л. до Р. Х., при приношеніи жертвъ Вавилу, совершали хороводныя пляски вокругъ его жертвенника. У Грековъ возвышались религиозные обряды торжественностию хороводныхъ танцевъ, называемыхъ каравино, и пѣніемъ у жертвенника гимновъ, одними непорочными дѣвушками. Онѣ одѣвались тогда въ бѣлыя платья, и украшали свои головы цвѣточными вѣнками.

Прекрасно изображенъ хороводъ Гомеромъ:

Юноши хорами въ пляскахъ кружатся; межъ нихъ раздаются
Лиръ и свирлей веселые звуки; почтенныя жены
Смотрятъ на нихъ и дивуются....

Въ кругъ ихъ отрокъ прекрасный по звонкорокочущей лирѣ
Сладко бряцалъ, припѣвая прекрасно подъ льняныя струны,
Голосомъ изъжнѣмъ, они жъ вокругъ него—пляшучи стройно,
Съ пѣніемъ и съ крикомъ и съ топотомъ ногъ хороводамъ
несутся.—

Юноши тутъ и цвѣтуція дѣвы, желанныя многимъ,
Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетая руками.—

Дѣвы въ одежды льняныя и легкія, отроки въ ризы
Свѣтло одѣты, и ихъ чистотой какъ елсежь сіяютъ. —
Тѣхъ вѣнки изъ цвѣтовъ прелестныя, всѣхъ украшаютъ ;
Сихъ золотыя кожы, на ремняхъ чрезъ плечо серебрястыхъ.
Пляшутъ они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной,
То разовьются и пляшутъ рядами, одинъ за другимъ. —
Кула селянъ окружаетъ плѣнительный хоръ, и сердечно
Имъ восхищается ; два среди круга ихъ головоходы,
Пѣніе въ ладъ начиная, чудесно вертятся въ срединѣ (*). —

Въ послѣдствіи времени хороводы образовали весе-
ліе, однихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, собираясь
на лугу въ праздничные дни, пѣли круговыя пѣсни
и танцовали, и страсть къ этой забавѣ, до того рас-
пространилась между европейскими Греками, что Ас-
пазія, женщина необыкновенной красоты, покрови-
тельница наукъ и изящнаго, заставляла однажды важ-
наго философа Сократа, принять участіе въ хоровод-
номъ веселіи. На олимпійскихъ играхъ отличныя пѣ-
вицы и танцовщицы, показывали свое искусство въ
хороводахъ. Правители республикъ, знаменитые и ве-
ликіе люди, присутствовали на этихъ забавахъ, вмѣс-
тѣ съ народомъ. Всеобщее одобреніе и вѣнокъ, слу-
жили наградою отличившимся.

Въ древнемъ Римѣ хороводы составляли священные
обряды: тамъ дѣвушки пѣли благодарственные гимны,
предъ изображеніями боговъ; но когда повсемѣстныя
увеселенія, перешли за кругъ освященныхъ обрядовъ,
тогда хороводы превратились въ народныя забавы.

На одинъ народъ въ Европѣ, кромѣ Славянъ, не

(*) Гимны: Иліада Гомера, пѣснь XVIII, стих. 496 — 498,
569, 572, 593, 600, и 601, 605. Изд. 1839 г.

усвоилъ ихъ съ своею жизнью, и никто не сохранилъ ихъ для своей забавы, съ такими многообразными измѣненіями, какъ русскіе Славяне. Германцы, отъ природы мрачные, задумчивые и чуждые веселыхъ забавъ, не знаютъ хороводовъ. Ихъ народныя танцы и круговыя пѣсни, не могутъ сравниться съ русской пляскою и восхитительными напѣвами нашихъ, народныхъ пѣсней. Хороводы наши, душа увеселеній дѣвушекъ, слились съ русской жизнью. Нѣтъ деревни, гдѣ бы не совершались они. Дѣвица, которая не принимаетъ участія въ веселости своихъ подругъ, дѣлается предметомъ замѣчаній: вѣрно болитъ у ней сердце? вѣрно нѣтъ здѣсь ея дружка? и для кого ей выказывать себя? Всѣ дѣвушки непремѣнно стараются показать здѣсь свою игривость и непринужденную ловкость; поютъ, рѣзвятся, шутятъ, бѣгаютъ, вертятся попарно и вѣнцемъ, кружатся и раскланиваются. Но хороводныя игры, не вездѣ отправляются единообразно; смотря по мѣстности и пѣсни, онѣ измѣняются или въ дѣйствіи или въ самомъ нѣни. (*)

Духъ хороводныхъ пѣсней есть семейная жизнь. Въ нихъ живо передано веселье и думы нашихъ предковъ; въ нѣкоторыхъ попадаются колкія замѣчанія о семейномъ бытѣ и его порокахъ. — Время сочиненія хороводныхъ пѣсней и имя сочинителей, неизвѣстны. Судя по слогу, онѣ относятся къ разнымъ вѣкамъ, за исключеніемъ не многихъ, а именно: синичка, макъ, ростить, преео сѣять, которыя должны быть XVI в., всѣ прочія XVII и XVIII в. но и эти искажены мѣстностію до того, что нельзя опредѣлить настоящей ихъ

(*) Въ Малороссіи хороводы извѣстны подъ именемъ веснянокъ, въ коихъ однако заключаются весеннія пѣсни.

эпохи. Что же относится до сочинителей, то они были изъ простодушиновъ, потому что никто другой не могъ выразить, съ такимъ простодушіемъ и такимъ знаніемъ сельскаго житія, какъ тотъ, кто родился, выросъ и наслаждался въ простотѣ природы, неподдѣльными забавами; сочувствовалъ имъ и передавалъ въ тоническомъ распѣвѣ, не гоняясь за вычурными выраженіями.

При наступленіи игръ и забавъ, всякій свѣшится на улицу; старики садятся предъ окнами своего дома, а молодые разсыпаются по улицѣ, или становятся въ кружокъ. Мушны составляютъ свои отдѣльные круги, а женщины свои, но каждый, подходящій къ собесѣдникамъ, снимаетъ шапку и привѣтствуетъ: *миръ вашему сидѣнью*. — Ему отвѣчаютъ, снявъ шапки: *поди къ нашему смиренью*; онъ садится съ краю завалины. — Бесѣда идетъ, — о чемъ? Домоводство, пашня, посѣвъ, скотоводство, распоряженія опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, распоряженія начальства, ряды старосты, судъ головы и, гдѣ люди безъ страстей? — пересуды сосѣдовъ или сосѣдокъ перебираются ихъ въ разговорахъ. Въ то же время собесѣдники, не забываютъ любоваться разнообразно живою окрестностью: за рѣчку пасутся на зеленѣющемъ лугу кони, свободные на нынѣшній день отъ плуга; за рошею чуть видна колокольня ближайшаго села; за пригоркомъ извивается черная полоса дороги, по которой ѣздятъ въ поле. Здѣсь, ближе въ рѣчкѣ, плаваютъ утки и гуси, съ своими малютками. Но живѣе рисуется деревенская улица, протянувшаяся по возвышенному берегу рѣчки. Здѣсь дѣвушки свуются въ разноцвѣтныхъ уборахъ; бѣгаютъ одна за другой; смѣются и любятъ своими нарядами. Хорошъ на ней московскій сарафанъ, но эта прекраснѣе въ русскомъ: стянутая подъ взволнованными грудями, шелковымъ поясомъ, какъ она стройна и гибка! На пѣ-

которыя набросанъ на головѣ шелковый платокъ, на другихъ золотая лента, съ широкой поднизью. Рѣзвыя и легкокрылыя, онѣ идутъ съ конца улицы къ тому мѣсту, гдѣ всегда собираются играть хороводъ; онѣ идутъ и поютъ:

Выходили красны дѣвушки
Изъ воротъ, гулять на улицу.
Выносили соловеюшку на ручинкѣ,
Посадили соловеюшку на травиньку,
На муравыньку, на цвѣты лазоревы.
Соловеюшка разсвищется,
Красны дѣвушки распляшутся,
А молодушки расплачутся:
Поиграйте, красны дѣвушки,
Поколь волюшка жить у батюшки,
Поколь мѣгушка у матушки.
Неровень женихъ присватается,
Неровень, какъ чѣртъ навяжется:
Либо старый и удушливый,
Либо малый и недужливый,
Либо ровня, горькій пьяница.
Ужъ я стараго утѣшила,
На осинушку повѣсила;
Ужъ я малаго утѣшила,
Возмахнула, въ воду бросила.
Ужъ со ровнюшкой гулять пошла.

Но не думайте, чтобы душа русской дѣвицы, омрачалась чувствомъ скорбнымъ при этой пѣснѣ; чтобы она вѣрила жалобамъ молодыхъ женщинъ, которыя вмѣшиваются въ ихъ хороводъ и поютъ эту пѣснь. Дѣвицы самы поютъ ее, и тутъ же смѣются; смотрятъ на парней, которые вьются около веселой ихъ толпы, вертятся и кружатся свободно; потомъ, побравшись онѣ за

руки, составляютъ кругъ, движущійся въ обѣ стороны,
и поютъ:

Какъ у насъ во торгу кличь кликали,
А что дорого? а что дешево?
Дорожили красныхъ двушекъ:
Первая во сто рублей,
Другая во тысячу,
А третьей цѣны нѣтъ!
Дешевы во торгу добры молодцы:
По семи молодцовъ за овсяный блинъ,
Восьмой на придачу,
Девятый въ провозаты,
Десятый съ конемъ и съ сѣдомъ
И съ золотой уздой. —

Въ большихъ селахъ собираются хороводы не въ одномъ мѣстѣ, а на обѣихъ концахъ главной улицы. Тогда взоры зрителей развлекаются по обѣимъ сторонамъ. Одинъ хороводъ съ одного конца а другой съ другого, идетъ напротивъ и поетъ:

Возгъ тыну хожу,
Я каперъ траву сажу.
Не быть капру,
Съ тыномъ ровну;
Не быть свекору,
Противъ батюшки;
А свекрови,
Противъ матушки.

Сошедшихъ оба хоровода, поютъ вмѣстѣ:

Подойду, подойду,
Ночь Царь—городець;

Вышибу, вышибу,
Копьешъ ствну....

За этимъ мѣняются игры и пѣсни. Порядокъ ихъ зависитъ отъ произвола и выбора хоровода. Почти каждая пѣснь сопровождается мимикою: тихою и плавною. Хороводъ то строится въ ряды, то свивается въ кружокъ, — по содержанію пѣсни. Вотъ идутъ въ одинъ рядъ игривыя дѣвушки и поютъ; потомъ расходятся и вновь собираются, задумывая играть хороводъ. —

Собравшіяся дѣвушки на зеленой полянѣ или на ули- Созвва-
ніе дѣ-
вушекъ
въ хоро-
водъ.
цѣ, берутся за руки, дѣлаютъ кругъ и начинаютъ со-
зывать подружекъ въ хороводъ. Во время пѣнія онѣ
ходятъ кружкомъ :

Травонька, муравонька зацвѣла,
Я вечеръ та молодая, въ хороводъ не была.
Красна дѣвушка прешаталася,
Съ милымъ дружкомъ каталася.
Мой милой дружекъ, не женатой, холостой,
Онъ приглядчивъ и хорошъ,
На меня молодецъ похожъ. —
Собиралися дѣвушки все въ кружокъ,
Расходилися во лѣсокъ,
Садилися на лужокъ :
Гдѣ муравонька и цвѣтокъ. —
Сорывали съ цвѣтовъ цвѣточки,
Надввали на головы вѣночки.
Пошли въ хороводъ, пошли въ хороводъ!
Въ хороводъ веселились,
По забавушкамъ пустились.
Пѣсни славно зацѣвали,
Подружечекъ собирали :
Собирайтесь во единой кружокъ!

Запоемъ—те пѣсню нову,
Про радость нашу къ хороводу.

Созываніе дѣвушекъ въ хороводъ, само собой выражаетъ свое значеніе: желаніе дѣвушекъ порѣзвиться.

Пригла-
шеніе
парней
въ хоро-
водъ.

Однѣмъ дѣвушкамъ скучно играть: онѣ посматриваютъ на парней и горятъ нетерпѣніемъ, чтобы они поскорѣй пристали къ нимъ; даютъ имъ знать о своемъ желаніи, глазами и движеніями; послѣ запѣвають призывную пѣсню, въ которой соблюдаютъ прежній порядокъ хоровода.

Собиралися ясны соколы, въ дубровушку ;
Слеталися бѣлыя лебедушки, въ зеленую.
Со куста на кустъ перелетывали.
Диди, лади, диди, ладушки!
Собиралися всѣ на единой на точекъ.
Между собой таковалися,
Всѣ по парѣ разбиралися.
Диди, лади, диди, ладушки!
Онѣ думали, гадали :
Какъ гнѣздушки завивать будемъ?
Какъ теплыя сооружать будемъ?
Диди, лади, диди, ладушки!
Какъ намъ, дѣвушки, хороводъ собирать?
Какъ намъ, краснымъ, новы пѣсни запѣвать?
Одна дѣвица все придумала, удумада.
Диди, лади, диди, ладушки!
Вы подруженьки любимыя!
Вы красавицы, забавицы,
Сходитесь на лужокъ,
Да и станемъ всѣ въ кружокъ.
Вы сѣбнитесь всѣ за ручки,
И пріймите молодчиковъ съ собой.
Диди, лади, диди, ладушки!
Выходите веселыя, расселитися,

Ръзвыя пары, сохи собирать;
 Пары, пары, пашиньку пахать. —
 Былъ ленокъ, время сѣять;
 Нельзя время упустить. —

Приглашеніе парней въ хороводъ, показываетъ, что забава дѣвушекъ, безъ участія въ ней мушницъ, скучна, утомительна и единообразна. Только тогда и весело красавицамъ, когда рѣзвятся съ ними беззаботные и игривые молодцы. Тогда и радость, когда веселится безпечность.

Составивъ большой кругъ, берутся дѣвушки за руки. Между тѣмъ одна дѣвушка становится въ кругу а другая, насупротивъ ея, за кругомъ: обѣ онѣ, взявшись за руки, поднимаютъ и опускаютъ ихъ на голову каждой изъ дѣвушекъ, обходя вокругъ всѣхъ до трехъ разъ. — Это значитъ садить хрѣнь. Въ то время поютъ хороводныя:

Садить
хрѣнь.

Ужъ ты хрѣнь, ты мой хрѣнь,
 Садовый ты мой хрѣнь!
 Кто тебя сажалъ?
 Кто тебя поливалъ?
 Поливала Селифанова жена,
 При дороженькѣ жила,
 Со удалымъ молодцемъ.
 Я ему сушила, я ему дарила,
 Два коня вороныхъ,
 Двѣ плети шелковыхъ.
 Гдѣ калина, гдѣ малина,
 Тутъ и дѣвушки сидятъ,
 Про межъ себя говорятъ,
 Въ хороводъ итти хотятъ.

Обойдя три раза кругъ, при непрерывномъ пѣніи, сажившія хрѣнь входятъ въ хороводъ и начинаютъ всѣ

кружиться. Если хотять продлить игру, то выходятъ другія дѣвушки садить хрѣнь.

Наши сельскія дѣвушки потѣшаютъ себя, между работою, пѣсенками, которыми смягчаютъ самыя тяжелыя труды. Имъ бы хотѣлось покинуть работушку и заняться лучше хороводомъ, потому сговариваются между собою: какъ бы намъ дѣвушки, зачать хороводъ!— Забавы и игры, удѣлъ молодости, высказывается въ этой игрѣ.

Страсть
дѣвушечекъ къ
забавамъ.

Составивъ хороводный кругъ, дѣвушки и мушны поютъ всѣ вмѣстѣ:

Ты зоря ли, моя зоринька,
Зоря вечерняя, игра наша веселая!
Вы играйте красны дѣвушки,
Покудова вы у батюшки,
У родимыя у матушки.
Отдадутъ насъ во чужи люди,
Во незнамыя, не знакомыя.
Намъ не будетъ такой волюшки!
Бѣлы руки грязью замараются,
Лице отъ солнца закраснѣется. —
Свекоръ батюшка, у воротъ стоять;
Онъ меня, младу, домой зоветъ.
Я неиду домой, не слушаю!
Не доиграны наши игры,
Не допѣты наши пѣсенки,
Не добаины басеньки.

Послѣ этого становится въ средину царень. Онъ, представляя свекра, выполняетъ угрозы и старается разогнать дѣвушекъ домой. При послѣднемъ стихѣ: красныхъ дѣвокъ высылать, — онъ беретъ дѣвушку насильно, выталкиваетъ ее изъ круга и гонитъ домой, покрикивая: вотъ я тѣ, разгулялась! домой! — Дѣвуш-

ки начинают снова пѣть, и продолжают пѣть до-
лѣ, пока парень не прогонитъ всѣхъ изъ круга и не
разгонитъ.

Ужъ вы дѣвушки, красавицы!
Не пора ли вамъ игры оставлять?
Не полно ли вамъ пѣсни распѣвать?
Мы оставимъ всѣ гулянья, —
Насъ домой всѣхъ кричать!
Родной батюшка зоветъ,
Родна матушка грозитъ.
Намъ не хочется идти
Намъ охотно погулять,
Въ хороводъ поиграть. —
Разудалой молодець,
Своимъ дѣвушкамъ отецъ:
Онъ и бѣлой, кудреватъ,
Красныхъ дѣвокъ высылать.

Эта игра выражаетъ явно, что дѣвушки веселились
бы вѣчно, если бы не останавливали ихъ. Дѣвицы ду-
маютъ, что онѣ родились для однихъ веселостей, за-
бывая, что всему есть время: время забавамъ и время
благоразумію. Мечтательность и вѣтренность, неразлуч-
ные спутники красавицъ.

Въ срединѣ круга сидитъ горящая дѣвушка: она Алая за-
ра.
тужитъ, что ее не пускаютъ веселиться.

Разсвѣтала алая заря,
Разсвѣтала алая заря;
Растужилась, расплакалась,
Красна дѣвушка душа,
У батюшки во терему сидитъ.
Просилась красна дѣвица,
У родимой матушки,

Къ подружечкамъ съ рукодѣльешъ поспидать. —
Ее мати не пускала, рукодѣля не давала.

Она бѣгаетъ въ отчаяніи по кругу.

Красавица съ горечи бѣжала,
Во темныя во лѣса: не увижу ли дружка?
Вы лѣса мои, лѣсочки,
Приклонитесь къ землѣ,
И развѣйтеся все зеленые листы. —
Вы прикройте меня отъ жару,
Сберегите мнѣ лицо. —
Лице было потускнѣло,
На жару оно сгорѣло. —

Подъ березою сидѣла, сама себя говорила:

Участь моя горькая,
Зла несчастная судьба!

Дѣвушка плачетъ отъ горя, — а горе дѣвушки, когда не дають ей воли: тогда всякая изъ нихъ кланетъ свою судьбу.

Привела меня судьба,
Плакать вѣчно навсегда. —
Много слезъ дѣвушка проливала.
Все листочки потопляла.

Является въ кругу парень, представляя себя стрѣляющимъ изъ ружья; потомъ онъ зоветъ свою суженую. Дѣвушка является на его голось и обнимаетъ молодца. —

Добрый молодецъ дознался
И во лѣсочникъ отиравался.
Во ружейке стрѣлялъ,
Громкииъ голосомъ причалялъ:

Ау! милая моя!
Выходи-на ты сюда.

Всѣ дѣвушки считаютъ себя несчастными, когда не даютъ имъ воли; въ то время онѣ готовы бросить отеческій свой домъ, и всякой ихъ ласкатель, — уже ихъ суженый; о будущемъ не разсуждаютъ.

Одна изъ дѣвушекъ, ходящая въ хороводномъ кругѣ, представляетъ жениха, ипущаго невѣсту. — Когда поютъ хороводныя: имя невѣсты, теста, тещи, шурина, свояченицы; тогда мнимый женихъ выводитъ всякій разъ изъ круга, любимую имъ дѣвушку, и ставитъ ее подлѣ себя. —

Вѣнчаны, или женихъ ипущий невѣсту.

А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, вокругъ городочку,
Хожу ль я, найду ли я,
Ласкову себѣ невѣсту.
Ты будешь мнѣ, красна дѣвушка, невѣстой.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, вокругъ городочку,
Ищу ль я, найду ли я,
Ласковаго себѣ тестика.
Ты будешь мнѣ, ласковой тестикъ.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку,
Ищу ль я, найду ли я,
Ласкову себѣ тещу. —
Ты будешь мнѣ, ласкова теща.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку,
Ищу ль я, найду ли я,
Ласковаго себѣ шурина.
Ты будешь мнѣ, ласковый шуринокъ.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку,

Ищу ль я, найду ли я,
Ласкову себя своячину. —
Ты будешь мнѣ ласкова своячина.

Набравши упоминаемыхъ въ пѣснѣ особь, хороводныя начинаютъ пѣть о приготовленіи къ сватбѣ, а женихъ обращается съ поклономъ къ тестю, тещѣ, свояку и своячинѣ. — Онъ кланяется, когда поютъ ихъ имена. Когда же станутъ посылать ихъ къ чорту, тогда женихъ прогоняетъ въ шею своихъ родственниковъ, и оставляетъ при себѣ одну свою жену.

А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку —
Ласковой тестюшка вари-ка пива.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку —
Ласкова теща, пеки пироги.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку —
Ласковой своякъ, оседлай коня.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку—
Ласкова своячина, шей-ка ширинку.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку.—
Выпивши пива, пошелъ къ черту.

Тестъ выталкиваетъ свояка изъ круга, и всякій разъ выталкиваетъ тѣхъ, про кого скажутъ къ чорту.

Съѣвши пироги, пошла къ черту теща.
Изъѣздивши коня, пошла къ черту шуринъ.
Износивши ширинку, пошла къ черту своячина.
А мы съ тобой невеста, пойдешь плясати.

Жена увидѣвъ, что мужъ прегналъ всю ея родню, сердится на него и бросаетъ его самого: — Мужъ упрасиваетъ ее, кланяется, пѣлуется и все напрасно. Жена оставляетъ домъ мужа, и уходитъ къ своимъ роднымъ.

Вѣночки изображаютъ мужа, женившася по расчетамъ: онъ ссорится съ свой роднею, гонить ее изъ своего дома и наконецъ доводитъ до крайности свою жену молодую, еще въ медовыхъ мѣсяцахъ, — которая сама оставляетъ его. — Сколько таковыхъ примѣровъ на свѣтѣ!

Составляется два ряда играющихъ: въ одномъ находятся невѣсты, называемыя царевы, а въ другомъ женихи, называемые бояре. Обѣ половины, побравшись за руки, отходятъ на известное разстояніе, и когда поютъ женихи: вы царевы, и т. д., тогда начинаютъ сходитья оба ряда, другъ противъ друга. — Когда поютъ невѣсты: вы бояре и т. д., тогда начинаютъ отступать обѣ половины. Такимъ образомъ продолжаютъ приступать и отступать, пока не скажутъ: вотъ вамъ невѣсты! Обѣ половины поютъ по переменно. — При требованіи невѣстъ: покажите халатъ, сапоги и шляпу, — женихи имъ показываютъ. Разыгрывая выборъ невѣсть, наряжаются всѣ какъ можно шеголеватѣе, особенно женихи: у нихъ и рубашка красная, и сапоги вымазанныя, и шляпа поярковая съ троусовымъ перомъ; у нихъ и глаза говорятъ: молодецъ я! Ретивое бьется и кажется, кричить подпрыгивая: жениться хочу!

Выборъ невѣсть.

Вы царевы пропустите въ города,
Пропустите въ города!

Вы бояре, вамъ за чемъ въ города?
Вамъ за чемъ въ города?

Вы царевы, намъ невѣсть выбирать,
Намъ невѣсть выбирать.

Вы бояре у насъ невѣсты не вырощены,

И цвѣтно платье не сряжено.

**Вы царевы, намъ цвѣтно платье
Не нужно, да не нужно.**

**Вы бояре покажите жениховъ,
Покажите жениховъ.**

**Вы царевы, вотъ вамъ женихи,
Вотъ вамъ женихи.**

**Вы бояре покажите :
Есть ли у нихъ халаты,
Есть ли у нихъ халаты?**

**Вы царевы, вотъ вамъ халаты,
Вотъ вамъ халаты.**

**Вы бояре, покажите сапоги,
Покажите сапоги.**

**Вы царевы, вотъ вамъ сапоги.
Вотъ вамъ сапоги.**

**Вы бояре, покажите шляпы,
Покажите шляпы**

**Вы царевы, вотъ вамъ шляпы,
Вотъ вамъ шляпы.**

**Вы бояре, вотъ вамъ невѣсты,
Вотъ вамъ невѣсты.**

Указавъ на невѣсть, т. е. на всѣхъ дѣвушекъ, предоставляется парнямъ выборъ любой, и не рѣдко отъ шутокъ доходить до дѣла. — Кому изъ дѣвушекъ непріятно скорѣе за мужъ? — Но то бѣда, что женихи разборчивы. — Не смотря на странную привычку жениховъ, а всего болѣе на ихъ вкусъ причудливый: кому нравится чернобровая а кому голубоокая, кому тонкая а кому толстенъкая, дородная, румянная, пылкая, кипящая вулканомъ страстей, а кому чтобы и нѣжная и мягкая, — причудливый вкусъ мушинъ! — а какой вкусъ дѣвушекъ? — мы не знаемъ, только знаемъ одно, что онѣ черезъ чуръ взыскательныя, разборчивыя и часто рады, когда отыщутъ имъ жениха: хоть ку-

лыкъ, да лишь бы не вросидѣть въ дѣвушкахъ. Случается на грѣхъ, что жениху нерѣдко понравится сатана, лучше яснаго сокола. — Кто жъ послѣ этого не разборчивъ? — Дѣвушки? — нѣтъ! — Мушинуы? — нѣтъ! Неразборчивъ тотъ, кто перезрѣлъ, и въ доказательство этого сами дѣвушки говорятъ: вотъ вамъ невѣсты, выбирайте, кто вамъ понравится — это значить, что онѣ давно были узаконенныя невѣсты, а теперь перезрѣлыя, потому выбирайте: вотъ вамъ невѣсты!

Въ кругу стоятъ парень и дѣвушка: оба они горюютъ; парень посматриваетъ на свою дѣвушку, она отворачивается отъ него.

При долинушкѣ калинушка стояла,
 На калинушкѣ соловей пташка сидѣлъ,
 Тоньку ягоду клевалъ,
 Спылу, зрылу, переспылу.
 Я устала красна дѣвушка,
 Соловьевъ пташекъ шугать, —
 Надокучило мнѣ по саду гулять.
 Прилетали къ соловью два сокола сизы,
 Взяли, брали соловья изъ сада.
 Посадили соловья въ высокомъ терему,
 Заставляли соловья пѣсенку запѣть.
 Ужъ ты пой соловей, голосистой распѣвай!
 Приутышь сокола, при кручинѣ при тайой;
 Ввесели при печалѣ, красну дѣвушку душу.
 Что ты молодецъ не женать? —
 Мнѣ жениться давно хочется.
 Хуже себя взять не хочется,
 Черезъ дворъ живетъ молода вдова,
 У ней есть дочка молода,
 Молода, хороша, Машинька душа.
 Какъ и по мосту, мосточку,
 Ой калина, ой малина!
 По калиновому частому,
 Слезень переходить,

При долинушкѣ соловей.

Съру утку переводить.
 Ой калина, ой малина! —
 Калинь мостикъ обломился,
 Съра утка потонула.

Дѣвушка скрывается изъ круга, парень плачетъ по ней.

Ой калина, ой малина!
 Тужеть, плачегъ селезень:
 Какъ бы мнѣ ее не жаль,
 И не сталь бы я тужить.
 Ой калина, ой малина! —
 Калинь мостикъ возмостился.

Дѣвушка является въ кругу, парень тутъ радуется и они оба обнимаются и цѣлуются. Дѣвушки, называемыя въ предпоследнемъ стихѣ утками, — удивляются перемѣнѣ своей подругѣ, которая первоначально не любила его и не хотѣла итти за него за мужъ. — Безчисленное множество примѣровъ, что дѣвушки сначала не любятъ, а потомъ полюбятъ; сначала клянутся, что готовы лучше лишиться себя жизни, нежели итти за мужъ за немилаго, не по сердцу, а потомъ сами влюбляются въ немилаго. По этому выходитъ: что мушина, будь не много получше бѣса, полюбится красавицѣ, слѣдовательно: должно ли вѣрить женскимъ клятвамъ, и ихъ отчаянію? — по большей части все притворное.

Съра утка восплыла.
 Ой калина, ой малина!
 Селезень возрадовался:
 Они стали цѣловаться,

Претія ути дивоваться
Ой калина, ой малица!

Смысль этого хоровода выраженъ уже выше : т : е : что многія дѣвушки , обнаруживая притворную ненависть , облакаютъ ее въ любовь . —

Дѣвушка ходитъ въ кругу ; она прикрывается платкомъ , стыдяся смотрѣть на своихъ подруговъ .

Пташка
на кусту.

Сидитъ пташка во саду, (*)
На яблонкѣ во кусту :
Хорошо пташка поеть , —
Она весело живетъ . —
Охъ ты пой , распѣвай ,
Тоску , скуку забывай .
Если пѣсенюкъ не пѣть ,
Хлѣба соли не имѣть ,
Во снаряды не ходить ,
Про любовь не говорить .
Ты полянка , поляночка моя ,
Да и гдѣ ты , поляночка , погуливала ?
Да и гдѣ ты , поляночка , разгуливала ?
Не слыхать про тебя . —
Ровно не было тебя !
Какъ на белой зарѣ ,
Проявилася красна дѣвка на дворѣ ;
Какъ на белой зарѣ , проявилася . —
Вотъ всѣ дѣвушки говорятъ ,
На красну дѣвицу глядятъ .

(*) Пташка на кусту и при дубровѣ во краяхъ , помѣщенные здѣсь въ числа хороводовъ , собственно суть плясовыя ; но какъ ихъ разыгрываютъ вмѣсто хороводовъ (въ волгскомъ уѣздѣ саратовской губ.) , то потому онѣ внесены сюда .

Не дивитесь, не глядитесь, подруженьки мои!
 Не дождавши дружка,
 Я сама съ милымъ пришла.

Она выводитъ изъ круга парня, который, обнявъ ее,
 ходитъ съ нею. —

Лучше сперва запоемъ—те казачка,
 Про того ли казачка, про забавничка.
 Ты казакъ, казачекъ,

Дѣвушки скачутъ и пляшутъ.

Казакъ, мысленкой дружекъ!
 Тебѣ скачемъ, тебѣ пляшемъ,
 Тебѣ пѣсенки поемъ,
 Тебѣ честь отъ (°) воздаемъ. —
 Поздно на дворъ, намъ пора со двора,
 Ты прости казачекъ.

Казакъ, котораго разыгрывалъ парень, уходитъ изъ
 круга; дѣвушка прощается съ нимъ и клянется лю-
 бить его во вѣкъ.

Прости, сердце мое!
 Я любить тебя буду,
 И во вѣкъ не забуду.

Ежедневные и ежечасные примѣры, свидѣтельствуютъ,
 что дѣвушки клянутся любить вѣчно, по гробъ.
 И если бы кто осмѣлился разлучить нѣжныхъ лю-
 бовниковъ, на этомъ свѣтѣ; то они соединятся на
 томъ свѣтѣ, ужъ на вѣки. Тамъ, говорятъ они,

(°) Отъ, сокращенное вотъ.

сердца вѣжныя будутъ дышать невинностію, и чуждыя пылкой страсти, коварной измѣны, будутъ жить безъ слезъ, обнимаясь и цѣлуясь, вѣчно, вѣчно. И только тамъ будутъ ворковать свободно: я твоя! я твой! и всякій разъ признаніе будетъ запечатлѣваться поцѣлуемъ чистѣйшей любви, — а та, какая была на этомъ свѣтѣ, — про то знаютъ одни любовники страстные. —

Казачекъ расхаживаетъ въ кругу, и поигрываетъ въ ^{каза-} гудочекъ. Дѣвушки, кружась вокругъ его всѣмъ хоро- ^{чекъ у-} домъ, припѣваютъ подъ гудокъ, иногда и пляшутъ. ^{далой.}

Изъ за гвсу, перелгсу, шелковая трава!
 Ходилъ, гулялъ, донской казакъ,
 Ой люшеньки, ой люли!
 Онъ гулялъ, во гудочекъ игралъ,
 Онъ невесту выбиралъ.
 Ой люшеньки, ой люли!

Тутъ останавливается хороводъ, выходитъ изъ круга дѣвушка и останавливается предъ казакомъ, который играетъ подъ голосъ пѣсни:

Выходила дѣвушка, тонка и долга
 Ой люшеньки, ой люли!
 Бѣлоличка, круглоличка, хороша!
 Хорошая, пригожая,
 Поди за мужъ за меня.
 Ой, люшеньки, ой люли!
 А не пойдешь за меня,
 Спокаешься навсегда.
 Ой люшеньки, ой люли!
 Воспомянешъ ты меня,
 Удалого молодца.
 Ой люшеньки, ой люли!

Здѣсь переставтъ играть казакъ, только поютъ однѣ дѣвушки:

Пойтить было къ сосѣду,
Спросить про его.
Ой люшеньки, ой люди!
Сударушки, сосѣдушки! каковъ человекъ?
Онъ пьяница, пропивается,
Ой люшеньки, ой люди!
Пропьеть весь домикъ,
За единой стаканчикъ. —

Дѣвушка оставляетъ его съ презрѣніемъ, а казакъ удалой свиститъ себѣ.

Таковы удалые женихи! Удастся, хорошо; не удастся, свиститъ себѣ. Бранить невѣсту, поносить ея достоинства и весь родъ ея, — и въ добавокъ говорить: я самъ отказался. — И если бы я хотѣлъ, какъ бы не отдали за меня, удалого молодца!

При дубровѣ во краяхъ.

Тутъ дѣвушки кружатся въ продолженіи почти всей игры. Стоящая въ кругу дѣвушка, ходитъ весело и любитъ собой. Для этого выбирается бѣлолицая, круглолицая, не большая ростомъ и всѣхъ наряднѣе.

При дубровѣ во краяхъ,
При зеленыхъ лугахъ,
Тутъ цвѣточки разцвѣтали.
Промежъ самыхъ цвѣтовъ.
Красны дѣвушки гуляли;
Красныя цвѣточки, алые,
Красныя дѣвушки, румяныя.
Хорошія, пригожія,
Заразили молодець,
Въ хороводъ, при народѣ.
А мы пѣсню заносемъ,

Про чужую сторону.
 Какъ чужая сторона,
 Разлучила молодца;
 Разлучила молодца,
 Отъ матери, отъ отца.
 Мнѣ не нуженъ отецъ, мать,
 Жаль сударку покидать.
 Возьму Любушку съ собою.
 Не оставлю безъ себя.
 Я знаю, разумью,
 Какъ въ разлукѣ трудно жить:
 Мнѣ въ разлукѣ съ нею не жить,
 Лучше жизнь свою лишить.
 При долинь, при равнинѣ,
 Раззеленой кустъ стоять.
 Какъ на кустикъ зеленомъ
 Соловейюшка сидѣть,
 Звонко, громко онъ поетъ,
 Въ теремъ голосъ подастъ.
 Какъ во этомъ терему,
 Вся забавы и прохлады,
 Развеселая сама жизнь.
 Тамъ цвѣточки разцвѣтали,
 Красны дѣвушки гуляли:
 Что лучше всѣхъ, то сударушка моя!
 Она сама собой не величка,
 Бѣлымъ лицомъ круглоличка.
 Она ходитъ всѣхъ наряднѣе,
 Нельзя Любушку не признать.

Молодецъ выходитъ изъ круга, подходитъ къ ходящей въ кругу дѣвушкѣ, снимаетъ шапку и кланяется ей; потомъ беретъ ее за руку и цѣлуетъ при народѣ.

Признавалъ, узнавалъ,
 Одинъ молодецъ удалъ.

Онъ за рученьку бралъ
Прочь отъ дѣвушекъ отъзывалъ,
Онъ полюю одѣвалъ, при народѣ цѣловалъ (*).

Вездѣ гордятся дѣвушки своей красотой, и вездѣ онъ умѣютъ побѣждать.

Со пути со горо-
да. Въ кругу хоровода ходитъ парень, отеческій сынъ.
Дѣвушки поютъ:

Откуда, откуда молодецъ?
Откуда отецкой сынъ?
Вы люди добрые! я со пути, со города,
Со пути со дороженьки,
Со дальней сторонущки.—
Покажи-ка молодецъ,
Свою шляпу черную

Онъ снимаетъ съ себя шляпу, поднимаетъ ее высоко, и говоритъ: вотъ! у меня шляпа пуховая. — Дѣвушки продолжаютъ пѣть:

Вотъ вамъ люди лобрые,
Шляпа черная, шелковая.
Откуда, откуда молодецъ?
Откуда отецкой сынъ?
Вы люди добрые! я со пути, со города,

(*) Когда парню по сердцу дѣвушка, тогда онъ обходится съ нею свободнѣе, чтобы вся видѣли, что онъ любитъ ее; ходитъ съ нею вмѣстѣ, дозволяетъ себѣ вольность: обнимать и цѣловать, забывая, что посторонніе это видятъ. Но любовь вездѣ слая; часто парень, прижимая свою милую, прикрываетъ ее полой своей одежды, чтобы защитить стыдливость отъ укориженныхъ взглядовъ, потому сказано здѣсь: онъ полюю одѣвалъ при народѣ цѣловалъ.

Со пути со дороженьки,
 Со дальней сторонушки.—
 Покажи-ка молодець,
 Свои кудри русые.

Онъ скидаетъ шляпу.—Вотъ кудри мои русые. На-
 дѣваетъ шляпу и ходить по кругу. Дѣвушки поютъ:

Вотъ вамъ, люди добрые,
 Мои кудри русые.
 Откуда, откуда, молодець?
 Откуда отцовкой сынъ?
 Вы люди добрые! я со пути, со города,
 Со пути со дороженьки,
 Со дальней сторонушки.—
 Покажи-ка молодець,
 Свои руки бѣлыя.

Онъ поднимаетъ руки вверхъ и говоритъ: вотъ вамъ,
 мои руки бѣлыя.—Дѣвушки продолжаютъ:

Вотъ вамъ, люди добрые,
 Мои руки бѣлыя!
 Откуда, откуда молодець?
 Откуда отцовкой сынъ?
 Вы люди добрые! я со пути, со города,
 Со пути со дороженьки,
 Со дальней сторонушки.—
 Покажи-ка молодець,
 Свою молодую хозяйшку.

Онъ подходитъ къ дѣвушкамъ, ницетъ ее между
 ними, и которая ему нравится, выводитъ на средину
 круга и говоритъ: вотъ вамъ! моя молодая хозяйшка.
 Тутъ обнимаетъ ее и цѣлуетъ. — Дѣвушки поютъ:

Нате вамъ, люди добрые,
 Молоду мою жену.
 Моя-то жена чернебровая,
 Черноглаза, разхорошая душа!

Шляпа
мурман-
ка Въ кругѣ разхаживаетъ пьяной пань, вдали его
 стоитъ панья. — При уроненіи имъ шляпы, онъ тре-
 буетъ, чтобы жена подняла и подала ему.

Бхалъ пань отъ князя пьянъ,
 Уронилъ шляпу мурманку (*).
 Гаркалъ пань на свою панью молодую:
 Подь сюды, панья моя молодая!
 Подыми, подыми, мою шляпу мурманку.

Панья отвѣчаетъ съ хороводными:

Я тебя, пань, не служанка;
 Я служанка родимому батюшкѣ,
 Родимой матушкѣ.

Тутъ поютъ однѣ хороводныя:

Бхалъ пань отъ князя пьянъ,
 Уронилъ шляпу мурманку.
 Гаркалъ пань на свою панью молодую:
 Подь сюды! подь сюды!
 Панья молодая!
 Подыми, подыми,
 Мою черну шляпу мурманку.

(* *Мурманки*, старинныя шапки, вышивною болѣе полъ-ар-
 шина; онѣ опушивались дорогимъ мѣхомъ, и ихъ носили Ве-
 ликіе Князья и бояре. Въ торжественныхъ выходахъ не снимали ихъ съ своихъ головъ.

Панѣ поднимаетъ и надѣваетъ ему на голову.

Я тебѣ панѣ, служанка,
Подыму тебѣ черну шляпу мурманку,
Надѣну шляпу на буйву головку. (*)

Мужья поступали прежде съ своими женами, какъ съ служанками. Потому этотъ хороводъ выражаетъ деспотическую власть мужей.

Дѣвушки и парни поютъ вмѣстѣ, побравшись за ^{Яртынь} ~~Яртынь~~ ^{траву.} ~~траву.~~ руки. Одна дѣвушка ходить печальная.

Кто у насъ, кто у насъ,
Яртынь траву притопталъ? —
Притоптали яртынь травку,
Заволжинскіе бояре :

Парень, представляющій бояровъ, ходитъ за дѣвушкой, — это значить, что онъ ловить ее:

Ловили они душу, красну дѣвушку:
Красна дѣвушка не давалась,

Она убѣгаетъ отъ него, прикрываясь платкомъ:

Во лѣсочекъ удалялась,
Тонкимъ листомъ укрывалась.

Однако бояринъ словилъ ее, и это значить, что онъ отыскалъ ее, — и повелъ къ жениху.

(*) По употребленію здѣсь словъ : панѣ, панья, гаркаль и мурманка, должно полагать, что этотъ хороводъ принадлежитъ къ стариннымъ.

Отыскали дѣвушку въ лапуху,
 Во горькой во травѣ,
 Близъ ключевой воды.
 Повезли дѣвицу,
 Во Царевъ городокъ: *)
 Чѣмъ ты насъ, Царь, пожаловашъ?—
 Жаловалъ намъ Царь,
 День за ночь, во сто рублей;
 За недѣлю годъ, во тысячу.

Это намекъ на тѣ прежніе обычаи, когда сваты шли сватать изъ деревни въ деревню, изъ города городъ. Ласками и хитростями, они успѣвали, а зюшка: хочъ не хочъ, должна была принять вънецъ церквѣ Божіей.

Собравшіяся дѣвушки на зеленой полянѣ, или на иномъ мѣстѣ, кружатся и поютъ. При этомъ онѣ тчуть ногами, представляя, что онѣ топчуть траву:

Лугъ ты мой, лугъ зеленой!
 Зеленъ лугъ, лужечекъ.—
 Кто тебя топталъ?
 Да кто толочилъ? —
 Топтала дѣвица,
 Другая вдовица,
 Третья молодица.
 У той молодицы,
 Мужа дома нѣтъ.
 Уѣхалъ мужъ во Москву,

*) Имя города Царева — привѣненіе къ мѣстности. — Эта нѣ взята изъ г. Царева, саратовской губ. Должно замѣть, что при этой пѣсни всякій разъ вставляется имя того гола, въ которомъ разыгрываютъ этотъ хороводъ.

Билльгъ змунить.
 Какъ прихаль муженая,
 Во одной во досекъ;
 Привезъ ояъ билльгъ,
 Сталь жену дарить.

Тутъ дѣвушка въ шляпѣ, представляющая мужа,
 идетъ къ ходищей въ кругу дѣвущкѣ, беретъ ее за
 руку, ставитъ ее посреди круга, и даетъ ей платокъ,
 вмѣстѣ билльгъ; она сердито отверачивается, бросаетъ
 на землю и не глядитъ на своего мужа. — Дѣвущки
 поютъ, вмѣстѣ съ мнимымъ мужемъ:

Ты прійми-ка жена, не ломайся!
 Ты прійми-ка душа, не гордися.
 Поглядите, люди добрые!
 Какъ жена меня не любитъ,
 На добраго молодца не глядитъ.
 Я повду молодець, во Китай городъ,
 Я куплю своей женѣ,
 Гостинчекъ дорогой.
 Такой гостинчекъ; — башмаки.
 Ты прійми жена, не ломайся!
 Ты прійми душа, не гордися.

Она бросаетъ башмаки на землю. Дѣвущки поютъ:

Поглядите-ка люди добрые!
 Какъ жена меня не любитъ,
 На добраго молодца не глядитъ,
 Я повду молодець, во Китай городъ,
 Я куплю своей женѣ гостинчекъ.
 Такой гостинчекъ дорогой,
 Щелковую пестку.
 Ты прійми жена, не ломайся!
 Ты прійми душа, не гордися.

Она тотъ часъ обращается къ нему, обнимаетъ его и цѣлуетъ. — Дѣвушкамъ извѣстно:

Поглядите-ка люди добрые!

Какъ жена мужа любить,

Изъ глазъ своихъ не спускаетъ:

Гдѣ не сойдется, все поклонится,

И другъ съ дружкой поцѣлуются.

При этомъ они цѣлуются, а кругъ расходится врозь!

Сдѣлавшись женой, надобно быть покорной, а не своеправной. Прадѣды наши управлялись, съ дражайшими своими половинками, очень скоро, — влѣткой. Конечно, этого средства нельзя допустить въ нашъ вѣкъ, но и въ наше время ни одному мужу приходитъ мысль, — разумѣется мысль варварская, несообразная при вѣжности нашего прекраснаго пола, — чтобы прибѣгнуть иногда къ смирительной пружинѣ: отъ того, что горькой опытностію дознано: пагубна воля жены.

Около
городу
ходила
я.

Около хороводнаго круга, представляющаго городъ, ходитъ молодая жена и побрякиваетъ перстнями. Когда пропоютъ: поклонись ты пониже, — молодецъ выходитъ изъ круга, кланяется ей, и потомъ прижимаетъ ее.

Около городу ходила я!

Во тѣмъ ли городу,

Золоты перстни мѣняю. —

Отвордѣ-на ворта, господинъ!

Подойди-ка господинъ, поближе,

Поклонись-ка ты пониже,

Прижми къ сердцу по плотнѣе.

Молодая жена, ступающая изъ дому по произволу, приноситъ съ собою подарочки, а слабый мужъ

принимаетъ ее. Онъ тотъ дотдывается, откуда при-
носить жена; однако онъ думаетъ обуздать ею не
перешибеть. — Философія добротердыхъ вогонос-
цевъ.

Молодка пляшетъ въ кругу, и ей нѣтъ надобности ^{Ясное}
ни до своего дома, ни до родныхъ. ^{золото.}

Ясное золото разгаралось,
Я млада разыгралась.
За мной молодежь,
Посоли за посоломъ:
Поди-ка молода,
По скорье со двора:
На теби съскорь раскручинался,
Со той со кручины, голова болитъ. —
Худо можется.

Много на свѣтѣ женщинъ, для которыхъ, хоть все
пропадай въ домъ, только бы имъ переселиться.

Побравшись за руки, дѣвушки ходятъ: ^{Оленья-}
то въ ту, то въ другую сторону; между тѣмъ одна изъ ^{шка.}
дѣвушекъ, ходитъ въ кругу съ дѣтьми, и представ-
ляетъ всѣ дѣйствія оленьи:

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Выходила оленьюшка
Съ малыми оленятками.
Вирила, охъ ли съ оленятками! (*)
Выходила она по зеленые луга.
Вирила, охъ ли по лужечки!
Щипала, срывала травоньку зеленую,
Вирила, охъ ли зеленую!

(*) Вирила, есть сокращеніе пастушечьяго крика: виръ, вири,
ла, ля!

- Вирица, охъ ли дѣтокъ своихъ мамонта,
 Вирица, охъ ли мамонта!
 Сопуцалась оленюшка со крутого бережка,
 Вирица, охъ ли бережка!

Дѣвушка останавливается съ оленятками у ключа,
 для напоенія ихъ.

Подходила со малыши оленятками ко ключику,
 Вирица, охъ ли къ студеному!
 Пошла оленюшка своихъ дѣтушекъ.
 Ключевой водой,
 Вирица, охъ ли ключевой водой!
 Выходила оленюшка, изъ подбережка крутого,
 Вирица, охъ ли крутого!
 Гдѣ не ваялся свирѣный левъ
 Вирица, охъ ли свирѣной звѣрь!

Выбѣгаетъ паренъ въ видѣ льва, и разтерзываетъ
 оленюму дѣти разбѣгаются съ визгомъ.

Цойналь, схватилъ оленюшку.
 Вирица, охъ ли оленюшку!
 Разтерзалъ оленюшку, безвинную,
 Вирица, охъ ли безвинную!
 Разбѣжались оленятушки, малыя дѣтушки,
 Вирица, охъ ли дѣтушки!
 По дикой степи уральской (*).
 Вирица, охъ ли по уральской!
 Во глухую полночь, во темную,
 Вирица, охъ ли во темную!

(*) Въ уральской степи не водятся львы, и эта пѣснь примѣ-
 нена уральскими жителями къ своей мѣстности.

Их прелесть и в несколько времени, сбегается дѣти къ своему пепелищу и тамъ рыдаютъ о своемъ несчастіи:

Пришли ослѣптушки ко телу гизадушку,
 Вирила, охъ ли гизадушку!
 Везонли ослѣптушки грошикъ галесомъ,
 Вирила, охъ ли галесомъ!

Беззащитное семейство, по смыслу этой пѣсни, избнеть, потому именно что беззащитно. Ослѣпшіем сироты рыдаютъ на своемъ пепелищѣ, и только одно имъ утѣшеніе, что не запрещаютъ имъ плакать по своему горю.

Въ среднѣ круга сидитъ печальная дѣвушка, представляющая женщину. Между тѣмъ дѣвушка и парни, побравшись за руки, поютъ:

Какъ на реченькѣ на рвчицѣ,
 Лежитъ лавонька дубовая,
 Дубовая доска, досченая.
 На той лавонькѣ, на дубовой,
 Сидитъ шведонька молодая,
 На ней шубенька голубая,
 Чернойсочка шемковая.

Нѣсколько парней выбѣгаютъ изъ круга, подхватываютъ шведку:

Гдѣ не взялись драгуны,
 Молоды души, кавалеры.
 Взяли шведоньку, подхватили,
 Во колясочку посадили:

Продолжаютъ пѣть:

Вдоль Москвы шведку провозили.

Шведка плясать, — Тарде, одна изъ первой утѣша-
ютъ ее, другіе играютъ, а остальные пляшутъ.

Стала шведонина слыно плясать,
А драгуны утѣшать;
Приударилъ въ барабаны,
Въ синовочки заиграли.

Видя веселящихся, шведка забываетъ свое горе, и
начинаетъ плясать съ ними. Хорошодные поютъ:

Стала шведонина веселѣе,
Начала шведка плясать.
Цоплясаши поклоццась;
Исполать, вамъ драгуны!
Вы умѣете шведку брать,
И горазды шведку утѣшать. —

Плѣнь въ иноземной землѣ, часто забывается, когда
развлекаютъ забавами. — Эта пѣснь сочинена на плѣ-
ненныхъ шведокъ, во время войны Петра I съ Кар-
ломъ XII.

Прага. Одна изъ дѣвушекъ ставитъ въ серединѣ круга
свой гребень и садится тутъ прятать. Во время пря-
денія она дремлетъ, переваливается съ бока на бокъ,
бьетъ головой объ пряслицу, хватается за нее рука-
ми, зѣваетъ, потягивается и начинаетъ снова прятать;
потомъ опять дремлетъ и качается во всѣ стороны.
Дѣвушки поютъ:

Дрема дремать за гужелью (за гребенемъ)
Гужель портить,
Шелкъ теревить.
Полно дрема, дремати,
Пора дрема перестати!

Вонь дрема, свернуть — батюшка: слышь; и вонь!

Грозу тебе несешь.

Вотъ я встану, погляжу!

Прада вскакиваетъ, смотритъ докрутъ себя и потомъ бѣгаетъ по кругу. После снова садится за свою работу и дремлетъ по прежнему. — Дѣвушки поютъ:

Ой ли, люди злодукавы!

Не видя люди, видятъ;

Не слыша люди, слышатъ.

Дрема дремать за гужелью.

Гужель портить,

Шелкъ тербить.

Полно дрема, дремати,

Вонь дрема перестати.

Вонь свекровь твоя идетъ,

Грозу несеть.

Вотъ я встану, погляжу!

Она бросаетъ гребень, бѣгаетъ по кругу, смотритъ на всѣ стороны и снова садится. Дѣвушки поютъ:

Нони люди злодукавы!

Не видя люди, видятъ;

Не слыша люди, слышатъ.

Дрема дремать за гужелью.

Гужель портить,

Шелкъ тербить.

Полно дрема, дремати,

Вонь дрема, лида идетъ (мужь)

Грозу несеть, шеть шелкову.

Вотъ я встану, погляжу!

Между тѣмъ другая дѣвушка выходитъ изъ круга и несеть жгутъ, замѣняющій масть. Приха просы-

пается и видя мужа съ плачем, прицмается усердно за свою работу. — Мужъ кричитъ: ты, што ли сомула! лѣнивица, — заработалась! Ночь не спала, все бѣгала. — Замахивается жгутомъ и начинаетъ хлестать. Жена бѣгаетъ по кругу, мужъ кричитъ: проучу! тебѣ все вѣселится съ парнями, играть съ ребятами молодыми, не женатыми. — Жена выбѣгаетъ изъ круга и голоситъ: забилъ меня мужъ! забилъ меня мужъ! умучилъ окаанный.

Не такъ ли дѣлается иногда въ быту простолюдиновъ? — Нѣтъ, гораздо еще въ высшемъ. — Жены не досыпаютъ ночей, дремлютъ, ходя днемъ, — и все будто бы трудились, работали всю ночь; будто бы ихъ мужья — тираны, не даютъ имъ ни покою, ни отдыха, заставляя работать тяжелую работушку, не одну ночь, а всѣ темныя зимнія моченьки; съ разсвѣтомъ, не слетаютъ еще пѣтухи съ насѣстей, жена уже работай! — Между тѣмъ какъ жена, или многія жены, проводили ночь въ играхъ и забавахъ, все съ молодыми да съ не женатыми. По неволѣ жены дремлютъ, а въ дремотѣ какихъ не привидится грѣзъ, разныхъ забавъ, и эти забавы превращаются потомъ въ пламенное желаніе на яву.

Утени.

Побравшись дѣвушки за руки, ходятъ кругомъ то въ одну, то въ другую сторону; но измѣненіе ихъ движеній, совершается по содержанію пѣсни:

Шла утени (*)

Черезъ сине море.

(*) Этотъ стихъ поется еще такъ: Шла, шла утени. — Утки плаваютъ, а не ходятъ по морю; но этотъ стихъ болѣе сообразенъ съ лѣгоческимъ складомъ русскихъ стиховъ.

Шла, шла утени,

— Какъ, какъ утѣня,
Ноженьки обмочила?

Шаркая ногами, дѣвушки показываютъ:

— Этакъ утѣня,
Этакъ сърая,
Ноженьки обмочила! —

Плыла утѣня,
Черезъ синѣ море.
Какъ, какъ утѣня,
Крылушки обмочила?

Дѣвушки машутъ руками:

Этакъ утѣня,
Этакъ сърая,
Крылушки обмочила! —

Плыла утѣня
Черезъ синѣ море.
Какъ, какъ утѣня,
Крылушки встрепенула?

Дѣвушки хлопаютъ въ ладоши:

Этакъ утѣня,
Этакъ сърая,
Крылушки встрепенула! —

Плыла утѣня,
Черезъ синѣ море.
Какъ, какъ утѣня,
На бережокъ садилась?

Дѣвушки присѣдаютъ :

Этакъ утѣня,
Этакъ сърая,
На бережокъ садилась!

Этимъ оканчивается городъ и начинается дру-
гой. — Выраженіе этой игры есть одна веселость и
рѣзвость, нищущая новыхъ забавъ.

Царевъ,
сынъ во-
ролевъ.

Мушны и дѣвушкы, взявшисъ за руки, составляютъ
кругъ, который называется городомъ. Вокругъ города
ходитъ въ шляпѣ царевъ, сынъ королевъ. Кружокъ,
стоя на одномъ мѣстѣ, поетъ:

Царевъ, сынъ королевъ,
Кругъ города ходитъ,
Кругъ города ходитъ.
Царевъ, сынъ королевъ,
Городъ высматриваетъ,
Городъ высматриваетъ.
Царевъ, сынъ королевъ,
Невестъ выбираетъ,
Невестъ выбираетъ.
Царевъ, сынъ королевъ,
Войди сударь въ городъ,
Войди сударь въ городъ,

Кругъ разступается и царевъ, сынъ королевъ, вхо-
дитъ въ его средину; потомъ кругъ сходится и про-
должаетъ пѣть:

Царевъ, сынъ королевъ,
Стань государь, прибодрися,
Стань государь, прибодрися.

Онъ подпирается руками въ бока.

Царевъ, сынъ королевъ,
Низеснѣно поклонися,
Низеснѣно поклонися.

Онъ снимаетъ шляпу и радостничаетъ всѣмъ.

Царевъ, сынъ королевъ,
Нивесинько поцѣлуйся,
Нивесинько поцѣлуйся.

Онъ подходитъ къ одной изъ дѣвушекъ, становится предъ нею на колѣна, цѣлуетъ ея руку и отдаетъ ей шляпу. — Въ простомъ сословіи играютъ точно также, за исключеніемъ, когда мужчина станетъ на колѣна предъ дѣвучкою, тогда и она становится предъ нимъ. Дѣвучка, предъ кою стоятъ на колѣнахъ мужчина, выходитъ изъ круга, и дѣлается *царевой, дочерью королевы*.

Одинъ изъ молодыхъ ходитъ гордо въ кругѣ, и Светлый князь. указываетъ повелительной рукою на свои владѣнія, представляя изъ себя князя.

Ходитъ нашъ светлый князь,
Около своего города;
Ходитъ около своего вѣнокоро.
Ищетъ нашъ светлый князь,
Ищетъ нашъ добрый князь,
Свою ли светлую княжну,
Свою ли добрую княжну. —
Ходитъ, ходитъ князь,
Ходитъ кругомъ города;
Онъ свѣчетъ, онъ рубитъ
Своимъ мечемъ ворота,
Скоро ли светлый князь?
Сыщеть красну дѣвицу?

Князь останавливается и одинъ оканчиваетъ:

Ужь я ли гдѣ найду,
Красну дѣвицу княжну?
Ту ли дѣвицу княжну,
Златымъ перстнемъ надирю?

Храбрый
князь.

Хороводные разделяются на двѣ половины, и каждая изъ нихъ стоитъ во время пѣнія, другъ противъ друга. Храбрый князь разхаживаетъ спѣсиво между обѣими половинами, и поетъ съ ними.

Княжій сынъ хороберъ,
 Что ходишь, что гуляешь?
 Княжій сынъ хороберъ,
 Что ты примѣчаешь?
 Подруженьки мои!
 Я хожу не гуляю,
 Ищу свою молодую.
 Вѣдь моя-то молодая,
 Вѣдь моя-то княжна,
 Во теремъ сидитъ,
 На ней вѣнчикъ горитъ;
 Сараванъ камчатный,
 Убрусецъ весь жемчужный,
 Алы бархатны башмачки,
 Яры лхоты въ ушахъ,
 Два алмаза въ глазахъ. —

Послѣ этихъ словъ сходятся хороводные, дѣлаютъ общій кругъ, и ходя поютъ:

Ой князь хороберъ!
 Не ищи молодой,
 Во теремъ высококъ.
 Выйди въ хороводъ,
 Возьми молодую,
 Возьми свою княжну.

Князь хороберъ выводитъ одну дѣвушку изъ круга, а хороводные оканчиваютъ:

Княжий сынъ хороборъ
 Сыскалъ красну дѣвицу,
 Душу княжну,
 Свою молодую. —

Царевъ сынъ королевъ, свѣтлый князь и храбрый князь, означаютъ выборъ невѣсть.

Дѣвушка, представляющая *сиротину*, лежитъ на Сиротинушка. сырой землѣ одна одинохенька, и горюетъ: никто не утѣшаетъ ее! — Вокругъ ея ходятъ хороводные и поютъ:

Подлѣ рѣчки ракитовъ кустъ,
 За кустомъ сиротинушка.
 На кусту соловейка пѣлъ,
 А сиротинушка высвистывалъ:
 Во пирю во бесѣдѣ
 Было много гостей,
 Только не было соловейки,
 Моей голубушки. —
 Подлѣ рѣчки ракитовъ кустъ
 За кустомъ сиротинушка,
 На кусту соловейка пѣлъ,
 А сиротинушка высвистывалъ:
 Вотъ идетъ она,
 Будто нава плыветъ!

Въ это время выходитъ изъ круга дѣвушка и останавливается предъ сиротинушкой; хороводъ продолжаетъ пѣть, а съ нимъ сиротинушка и дѣвушка.

Миръ жаль тебѣ, сиротинушка,
 Жаль твоего батюшки,
 А болѣ жаль матушки.
 У батюшки съ матушкой,
 Я одна во всемъ дому;

У мила дружка во терену,
 Я послушница свекровушка.
 У тебя сиротинушка,
 Ляжу я у сердечушка.

Сироты не безъ добрыхъ людей и не безъ помощи. Есть люди, которые сами спѣшатъ на помощь горемыкъ, и оживляютъ ихъ не однимъ теплымъ участіемъ, но дѣломъ, не ожидая за то никакихъ суетныхъ похвалъ. Доброе дѣло, сама по себѣ похвала и награда.

Свято-
ство.

Хороводъ образуется изъ двухъ половинокъ; на одной находятся отдѣльно мушны, на другой дѣвушки и молоденькія женщины; всѣ они переплетаются руками. На мужской половинѣ стоятъ женихи, а на женской невѣсты. Каждая половина поетъ попеременно, такимъ образомъ, что пѣніе одной половинки составляетъ предметъ вопросовъ, а другой отвѣты, и въ время вопросовъ и отвѣтовъ, обѣ половинки то сходятся, то отступаютъ. Эти движенія представляютъ игривую картину хоровода, который разыгрываютъ съ особой веселостію.

Бояре! да вы почто пришли?

Молодые! да вы почто пришли?

Княгини! да мы невѣсть смотреть,

Молодые! да мы невѣсть смотреть.

Бояре показываютъ жениха, и по требованію княгинь представляютъ имъ богатую одежду, по которой судили въ старину, и теперь судятъ, о достоинствѣ жениха. Княгини приглашаютъ бояръ со всѣмъ ихъ поѣздомъ въ теренъ, и тутъ оканчиваютъ сватовство.

Княгини! во се наша женицка;

Молодыя! во се наша женицка;

Бояре! покажите кашаки.

Молодые! покажите кашаки.

Княгини! во се наша кушакъ,

Молодыя! во се наша кушакъ.

Бояре! покажите сапоги,

Молодые! покажите сапоги.

Княгини! во се наша сапожокъ,

Молодыя! во се наша сапожокъ.

Бояре! идите во теремъ,

Молодые! поздороватся.

Иногда оканчиваютъ:

Бояре! поздороватся

Молодыя! со всеми поведомъ.

Играющіе сватовство, часто дѣлаютъ произвольные вопросы, того требуетъ самая игра, потому что отъ разнообразныхъ вопросовъ, зависитъ продолженіе забавы. Вопросы предлагаютъ не объ одномъ платьи, но о наружности жениха, его сердцѣ, нравѣ и проч.

Игра въ сватовство, объясняетъ достаточно значеніе хоровода.

Въ срединѣ хороводнаго круга ходитъ дѣвушка; Женихъ по сердцу.
она ищетъ жениха; хороводныя поютъ:

Во саду ли было подъ яблоню;

Во зеленомъ подъ кудрявою,

Соловей выщекочеть,

Молодой выщекочеть.

Во терему львицы,

Во высокомъ терему,

Красныя играютъ,

Подруженьки говорятъ:

Ужь ты, слышишь ли?
 Красная дѣвица,
 Свѣтъ моя душа!
 Тебя батюшка кличетъ,
 Тебя свѣтъ родной кличетъ.

Невѣста отвѣчаетъ своимъ подругамъ:

Охъ вы, свѣтъ мои подруженьки!
 За чѣмъ раньше не сказали?
 Я право не слыхала.

Хороводныя начинаютъ снова:

Во саду ли было подъ яблонью,
 Во зеленомъ подъ кудрявою,
 Соловей выщекочеть,
 Молодой выщекочеть. —
 Въ хороводъ красны дѣвицы,
 У воротъ стоять.
 Въ хороводъ красны дѣвицы,
 Всей околицей играютъ.
 Ужь ты, слышишь ли?
 Красна дѣвица,
 Свѣтъ моя душа!
 Тебя подруженьки манить,
 Молодой по дороженьки идетъ.

Одна изъ дѣвушекъ, представляя парня, подходитъ къ невѣстѣ, которая отвѣчаетъ въ то время хороводу:

Охъ вы, свѣтъ мои подруженьки!
 Я давно сама завидѣла,
 Я сама къ нему иду!

Вотъ еще другая хороводная пѣснь, того же содержания; т. е. женихъ по сердцу.

Что по гридняв князь,
 Что по светлой князь,
 Наше солнушко, любимый князь похаживаетъ.
 Что соколий глазъ,
 Молодецкй глазъ,
 Какъ на пташечекъ, молодыхъ дѣвиць, посматриваетъ:
 Что у ласточки,
 У касоточки,
 Былу грудь, сизы крылья потрогиваетъ.
 Парчевый кафтанъ,
 Сапоги сафьянъ,
 Золоту казну и соболи показыватъ.
 Веселымъ лицомъ,
 Краснымъ словомъ,
 Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываетъ.
 Не мани насъ, князь!
 Не гадай насъ, князь!
 Наше красно солнушко! дѣвицы говорятъ.
 Не златой казнь,
 Но твоей красть
 Свои сердца, давно мы отдали. —
 Ты взгляни хоть разъ!
 Ты вздохни хоть разъ!
 И любую выбирай изъ насъ.

При игравнн этого хоровода, дѣвушка, представляющая жениха, ходитъ по гридняв, и долгое время ни на кого не смотритъ: расхаживаетъ величаво и тише-славится своей красотой; потомъ она, посматриваетъ на дѣвушекъ, и всѣ думаютъ о себѣ. Наконецъ останавливается предъ той, которая ей по сердцу, и при послѣднемъ словѣ: *и любую выбирай изъ насъ*, она отдаетъ ей свой перстень. — Тогда хороводъ оканчивается:

Ходилъ нашъ князь,
 Выходилъ князь:
 Себѣ подругу, нашу дѣвицу.

Жениховъ много, а невѣсть еще болѣе; но не всякая дѣвушка поручаетъ себя на поруки вѣчныя, не осмотрѣвшись и не обдумавшись хорошенько. Если женихъ по сердцу, то она не разбираетъ уже, и не видитъ даже явныхъ его недостатковъ, — другая крайность!

Висшат-
риваю-
щій не-
вѣсту.

Хороводныя переплетаются руками, и ходя кругообразно, притоцываютъ ногами:

Около сыра дуба,
Растетъ чернь черница;
А во дѣ ли во черницѣ,
Черный соболь скачетъ.
Поскачи, поскачи соболь,
По чисту полю;
Поплыви, поплыви утя,
По тиху Дунаю.
Ищи себѣ друга,
Котораго любишь.
Скачите вы дѣвушки, плящите.
Вы холостые не смотрите.
Смотрючи дѣвушку не вѣсти,
Взять не взять по любви,
По батюшкиному благословенью,
По матушкиному умоленью.

По окончаніи пѣсни хороводныя разнимаютъ руки, и бьютъ въ ладоши.—Эта самая пѣсня поется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ прибавленіемъ, къ каждому стиху припѣва: люли, люли.

Около сыра дуба
Люли, люли, дуба!
Растетъ чернь черница,
Люли, люли черница!

А во той ли во черница,
 Люли, люли, во черницѣ!
 Черенъ соболь скачетъ,
 Люли, люли, скачетъ!
 Пскачи, пскачи, соболь,
 Люли, люли, соболь!
 По чисту полю,
 Люли, люли полю!
 Поплыви, поплыви, ути,
 Люли, люли, ути!
 По тиху Дунаю,
 Люли, люли, Дунаю!
 Ищи себѣ друга,
 Люли, люли, друга!
 Ищи себѣ любушку,
 Люли, люли, любушку!
 Около сыра дуба,
 Люли, люли, дуба!
 Растетъ чернѣ черница!
 Люли, люли, черница!
 А во той ли во черницѣ,
 Люли, люли, во черницѣ!
 Красныхъ дѣвицъ хороводъ,
 Люли, люли, хороводъ!
 Скачите вы двушки, пляшите,
 Люли, люли, пляшите!
 Вы холостые не смотрите,
 Люли, люли, не смотрите!
 Смотрючи двушку не взяти,
 Люли, люли, не взяти!
 Взять ли не взать по любви,
 Люли, люли, по любви!
 По батюшкиному благословенью!
 Люли, люли, благословенью!

По матушкиному умоленью,
Люли, люли умоленью! (*)

Бориса
женить. Мушныи и дѣвушки, побравшись за руки, стано-
вятся въ кружокъ; избранный играть Бориса, ходить
въ шапкѣ въ срединѣ круга, а хороводъ поеть:

Ходилъ Борисъ, гулялъ Борисъ,
По хороводу дѣвичью, по молодичью.
Искалъ Борисъ ласковой тещи, привѣтливой невесты,
Нашелъ Борисъ ласкову тещу и привѣтливу невесту,
Просилъ Борисъ всѣхъ людей на свадьбу.

Борисъ снимаетъ шапку, кланяется на всѣ стороны:

Добрые люди! пожалуйте на свадьбу :
Свадьбу играть, Бориса женить.

Борисъ подходитъ къ хороводу, цѣлуетъ избранную
имъ дѣвушку; поцѣлованная беретъ у него шапку, въ
ознаменованіе того, что она дѣлается женою его.

Эта пѣснь, измененная мѣстностію, поется еще
иначе:

Ходилъ Борисъ по хороводу,
Да по дѣвичью да по молодичью.
Искалъ Борисъ ласковой тещи, хорошей невесты.
Сыскалъ Борисъ ласкову тещу и добрую невесту.
Добрые люди! пожалуйте на свадьбу :
Хлѣба съ солью кушать,

(*) Сахар. Сказаніе русск. народа, между хороводными пѣс-
нями № 38 изд. С.П.Б. 1841 г.

Былова лебедя рушать,
 Пива съ медомъ пити.
 Охти мнѣ горе! охти мнѣ гореванье!
 Разхулили да разговорили
 Борисову то тещу,
 Борисову невесту :
 Будто Борисъ пропонца.—
 Добрые люди! не жалуйте на свадьбу :
 Хлѣба съ солью кушать,
 Былова лебедя рушать,
 Пива съ медомъ пити. —
 Хлѣбъ соль не пасено,
 Вино не курено,
 Пиво не варено. (*)

Неудачная женитьба Бориса, напоминаетъ многихъ Борисовъ. Но еще хуже, если Борисы женившись, не могутъ потомъ справиться съ своей женою. Вотъ образецъ по этому предмету, изъ малороссійской хороводной игры. Становятся дѣвушки въ кружокъ, въ срединѣ его садится молодая женщина, предъ которою воткнута въ землю палка; она представляетъ, что прыдетъ. Хороводъ поетъ:

Та черезъ село,
 Черезъ Бондарывку;
 Понявъ старый,
 Молодую жинку, —
 Ищежъ ны понявъ,
 Та хвалыцца быты;
 Та похвалыцца съ товарищемъ,
 Нагайку купыты.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!

(*) Пѣсн. изд. С. П. Б. 1819 г. ч. 4 № 86.

Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 Пошла жинка,
 Та до битька въ гости.
 Ныдзя минае,
 Жинки нямае.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 И друга минае,
 Жинки нямае.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 И третя минае,
 Жинки нямае.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 Четверта иде,
 Жинка иде.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 Жинки побоявся,
 Въ кропиву сховався,
 Бороною скрився.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 Бороною скрився,
 Сянемъ притрусывся.

Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку!
 Ой первое лыхо,
 Кропива жаре;
 А друге лыхо,
 Борона даве;
 А третье лыхо,
 Санце коле. —
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку.
 Четвертое лыхо,
 Горобець скаче,
 Жинци скаже.
 Навчу я, навчу,
 Молодую жинку!
 Навчу я, навчу,
 Молодесыньку.

Еще есть малороссійская пѣсенка, которая очень хорошо обрисовываетъ слабость мужей; ее часто разыгрываютъ въ хороводѣ. Тутъ дѣвушки только ходятъ вокругъ:

Была жинка мужика,
 Пишла позываты;
 Присудымы мужику,
 Щей жинку прохаты.
 Ой простижь, моя мыла,
 Що ты мене была.
 Куплю тебе цеберь меду,
 Коновотку выла.
 Ой видь пива болыть снына,
 А видь меду голова.
 Купыжь мени горилочки,
 Щобъ я весела була.

Тоска
дѣвуш-
ки.

Неизвѣстное для дѣвушки чувство, волнуется съ давняго времени. Чтожъ это за чувство? Это чувство, — любовь! Если дѣвушка тоскуетъ, то это значить, что она начинаетъ любить. Ей тогда пріятно и сладостно думать объ немъ; ей тогда не сказано очаровательно мыслить, что онъ ее любитъ. Однако, она часто спрашиваетъ самую себя: любить ли онъ меня? И сама себѣ отвѣчаетъ, дрожащимъ голосомъ: не любить! Въ этихъ словахъ отражается живо, вся жизнь дѣвушки, предающейся пламеннымъ порывамъ любви. Она хочетъ видѣть, что ей дорого: лобызаетъ его мысленно въ глаза, въ уста, и наслаждается своимъ предметомъ, созданнымъ въ ея мечтательномъ упоеніи. Она уже обнимаетъ его одной рукою, прижимается къ его груди, осыпаетъ безпрестанно огненными поцѣлуями, ждетъ взаимныхъ отвѣтовъ, но ей никто не отвѣчаетъ. Она въ отчаяніи!—Горячка мечтательной любви проходитъ, и она перестаетъ увлекаться любимымъ идеаломъ, — только не надолго. Тоска дѣвушки опаснѣе любви. — Вотъ объясненіе: дочь живетъ съ отцемъ; она ожидаетъ его домой, завтра по утру, но для ней все равно, — *хоть онъ будетъ, аль не будетъ*, онъ не уменьшитъ ея тоски. — Хороводныя, взявшись рука за руку, ходять вокругъ, при пѣніи

Изъ за бору, бору,
Изъ за зеленаго ;
Случала, гремѣла,
Быстрая рѣчка,
Обрастала рѣчка;
Калиной, малиной.
На капишомъ мосточкѣ,
Сидѣла голубка:
Ноженьки мыла,
Перемывала,

Свое сизо перышко,
 Перебирала;
 Свою русу косу,
 Расчесывала.

Перебравши сизо перье,
 Сама взворковала :
 Завтра поутру,
 Батюшка будетъ,
 Хоть онъ будетъ,
 Аль не будетъ,
 Тоски не будетъ.
 Вдвое, втрое у голубки
 Печали пребудеть.

Тутъ дѣвушки разрываютъ кругъ, вытягиваются въ одинъ рядъ и пляшутъ. (*)

Играютъ однѣ дѣвушки, и весьма рѣдко съ ними му-^{Подушечка.}шечки. Избранная играть подушечку, ходить съ платкомъ въ руиѣ и пляшетъ, а прочія, образовавъ около нея кругъ, поютъ:

Молодушка, молодушка,
 Да ты молодая!
 Подушечка, подушечка,
 Да ты пуховая!
 Кого любишь, кого любишь,
 Того поцѣлуешь;
 Пухову подушечку, тому подаруешь,

Дѣвушка, кому отдаетъ платокъ, того цѣлуешь.

(*) Эта пѣснь почти таже самая, что напечатана въ запискахъ о Сибири с. 114 и у Сахар. Сказан. руск. нар. издан. 1841 г. между хоровади. пѣснями N° 39.

Тебя люблю, тебя люблю,
Тебя поцѣлю;
Пуховую подушечку, тебя подарю.

Поцѣлованная дѣлается молодушкою; игра повто-
ряется, пока не наскучитъ.

Кого люблю, тому сердце отдаю.

Вотъ смыслъ этого хоровода.

Тоска
молодой
женщи-
ны, по
своей
роднѣ.

Молодая женщина, завезенная на дальнюю сторону,
тоскуетъ по своей родинѣ. Хотя она пишетъ къ сво-
имъ роднымъ, но все для ней горе и кручинушка;
одна только старость въ состояніи измѣнить ее горе.

Здѣсь хороводъ составляется, какъ предидущій; въ
середину хоровода входитъ дѣвушка, которая поетъ
вмѣстѣ съ играющими.—Эта пѣснь, по словамъ нѣко-
торыхъ, разыгрывается и на посидѣлкахъ.

Вдоль по дороженькѣ,
Летитъ соколъ молодець.
Соколъ, мой соколъ,
Залетная птица!
Ты провзжай, доброй молодець. —
Привезъ меня молоду,
Въ чужу дальнюю сторону,
Сушилъ, скрушилъ меня!
Валѣтъ еще забыть,
Родиму сторону!
Напишу ль я грамотку,
По бѣлому бархату,
Чистымъ, краснымъ золотомъ!
Отошлю ль я грамотку,
Въ свой родимой край:
Къ родимому батюшкѣ,
Къ родимой матушкѣ!

Нанишу ль про себя, —
Все горе и кручинушка!

У меня ли молодой,^{**}
Много слезь въ очахъ?
Прикажетъ ли батюшка,
Родимая матушка,
Тайцевать и вилсать —
Пока старость не пришла!
Ужъ какъ старость прійдетъ,
Всѣ печали забыть (*).

Дѣвушки очаровываютъ не однихъ молодыхъ, но и Красная
стариковъ своими пламенными очами. — И кто не ис-
пытывалъ ихъ силы? И кто не разъ вздыхалъ по нимъ,
обворожительнымъ прелестямъ красавицы? — Хороводъ,
воспѣвая красоту глазъ, становится въ кружокъ; тутъ
онъ не беретъ за руки, но, стоя на одномъ мѣстѣ, поетъ:

У насъ во селѣ,
Всѣ дѣвицы пригожи.
Пригожи и румяны,
Съ огненными очами.
Ужъ и что завидать,
Все очаруютъ. —
У насъ во селѣ,
Вдовушка живетъ ;
У ней дѣвица дочь,
Что твоя малина!
Во теремъ сидитъ,
Узоры вышиваетъ.
Узоры вышиваетъ,
Для милаго дружка. —

(*) Сахар. Сказаніе русскаго народ. между хороводн: пѣсни
№ 40, и Снегир. Руск. простонар. праздники ч. 2. с. 92.

Очи, очи ясны!
 Сокрушили молодцевъ.
 Одного то не сгубили,
 То соколъ ее душа.

Дорого-
 вина на
 дѣвницъ.

Эта пѣснь составлена конечно угодинками дѣвушекъ. Имъ лѣстятъ повсюду, и въ самыхъ пѣсняхъ поютъ имъ лѣсть.—Хороводные не составляютъ никакого круга, а стоятъ двѣма половинами, другъ противъ друга, и поютъ попеременно.

Первая половина

Тонка, гибка жердичка,
 Черезъ рѣченку лежала,
 Что никто не пройдетъ!
 Только шли, прошли стары бабы,
 Стары бабы, безобразы.
 Смыть ли старыхъ бабъ спросити:
 Что въ городу вздешевѣло!

Вторая половина

Вздешевѣли, вздешевѣли, молодыя бабы,
 На овсяной блинъ, по три бабы.
 А четвертая провожатя,
 А пятая на придачу.

Первая половина:

Тонка, гибка жердичка,
 Черезъ рѣченку лежала,
 Что никто не пройдетъ!
 Только шли, прошли стары бабы,
 Стары бабы, безобразы. —
 Смыть ли старыхъ бабъ спросити:
 Что въ городу вздешевѣло?

Вторая половина:

Вздешевѣли, вздешевели, добры молодцы,
 Еще восемь молодцевъ на полъ деньги.
 А девятый провожатый,
 А десятый на придачу.

Первая половина:

Тонка, гибка жердичка,
 Черезъ рѣченку лежала,
 Что никто не пройдетъ!
 Только шли, прошли добры молодцы,
 Смять ли добрыхъ молодцовъ спросити:
 Что въ городу вздорожало?

Вторая половина:

Вздорожали, вздорожали красны дѣвушки,
 По сту рублей одна дѣвица,
 По тысячи ся коса,
 А по двѣ ся краса.

Послѣ этого составивъ общій кругъ, ходятъ кругомъ,
 и всѣ повторяютъ вмѣстѣ послѣдніе четыре стиха.

Дѣвушки приглашаютъ на свои игры молодую игр. женщину, одну изъ бывшихъ своихъ подругъ. Она хочетъ итти, но свекровь не пускаетъ ее. Свекровь заставляетъ работать и смотрѣть за домомъ. Прошла дѣвическая жизнь, а съ нею утонули всѣ радости! Молодая женщина досадуетъ, сердится и грозитъ перепортить, перебить все въ хозяйствѣ, и потомъ вытти къ подруженькамъ и вдоволь наигратъся.—Это изображеніе сердца такой молодой женщины, которая желала бы только веселиться, и это желаніе, свойственное

вполнѣ женскому чувству, выражаетъ упорныя страсти: для женщины нѣтъ никакихъ препятствій. Жить въ вихрѣ удовольствія, искать безпрестанно новыхъ чувствованій, восторговъ и сладостей, вотъ стихія прекраснаго, но слабаго созданія. Подумайте, въ тонкихъ жилочкахъ розовой красавицы, течетъ огненная кровь, кровь наслажденія, и какъ не забыться! А существо непостоянное, какъ женщина,—не будемъ строги!—не думаетъ о послѣдствіяхъ: давай ей только игры.

Въ хороводный кругъ становится смѣлая и молодая женщина. Игроки ходятъ вокругъ ея, и поютъ съ нею:

Какъ за горницею, за повалушею,
 Не въ гусли играютъ,
 Не въ свирѣли говорятъ,
 Говорятъ мои подруженьки,
 На игрища итти.
 А меня молодешеньку,
 Свекорь не пугаетъ.
 Свекорь батюшка заставляетъ :
 Гумно чистить,
 Метлой мести ;
 И поле боронить,
 И дѣтей качать.

Ужъ я въ сердце взойду :
 И метлу изломлю,
 И гумно истопчу,
 И борону изрублю,
 И дѣтей уложу.
 Сама молодешенька
 На игрища пойду :
 Наскачуся, напляшуся,
 Наиграюсь молода.

Какъ за горницею, за повалушею,
 Не въ гусли играютъ,

Не въ свирьди говорятъ,
 Говорятъ мои подруженьки,
 На игрища дѣти. —
 А меня молодешеньку,
 Свекровь не пускаетъ,
 Свекровь матушка заставляеть :
 Красенца ткать,
 Конопля братъ,
 На поле ходить,
 И сѣно косить,
 Избы истопить,
 По воду сходить,
 Дѣтей накормить,
 И спать уложить. —

Ужъ я въ сердце взойду :
 Красна изорву,
 Берды изломаю,
 Конопля потопчу,
 На поле не пойду,
 И домой не зайду,
 Сама молодешенька
 На игрища пойду :
 Наскачуся, напляшуся,
 Наиграюсь молода.

Точно такъ же разыгриваютъ слѣдующую пѣснь:

Какъ у нашихъ у воротъ,
 Какъ у нашихъ у веротъ,
 Люли, люли у веротъ!
 Стоаль дѣвекъ хороводъ,
 Люли, люли, хороводъ!
 Молодушекъ табунокъ,
 Молодушекъ табунокъ,
 Люли, люли, табунокъ!

Меня дѣвки кликали,
 Меня дѣвки кликали,
 Люли, люли кликали!
 На улицу поиграть,
 На улицу повграть,
 Люли, люли, повграть!
 Въ хороводѣ поплясать,
 Въ хороводѣ поплясать,
 Люли, люли, поплясать!
 Меня свекоръ не пустилъ,
 Меня свекоръ не пустилъ,
 Люли, люли, не пустилъ!
 Хотя пустилъ, пригрозилъ,
 Хотя пустилъ, пригрозилъ,
 Люли, люли, пригрозилъ!
 Гуляй сноха, да не долго,
 Гуляй сноха, да не долго.
 Люли, люли, да не долго!
 А я млада гуляла,
 А я млада гуляла,
 Люли, люли, гуляла!
 До саминькихъ пѣтушковъ,
 До саминькихъ пѣтушковъ,
 Люли, люли, пѣтушковъ!
 Какъ зорюшка занялась,
 Какъ зорюшка занялась,
 Люли, люли, занялась!
 А я млада поднялась,
 А я млада поднялась,
 Люли, люли, поднялась!
 На встрѣчу мнѣ деверекъ,
 На встрѣчу мнѣ деверекъ,
 Люли, люли, деверекъ!
 Деверюшка, батюшка,
 Деверюшка, батюшка,
 Люли, люли, батюшка!

Проведи меня домой,
 Проведи меня домой,
 Люли, люли, домой!
 До моего двора,
 До моего двора,
 Люли, люли, двора!
 До высокая терема,
 До высокая терема,
 Люли, люли, терема
 Подхожу я ко двору,
 Подхожу я ко двору,
 Люли, люли, ко двору!
 Свекорь ходить по двору,
 Свекорь ходить по двору,
 Люли, люли, по двору!
 Повѣсивши голову,
 Повѣсивши голову,
 Люли, люли, голову!
 Станеть свекорь млада бить,
 Станеть свекорь млада бить,
 Люли, люли, бить!
 А ты меня отними,
 А ты меня отними!
 Люли, люли, отними!
 Не отнимешъ, прочь поди,
 Не отнимешъ, прочь поди,
 Люли, люли, прочь поди!

Одинъ мужъ, женившійся неудачно на первой жепѣ, Доволь-
н м ѣ
и мужъ
своей
женой. горевалъ и тосковалъ отъ нея. Женился на другой, но она была постоянно веселая, такъ что не за чемъ было ходить къ сосѣдамъ, чтобы поразвеселиться. Въ самомъ его домѣ было довольно веселья. — Эта пѣснь выражаетъ насмѣшку, надъ чрезмерно тоскливою и безгранично веселой женою.

Играющіе, образовавъ хороводный кругъ, ставятъ
 Часть IV.

посрединѣ его: мужа и жену, и ходя съ ними, поютъ
про житье-бытье.

На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами разцвѣтала;
На той калинушкѣ соловей,
Громко пѣсни распѣвалъ,
Холостому вѣсть подавалъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться,
А тебѣ красна дѣвушка,
Пора русу косу расплетать.

Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ наибольшему атаману:
Чѣмъ онъ меня подаруетъ?
Подарилъ меня женою,
Глупою не разумною:
Я за гудокъ, она за прялку;
Я въ гудокъ играть, она горевать.
Не за чѣмъ въ люди на кручину:
Дома кручинушки довольно. —

На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами разцвѣтала;
На той калинушкѣ соловей,
Громко пѣсни распѣвалъ,
Холостому вѣсть подавалъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться,
А тебѣ старобразой,
Съ дѣвками не водиться. —

Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ наибольшему атаману:
Чѣмъ онъ меня подаруетъ?
Подарилъ меня женою,
Умною и разумною:
Я за гудокъ, она за пѣсни;
Я въ гудокъ играть, она плясать.
Не за чѣмъ въ люди на веселье, —
Дома весельица довольно.

Сходбище представляет радостное свидание старых знакомых, послѣ долгой их разлуки. — Игра эта разыгрывается весною, когда сходятся изъ заработокъ въ свою деревню. Каждый приноситъ съ собою прибыль, полученную имъ въ зимнюю заработку, и всякій спѣшитъ повидаться поскорѣе съ своими родными и старыми друзьями. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, говоритъ пословица, и своя деревня знаетъ *кожанаго* своего. Дѣвушки и мужчины, привѣтствуютъ другъ друга, и какъ старые знакомые, сходятся въ праздничное время, составляютъ веселый хороводъ, который называется сходбище; въ срединѣ становятся молодецъ и дѣвушка; хоръ поетъ:

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
 Изъ другой красна дѣвица,
 И близехонько сходилися,
 Низехонько поклонилися.
 И говорить доброй молодецъ :
 Здорова ль живешь, красна дѣвица?
 Здорова живу, милъ сердечный другъ.
 Каково ты жилъ безъ меня одинъ?
 Давно другъ съ другомъ не видалися,
 Говорить дѣвка улыбаючися :
 Что съ той поры, какъ разсталися,
 Говорить ей другъ сердечной. —
 Мы поидемъ, душа Марьюшка, гулять;
 Мы на рубль возьмемъ велена вина,
 А на другой меду сладкова ;
 За двѣ гривеньки сладкихъ пряниковъ.
 Красна дѣвица ему въ отвѣтъ :
 Я пойду ль гулять, мой милъ, сердечный другъ?
 Я боюсь, боюсь, роднова батюшки,
 Я боюсь и родимой матушки.
 Тутъ разсталися и прощалися,
 Другъ съ другомъ цѣловалися.

Ты прости, прости, доброй молодець.

И доброй молодець отвѣчаетъ :

Прости, моя душа, красна дѣвица!

Посѣвъ
льна.

Составивъ хороводъ мущины и дѣвушки, поютъ посѣвъ льна, ходя кругомъ: то въ ту, то въ другую сторону:

Ой дидь, ой лада!

Застывали дѣвки былъ лень,

И травой лень,

Съ травою небылою, съ повилою.

Ой дидь, ой лада!

Застывали дѣвки былъ лень,

Мнѣ пойти молоденькой,

Къ батюшкѣ свекору.

Ужъ ты батюшка свекоръ,

Пособи-ка льну полоти!

Мнѣ несчастьѣ въ человекѣ,

Мнѣ на ласковомъ сговорѣ,

И на низкомъ поклонѣ.

Я невѣстухка съ тобою,

Я съ тобою молодую.

Ой дидь, ой лада!

Застывали дѣвки былъ день.

Мнѣ пойти молоденькой,

Къ матушкѣ свекрухѣ.

Ужъ ты матушка свекруха,

Пособи-ка льну полоти.

Ой дидь, ой лада!

Мнѣ несчастьѣ въ человекѣ,

Мнѣ на ласковомъ сговорѣ,

Мнѣ на низкомъ поклонѣ. —

Я невѣстухка съ тобою,

Я съ тобою молодую.

Точно такъ же поють брату и деверю, съ приложеніемъ ихъ именъ, и тѣмъ оканчивають.

Посѣвъ льна разыгривають еще иначе.

Выбирають изъ играющихъ мать, одну дочь или двѣ, и ставятъ ихъ въ срединѣ круга. — Всѣ прочія ходять около нихъ и поють:

Подъ дубровою лень, лень,
 Подъ зеленою лень, лень,
 Таки лень, таки лень, люли лень!

Одна дочь начинаетъ пѣть, а за нею и весь хороводъ.

Научи меня мати,
 На лень землю пахати.

Хороводъ останавливается, и всѣ нагибаются; мать, тоже нагнувшись къ землѣ, показываетъ дочерямъ, какъ пашутъ землю, припѣвая, а за цю весь хороводъ:

Да вотъ эдакъ дочи, дочушки,
 Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!

Дочери перенимають всѣ ея движенія. Потомъ хороводъ начинаетъ снова ходить кругомъ и пѣть.

Подъ дубровою лень, лень,
 Подъ зеленою лень, лень,
 Таки лень, таки лень, люли лень!

Дочери припѣвають:

Научи меня мати,
 Зелснѣ лень полоти.

Мать отвѣчаетъ съ хороводомъ:

Да вотъ эдакъ дочи, дочушки
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!

Сопровождая движеніями, какія обыкновенно бываютъ при поленіи льна. Дочери подражаютъ всѣмъ ея движеніямъ. По окончаніи словъ матери, хороводъ кружится и снова начинается:

Подъ дубровою ленъ, ленъ,
Подъ зеленою ленъ, ленъ
Таки ленъ, таки ленъ, люли ленъ!

Дочери припѣваютъ :

Научи меня мати,
Зрѣлый ленъ брати.

Мать отвѣчаетъ по прежнему;

Да вотъ эдакъ дочи, дочушки
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!

—
Научи меня мати
Какъ ленъ вязати.

—
Да вотъ эдакъ дочи, дочушки, и т. д.

На всякій вопросъ дочерей, отвѣтъ матери единообразный и всегда сопровождается хороводомъ. Вотъ вопросы:

Научи меня мати,
Спѣлый ленъ сбирати,

—
Научи меня мати,
На телегу ленъ класти.

Научи меня мати,
Мой лень съ поля убирати,

Научи меня мати,
Зрълый лень сушити.

Научи меня мати,
Лень мой молотити.

Научи меня мати,
Какъ лень мой слати.

Научи меня мати,
Какъ лень мой собрати

Научи меня мати,
Какъ мнѣ лень мой мяти.

Научи меня мати,
Какъ мнѣ лень трепати,

Ты не эдакъ дочи, дочушки,
А вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ

Научи меня мати.
Тонкой лень прясти.

Тутъ дочери заглядываются на молодцевъ, и дѣлаютъ имъ глазики, какъ умѣютъ. Хороводъ продолжается.

Научи меня мати,
Мою пряжу мотати.

Все не эдакъ дочи, дочушки.
А вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ.

Дочери уже не охотно исполняютъ наставленіе ма-

тери, машутъ руками и ширинками; а парни скидають шапки и имъ кланяются

Научи меня мать,
Какъ красна мнѣ тнати. —

—
Да вотъ эдакъ, дочи, дочушки,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ. —

Хороводъ возобновляетъ пѣснь:

Подъ дубровою лень, лень,
Подъ зеленой дрянный лень
Таки лень, таки лень, люли лень!

—
Научи меня мати,
Съ молодцемъ гуляти.
А я сама пойду,
И съ молодцемъ плясати буду.

Послѣ этаго дочки, берутъ за руки парней, а мать кричитъ на нихъ:

А вотъ я васъ дочи, дочушки,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!

Показываетъ тѣлодвиженіями, какъ она станеть бить ихъ. Но дочки не слушаютъ матушки своей, пляшутъ припѣвая:

Да вотъ эдакъ, моя мати,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ.

Мать треплетъ ихъ за непослушаніе, и усаживаетъ на землю. Но дочери вскакиваютъ, начинаютъ плясать и веселиться снова. Всеобщій смѣхъ раздается надъ

матерью, которая не умѣла воспитать своихъ дочерей. Для этой игры избираютъ ловкихъ дѣвушекъ и проказницъ. — Выраженіе этаго хоровода : гони природу въ дверь, а она влетитъ въ окно.

При всемъ однообразіи пѣвнн поствва лена, поютъ его однако съ большими отмѣнами :

Мы молодушки пашиньку пахали,
Изъ рукавчика былъ ленъ разсѣвали,
Изъ рукавчика, изъ тонкого льнянаго. —

Уродился нашъ леночекъ,
Высокъ, мѣлокъ волокнистой.
Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Былъ леночекъ колотить будетъ? —

Я невестушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.

Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Былъ ленокъ намачивать будетъ?

Я невестушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.

Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Былъ леночекъ обмянать будетъ? —

Я невестушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.

Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Былъ леночекъ выпрядать будетъ? —

Я невестушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.

Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Былъ леночекъ ткать будетъ?

Я невестушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.

Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Былъ леночекъ былтъ будетъ? —

Я невестушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою. —

Да съ кѣмъ то мнѣ, молодѹшкѣ,
 Поджаное шить будетъ?
 Я невѣстѹшка съ тобою,
 Я голубѹшка съ тобою.
 Давай-ка невѣстѹшка,
 Шитое дѣлать съ тобою.
 Да не время мнѣ, золовѹшка,
 Шитое дѣлать съ тобою.
 Я сдѣлалась не здорова,
 Головой стала больна. —
 Ты невѣстѹша обманщица,* проказница;
 Обманула, провела меня. —

Николь-
щина.

Народный, весенній праздникъ. Въ день Николы собираются попить у знакомыхъ и родныхъ, на открытомъ воздухѣ, близъ храмовой церкви. Въ старину готовили, на этотъ праздникъ: брагу, вино, пироги и варили въ полѣ щи и молошную кашу. Иногда поселяне, сдѣлавъ складчину, пировали всѣ вмѣстѣ. При такомъ случаѣ избирался изъ среды ихъ особый хозяинъ, который назывался *старостой*: онъ все устраивалъ для общаго веселія. Бѣдные и нищие принимались всѣми радушно. — Иногда пировали по нѣскольку дней сряду, — но пиръ не начинался и не оканчивался безъ храмового священника. При разгульномъ весельи составлялись хороводы, въ которые вмѣшивались и женщины и старики. Если играли однѣ дѣвушки, то въ срединѣ ихъ хороводнаго круга, ставилась ловкая кумушка, избранная изъ дѣвѹшекъ, которая своею язвительной игрою и насмѣшливыми тѣлодвиженіями, на счетъ пирующихъ, заставляла многихъ коситься.

Нѣтъ постоянного правила для хоровода Никольщины. Круги составляютъ, какъ вздумаютъ. Иногда ходятъ кругомъ, а потомъ вытягиваются въ прямую линію, или

свившись въ кружокъ, вертятся и пляшутъ: иногда, взявшись за руки, дѣлаютъ первыя двѣ пары ворота, чрезъ которыя проходятъ остальные и сходятся въ кругъ. — Самыя пѣсни поютъ здѣсь по произволу. — Въ прилагаемой здѣсь пѣснѣ попадаются слова, которыя совершенно не русскія, но юго западной Руси, наприм: *подлавица, залавица, чеботы, швецъ* и проч. но за всѣмъ тѣмъ эта пѣснь усвоена Русскими:

Въ юго-западной Руси празднуютъ Никольщину такъ же, какъ Русскіе: пьютъ вино, и брагу; ѣдятъ пироги, яичницу и веселятся тоже по нѣсколько дней, только не поютъ этой пѣсни: —

Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
 Ужъ вы, красныя, веселитесь!
 Вотъ со дѣвушки вѣнокъ,
 Вотъ со молодужки платокъ,
 Ужъ со старой старушки,
 Вотъ шелковой платокъ. —
 Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
 Ужъ вы, красныя, веселитесь.
 Чей вѣнокъ толочу, волочу,
 Чей вѣнокъ толочу, волочу,
 По надлавочью, по залавочью?
 Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
 Ужъ вы, красныя, веселитесь!
 Я не дамъ вѣнна топтать,
 Я не дамъ вѣнка толочить,
 Я сама ли выскочу.
 Я сами ли выпляшу. —
 Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
 Ужъ вы, красныя, веселитесь!
 Чей платокъ толочу, волочу,
 Чей платокъ толочу, волочу.
 По улицъ, по скамѣечкѣ?

Ужь вы, дѣвушки, играйте,

Ужь вы, красныя, веселитесь!

Я не дамъ платка топтать,

Я не дамъ платка толочить,

Я сама ли выскочу,

Я сама ли выпляшу. —

Ужь вы, дѣвушки, играйте,

Ужь вы, красныя, веселитесь!

Чей шелковой толочу, волочу,

Чей шелковой толочу, волочу,

По улицѣ, до задворницъ?

Ужь вы, дѣвушки, играйте,

Ужь вы, красныя, веселитесь!

Я не дамъ шелкова топтать,

Я не дамъ шелкова толочить,

Я сама ли выскочу,

Я сама ли выпляшу!

Ужь вы, дѣвушки, играйте,

Ужь вы, красныя, веселитесь!

Ты старушка, стара,

Не подь силу молода;

Ты станомъ коротка,

Ты плечами широка.

Ужь вы, дѣвушки, играйте,

Ужь вы, красныя, веселитесь!

Я станомъ коротка,

Я плечами широка;

А на эти то плеча,

Три рябиновыхъ дубца,

Три дубца распареные.

Три дубца разжареные! —

Ужь вы, дѣвушки, играйте

Ужь вы, красныя, веселитесь!

Я повернула, пошла,

Будто ягода красна,

Будто земляника хороша!

Ужь вы, дѣвушки, играйте,

Ужъ вы, дѣвушки, веселитесь!

А у тѣ, что за чеботы?

Ты обейка-чеботы,

Ты пробей-ка чеботы.

Ужъ вы, дѣвушки, играйте,

Ужъ вы, дѣвушки, веселитесь!

Мнѣ не мужъ ихъ купилъ,

Мнѣ никто заводилъ,

Заводилъ Константинъ,

На свои шесть алтынъ. —

Хоть истопчутся,

Хоть вломятся:

Мой батюшка-то швецъ,

Мой женихъ-то купецъ,

Моя матушка прядьюшка,

Мнѣ вервину нарядеть.

Ужъ вы, дѣвушки, играйте,

Ужъ вы, красныя веселитесь! (*)

Это насмѣшка надъ тѣми дѣвушками, которыя ходять ^{Бранье} въ лѣсъ по ягоды и потомъ возвращаются безъ ягодъ. ^{ягодъ.} Послушаемъ, какъ започють намъ хороходныя насмѣшницы, пока не наберутъ ягодъ. Дѣлають хороходный кругъ, въ срединѣ его ходить одна дѣвушка, которая собираетъ ягоды, дотрогиваясь рукою до земли.— Изъ многихъ сообщенныхъ мнѣ пѣсней, правильнѣе, по моему мнѣнію, слѣдующая:

Пошли дѣвушки въ темны боры,

Пошли красныя въ лѣсъ по ягоды;

Ой люли, люли, по ягоды!

Всѣ дѣвушки ягодъ понабрали,

(*) Сахар. Сказ. Русск. нар., между хороход. пѣснями N° 47; отсюда она позаимствована, по причинѣ полноты.

Всѣ красныя понабрали

Ой люли, люли, понабрали!

Одна дѣвка ненабрала,

Одна дѣвка лишь гуляла.

Ой люли, люли, гуляла!

И горько растужилась:

Стала плакать, горевать,

Ой люли, люли, горевать!

Горю не чѣмъ помочь! —

Къ подругамъ взмолилась.

Ой люли, люли, взмолилась!

Подруженьки, голубушки,

Голубушки мои, сложитесь.

Ой люли, люли, сложитесь!

Вы сложитесь по ягодкѣ,

Вы бросьте мнѣ по горсточкѣ.

Ой люли, люли, по горсточкѣ!

У меня ли молодой,

У меня ли горемычной.

Ой люли, люли горемычной!

Отецъ не родной,

И мать не родная,

Ой люли, люли не родная!

У меня ли молодой.

Отецъ свекорь, мать свекровь!

Ой люли, люли, свекровь!

И бьютъ и журять,

По напрасну бранять.

Ой люли, люли, бранять!

Подруженьки не сложились,

Голубушки не сложились,

Ой люли, люли, не сложились!

Подруженьки отвѣтъ держать,

Голубушки говорить.

Ой люли, люли, говорить!

Никто ведель за кустомъ ходить,

Никто вельгъ по полямъ бродить.

Ой люли, люли, бродить.

Еще поють.

Пошли дѣвки въ сыры боры,

Пошли красны въ лѣсъ по ягодки

Ой люли, люли, въ лѣсъ по ягодки!

Всѣ дѣвушки по набралися,

Всѣ красныя понавлися!

Ой люли, люли, понавлися!

Одна дѣвка не набралася!

Одна дѣвка не навлася,

Ой люли, люли, не навлася!

Сама ходючи, растужилася,

Растужившиися взмолилася.—

Ой люли, люли, взмолилася!

Стала плакати,

Подругъ кликати,

Ой люли, люли, кликати!

Подруженьки, вы голубушки,

Вы голубушки сложитесь

Ой люли, люли, сложитесь!

Мнѣ сложитесь во ягодицъ,

Ахъ бросьте мнѣ по горсточкѣ!

Ой люли, люли, по горсточкѣ.

У меня вѣтъ младешинькой,

Не родной отецъ, не родная мать.

Ой люли, люли, не родная мать!

Подруженьки не сложилися,

Голубушки не сложилися,

Ой люли, люли, не сложилися!

Въ отвѣтъ держать подруженьки,

Въ отвѣтъ держать голубушки.

Ой люли, люли, голубушки!

Никто вельгъ за кустомъ ходить,

Никто вельгъ по полямъ бродить

Ой люли, люли, по полямъ бродить!

Байданъ. «Байданъ вечерняя игра сельской молодежи. Слово это вѣроятно татарское, остатокъ обычаевъ тѣхъ времянь, когда Россія находилась подъ игомъ Татаръ. Эта игра извѣстна только въ юго-восточной Россіи. — Первый байданъ бываетъ въ Оомино воскресенье, оканчивается въ послѣднее воскресенье, предъ петровымъ постомъ; онъ сходенъ или тождественъ съ хороводомъ. При захожденіи солнца, когда стада возвращаются съ полей, молодые парни, дѣвушки, молодки и женатые, поужинавъ засвѣтло, собираются на зеленый лугъ играть въ байданъ. — Сюда сходятся господскіе люди съ балалайками, пастухи съ рожками, обвитыми березкой, съ дудками кленовыми, тростниковыми и искусные пѣсельники. Тутъ начинаютъ пѣть, плясать и играть; вся деревня веселится. Подъ звукъ музыки раздаются плавнымъ хоромъ, многообразныя пѣсни.»

«Весеннія игры, превращены въ саратовской губер. въ *байданъ*.»

Такое истолкованіе забавъ, представленное г. Леопольдовымъ (*), вовлекло меня сначала въ большую ошибку. Я раздѣлялъ съ нимъ мнѣніе, что всѣ весенія игры носятъ названіе байдана, если не по всей юго-восточной Россіи, то по крайней мѣрѣ по всему саратовскому краю. Г. Леопольдовъ, сказавъ въ общемъ очеркѣ, что байданъ разыгрывается въ юго-восточной Россіи, не обозначилъ: въ какихъ именно мѣстахъ? — Изъ этого выходитъ, что онъ самъ не зналъ, — и сказалъ безъ всякой повѣрки. — Употребленіе байдана въ юго-восточныхъ мѣстахъ, казалось мнѣ тѣмъ правдоподобѣе, что саратовскій край былъ нѣкогда гиѣздилищемъ Татаръ, а особенно городъ Ца-

(*) См. Стат. опис. сар. губ. ч. 1. с. 72-73. изд. 1839 г.

ревъ, въ коемъ находилась столица Золотой Орды. Онъ сказалъ еще, что байданъ есть теждественная игра хороводу. — Имѣвъ случай находиться въ саратовской губер. и преимущественно въ тѣхъ уѣздахъ, кои заселены Татарами, я любопытноствовалъ знать: есть ли байданъ? Тутъ я спрашивалъ сначала у Русскихъ, живущихъ между Татарами: какъ играется байданъ?— Они смотрѣли на меня съ удивленіемъ и не понимали, что я спрашивалъ у нихъ. — Я повторялъ это нѣсколько разъ, они едва понимали меня, и отвѣчали, что никогда не слыхали про эту игру. — Тогда я обратился къ самымъ Татарамъ. — Они отвѣчали, что вовсе не знаютъ байдана, и даже нѣтъ у нихъ этого слова. Да гдѣ же употребляется байданъ? Стало быть гдѣ нибудь около Саратова! Я досадовалъ, что не могъ добиться толку. — Будучи въ Саратовѣ, не одинъ еще разъ, я сталъ спрашивать по прежнему у Русскихъ и у Татаръ, — но и тутъ они отозвались совершеннымъ невѣдѣніемъ. Я подумалъ, что они не хотятъ сказать мнѣ правды, потому спросилъ въ одной деревнѣ: играютъ ли здѣсь байданъ? Мнѣ отвѣчали рѣшительно: нѣтъ! — Только одна дѣвушка на вопросъ мой, отвѣчала мнѣ смѣючись: *байда*. — А что это байда? — спросилъ я. Такъ себѣ байда, отвѣчала она. Когда наскучитъ намъ, тогда мы поемъ пѣсни, бѣгаемъ и кружимся. — Вотъ и вся наша байда. — Не хороводъ ли это? — Нѣтъ! — Какъ начинаете играть въ байда? — Когда намъ вздумается, мы кричимъ своимъ подругамъ: полно бантъ та, давайте въ байда — да что жъ значить онъ? Такъ себѣ, *баемъ-да!* — А это что *баемъ-да?* Сидимъ, разговариваемъ, иногда *баемъ да поемъ*. — И только? — И только, иногда *баемъ*, да всселимся до самой полуночи. — Такъ вотъ

Часть IV.

въ чашѣ дѣло, подумай я. — Слово *баемъ да* — превращено въ байданъ!

Не приведи случай быть на мѣстѣ, я енорма. бы, что существуетъ байданъ, и думаю, что всѣ поступили бы одинаково со мною всѣ тѣ, которые читали про байданъ. — На татарскомъ языкѣ во все нѣтъ байдана, а есть однозвучное ему *бадьанъ*, значущее: блюдо, чашу, изъ которой пьютъ Татары воду или пиво; есть еще сѣмя бадьанъ. — Находится еще однозвучное байдану *майданъ*, только на арабскомъ языкѣ. Оно значить мѣсто конского бѣга и мѣсто битвы; въ этомъ значеніи употребляютъ его Татары, напр. въ пѣснѣ про богатыря Шюкерли: *Майданъ гурзеси урулды, анекердимъ Шюкерли*. т: е: на мѣстѣ битвы вамакнулъ кистенемъ, и я увидѣлъ Шюкерли. — Изъ всего этого выходитъ, что если байданъ неизвѣстенъ всему саратовскому краю, то тѣмъ болѣе въ юго-восточной части Россіи.

Не довольствуясь однако розыскиваніемъ байдана во саратовской губ., я обратился съ вопросами къ любезнѣйшимъ юго-восточной Россіи людямъ, живущимъ въ екатеринославской и херсонской губ., и послѣ двухгодичной, утомительной переписки, всѣ отвѣчали положительно, что никогда не слыхали о байданѣ. — Одинъ только извѣстилъ, что водороты по р. Вожи называются майданами, а другой, что между Татарами употребляется игра сабаганъ или сапаганъ, котораго правильное произношеніе зависитъ отъ мѣстнаго употребленія. Сабаганъ состоитъ въ томъ, что собираются Татары на поле, и тамъ совершаютъ скачку на лошадахъ, борются и предаются другимъ гимнастическимъ забавамъ. — Казанскіе Татары забавляются въ сабаганъ при стеченіи народа, какъ мнѣ разсказывали, и по большей части послѣ рамазана (поста), который приходится

въ сентябрѣ мѣсяцѣ. — Во многихъ мѣстахъ Малороссіи и землѣ донскихъ казаковъ, употребляется понынѣ слово *майданъ*, въ значеніи площади, а иногда въ смыслѣ сборнаго мѣста. —

II. ЛѢТНІЕ ХОРОВОДЫ.

Начнемъ съ любимой игры дѣвушекъ невѣсты, — съ ^{Русой} косы. — Кто не воспѣвалъ косу? Кто не писалъ ей похвалъ? Въ какой странѣ свѣта не составляетъ она украшеніе дѣвушекъ? На Руси въ почести русая коса, въ Малороссіи черная коса. — Коса въ главѣ, и самая красавица гордится ею. Въ сельской жизни она убирается розовой лентою, чешется роговымъ гребнемъ, умывается снѣжной водою или настоемъ изъ полевыхъ душистыхъ травъ. Не вѣкъ любитъся дѣвица прелестью косы! Наступаетъ время, въ которое она оставляетъ ее съ плачемъ, — это предъ вѣнчаніемъ. Безутѣшная невѣста сидитъ на скамьѣ, подруги горюютъ съ нею и поютъ на прощаніе русой косѣ. Приходить сваха и безжалостно расплетаетъ косу; потомъ рѣжетъ и прячетъ волосы подъ кичу. Слезы льются ручьемъ! Невѣста лишилась косы, а съ нею дѣвической своей свободы; съ потерей косы только видится ей одно горе впереди. —

При расплетаніи косы дѣвушки становятся хорОВОДОМЪ, вокругъ мнимой невѣсты, и поютъ. —

Подъ окномъ дѣвка сидѣла,

Подъ окномъ, окномъ косящетымъ:

Русу косу шлепа, къ себѣ дружка ждала.

Погляжу я въ окошечко,

Не идетъ ли милой мой?
 Ахъ! милой идетъ, ленимъ соколомъ летить,
 Бѣлыми рученьками помахиваетъ,
 Светлыми кудрями потряхиваетъ.
 Я встрѣтила середь широка двора,
 Съ радостью милова за руки взяла.
 Повела милова во свой теремъ,
 Посадила милова подъ своимъ окномъ.
 Дивись, мой милой, русой косъ!

Ахъ, косинька коса, дѣвичья краса!

Ужь ты засушила меня молодца,
 Вынула румянецъ изъ бѣлаго лица.
 Изъ бѣлаго лица, удалаго молодца!
 Не крушись мой милъ сердечной:
 Русая коса на утѣху рождена,
 На утѣху рождена, тебѣ обречена. —

Русая коса, коса косинька,

Расплетайся скорѣй!

Красна дѣвица!

Выдь за меня замужъ скорѣй. (*)

Еще поется иначе:

Какъ у насъ во околицѣ,

Какъ у насъ во свѣтлицѣ,

Подъ окномъ дѣвка сидѣла

Подъ краснымъ косящетымъ:

Буйну голову чесала,

Свою русу косу плела,

Къ себѣ дружка милого ждала.

Поглажу: млада въ окошко,

Ужь не идетъ ли милой другъ?

Ужь какъ мой милъ идетъ,

(*) Русая коса поется различно, но эта пѣсня помѣщена здѣсь потому, что она мнѣ кажется шазиве. —

Что несешь собою летить,
 Шапочку охорашиваешь,
 Блвыми руками помахиваешь,
 Черными кудрями потряхиваешь.

Я выходила молода,
 Изъ высока терема,
 На широкой дворъ;
 Встрѣчала друга милаго:
 За блвы руки хватала,
 Въ высокъ теремъ вводила,
 Подъ косящето окно сажала.
 Ужь ты милой другъ,
 Порадуйся со мной:
 Подивись моею русой косъ!
 Ахъ ты косынька, коса,
 Коса дѣвичья краса!
 Ужь какъ ты лъ, русая коса,
 Изсушила меня молодца,
 Потускнѣли черны очи,
 Позавяль румянецъ на лицѣ,
 Нѣту удали у добраго,
 Нѣту радости у молодчика. —
 Не плачь, не горюй,
 Другъ сердечной мой!
 Моя русая коса,
 Не на горе рождена;
 Моя русая коса,
 На роду тебѣ обречена.
 И по батюшкину повелѣнью,
 И по матушкину согласію,
 Расплетаетъ мою косу,
 Разладница сваха.

Ужь ты, русая коса,
 Расплетайся поскорѣй;
 Ужь ты красная дѣвица,
 Выдь скорѣй за меня. —

Невѣста. Дѣвушки собираются въ пѣлѣ и сговариваются: кому быть невѣстой, а кому свахою? Тутъ завязывается между ними споръ: каждая хочетъ по скорѣй услышать имя жениха, но каждая стыдится его. — Сваха становится въ срединѣ круга, и каждая изъ дѣвушекъ старается стать на такомъ мѣстѣ, чтобы послѣднее слово пѣсни *повель*, пало на нее. — Онѣ поютъ :

Стояло тутъ косово дерево,
 Вью, вью, вью, лелю!
 Въ той деревнѣ тыночекъ стоитъ.
 Какъ въ томъ тыночкѣ беседа сидитъ,
 Въ той бесѣдѣ пляшутъ дѣвицы.
 Мимо тутъ вхалъ удалой молодець,
 Снявши шапочку да дѣвкѣ челомъ,
 Слѣзши съ коня, онъ руку подаетъ.
 Дѣвица ему и поклонилась,
 Красна ему и руку подала.
 Взявши съ тыночка за руку повель,
 Вью, вью, вью, лелю! (°)

На кого пало послѣднее слово *повель*, тотъ выходитъ изъ круга. — Ту же пѣсню начинаютъ своа пѣть и продолжаютъ ее, пока не берется условленное число невѣстъ. — Потомъ сваха ставитъ каждую невѣсту отдѣльно, и ходя вокругъ нихъ поетъ, и тутъ уже на кого падеть послѣднее слово *повель*, та признается всѣми невѣстою, и ей выйти скоро замужъ. Прочія дѣвушки завидуютъ ей. Вездѣ зависть, но зависть дѣвушки происходитъ отъ нетерпѣнія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повторяютъ *люли* и *лели* послѣ всякаго стиха. Слѣдующая пѣснь, выражающая одно и то же, поется съ прибавленіемъ *люли*. —

(°) Прачъ: Собр. пѣсн. ч. 1. с. 58.

Какъ у нашихъ у воротъ,
 Стоитъ озеро воды.
 Ой люли, ой люли,
 Стоитъ озеро воды!
 Молодецъ коня поилъ,
 Къ воротичкамъ приводилъ!
 Ой люли, ой люли,
 Къ воротичкамъ приводилъ!
 Къ веревочкѣ привязалъ,
 Красной дѣвкѣ приказалъ.
 Ой люли, ой люли,
 Красной дѣвкѣ приказалъ!
 Красна дѣвица душа,
 Сбереги добра коня.
 Ой люли, ой люли,
 Сбереги добра коня!
 Сбереги добра коня,
 Коня семи тысячнаго.
 Ой люли, ой люли,
 Коня семи тысячнаго!
 Не сорвалъ бы повода,
 Не сломилъ бы удила.
 Ой люли, ой люли,
 Не сломилъ бы удила!
 Красна дѣвица идетъ,
 Словно павушка плыветь.
 Ой люли, ой люли,
 Словно павушка плыветь!
 На ней платье голубое,
 Лента алая въ косъ.
 Ой люли, ой люли,
 Лента алая въ косъ!
 На головушкѣ перо,
 Хоть пять сотъ рублей дамо.
 Ой люли, ой люли,
 Хоть пять сотъ рублей дамо!

Хоть пять сотъ рублей даю,
Стоитъ тысячи оно.

Ой люли, ой люли,
Стоитъ тысячи оно!

Сравне-
ніе мо.
в м х ъ
родст-
венни-
ковъ. Въ этомъ хороводѣ становятся дѣвушки въ кружокъ,
и взявшись за руки то сходятся, то расходятся и по-
ютъ.—Разыгрываютъ осенью и во время свадьбы. —

Репѣй стелется, растелается,

Ой дидь мой, репѣй,
Ой лада молода!

Да не быть репью,
Съ тыномъ ровну;
Да не быть свекру,
Супротивъ батюшки моего.

Ой дидь мой, репѣй,
Ой лада молода!

Репѣй стелется, растелается,

Ой дидь мой, репѣй,
Ой лада молода!

Да не быть репью,
Съ тыномъ ровну;
Да не быть свекрови,
Супротивъ матушки моей.

Ой дидь мой, репѣй,
Ой лада молода!

Репѣй стелется, растелается,

Ой дидь мой, репѣй,
Ой лада молода!

Да не быть репью,
Съ тыномъ ровну;
Да не быть ладу,
Супротивъ братцевъ моихъ. (*)

(*) Лада означаетъ въ этой пѣснѣ жену. Въ словъ о полку
Игоревъ принято въ такомъ же значеніи, наприм: «уже намъ

Кто не хочет замуж? Дѣвушки молчатъ, а это ^{Замужъ.} молчаніе есть убѣдительное доказательство пламеннаго ихъ желанія. Спросите у сердца дѣвушки, и вѣрно оно скажетъ: я замужъ хочу! Посмотрите на милень-

своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни душою сдумати, ни очима съглядати.» Въ нарѣчій *ладно*, въ прилагательномъ *ладный*, означаютъ хорошо, хорошей а отнюдь не милый, какъ объясняетъ И. В. Савельевъ — Ростиславичъ (см. Славянскій сборникъ с. 246 изд. 1845 г.) словомъ *ладный*. — Сама ладъ не всегда употребляется въ пѣсняхъ въ смыслѣ жемъ, и часто *ладо*, *лада*, какъ *дидъ* и *ладо*, замѣняютъ окончательный пѣсельный припѣвъ, подобно *лею*, *ой люли*, *люшѣтны*, *вѣю*, *вѣю*, *вѣю*, и т. д. — Въ такомъ смыслѣ поставленъ ездѣ припѣвъ *дидъ*. — Въ саратовской губерніи, собираясь дѣвушки играть хороводъ или пѣть пѣснь, говорятъ: *давайте диджатъ*, т. е. пѣть *дидъ* и *ладо*, потому здѣсь почти каждая пѣснь разыгрывается съ припѣвомъ: *ой дидъ*, *ой ладо*. — Нѣкоторые думаютъ, что Ладъ вѣроятно былъ посвященъ весенній праздникъ красной горки (Снегир. Русск. простонар. праздничкі вып. III с. 27.), и что Лада была богиня между русскими Славянами. — Эту богиню выдумалъ польскій лѣтописецъ Стрыйковскій, и она никогда не была чествуема между нашими предками. — И. В. Савельевъ-Ростиславичъ утверждаетъ (см. Славянскій сборникъ, с. 245), что божество Ладо было известное всѣмъ племенамъ славянскимъ, ссылаясь на надпись, найденную недалеко отъ Сальцбурга, въ монастырѣ св. Павла. Въ той надписи находится: *Latobio sac (rum) pro salute Nami Sabiniani et Iuliae Babillae Vindonia mater v (oto) v (olvit) l (oco) l (egitimo) m (onumentum)*. Но Латобія не есть лада. — Онъ говоритъ еще, что «Славяне задунайскіе много поютъ свадебныхъ пѣсень въ честь богини Ладъ.» — Очень жаль, что не указано нѣсть изъ задунайскихъ пѣсень. Я никогда не читывалъ, чтобы при ихъ свадьбахъ пѣли въ честь богини Ладъ. — Потомъ, желая подтвердить свое мнѣніе, что въ богемскомъ словорѣ *Mater verb.* слово Лада однозначущее съ Венерою: *Venus; dea libidinis, Cytherea*, говоритъ, что въ густинской лѣтописи (с. 256—257.) Лада названа «*богомъ* женитвы, веселія, утѣшенія

кое розовое созданіе, оно такъ и говорить: я замужъ хочу! Дѣвушки разборчивы въ выборѣ жениховъ, а это и есть причина, что переборъ столько дѣлаетъ помѣхъ въ семейныхъ домахъ.

Хороводъ составляется изъ взрослыхъ обоого пола. Молодецъ ходитъ вокругъ хоровода, высматриваетъ себѣ неvěсту, а хороводъ поетъ:

и всякаго благополучія. — Развъ все равно, что Лада и богиня Венера, Лада и богъ со многими свонствами, какъ то: богъ женитвы (женидьбы?) веселія, утѣшенія и всякаго благополучія. — После всѣхъ свонхъ выводовъ онъ заключаетъ, что въ русскомъ языкѣ *лада*, *ладушка* значать мужа, — следовательно лада уже не есть ни богиня, ни богъ а просто мужъ.

Ищущимъ Ладу въ созвучіяхъ, не доставало указать на *Ладонъ*, которая у Грековъ именовалась ивогда дракономъ, оберегавшимъ гесперидскіе съ золотыми яблоками сады, или на ту *Ладонъ*, которая въ Аркадіи была рѣка, коея дочь Метопія находилась, по баснословнымъ рассказамъ, въ замужствѣ за Аэопомъ, рачкою еивскою. —

Draco, qui roma ipsa servabat, Typhonis et Echidnae filius, Ladon vocabatur.

*Ergantesque locum sacrum venero, ubi Ladon
Aurea servabat flaventia mala decora
Anguis terrigena, hic ubi coelo attolitur Atlas.
Шум curabant nymphae praedulce canentes,
Hesperides truncum amplexus sed ab Hercule caesus
Is fuit.*

Cum esset etiam Ladon fluvius Arcadiae, cujus filia fuit Metope uxor Asopi Thebani fluminis. è qua Thebe nympa urbi nomen dedit. Hunc serpente a terra natu fuisse, testatur Pausan. at non e Typhone et Echidna, ut ait Apollon. enarrator.—Natalis Comitum Mythologiae, с. 734—735, кн. VII. издан. Франкф. 1596. года.

Въ заключеніи можно сказать словами Ювенала:

Nec pueri credunt, nisi qui nondum aëre lavantur.

Через кругъ летить соколъ,
Калина, малина моя!

Глядитъ и посматриваетъ,
Калина, малина моя!

Пора двушекъ замужъ,
Калина, малина моя!

Пора красныя замужъ,
Калина, малина моя!

Охъ ты двушника душа,
Поди замужъ за меня;
Не пойдешь, спокоешься,
Вспомняешь меня. —

Через кругъ летить соколъ,
Калина, малина моя!

Глядитъ и посматриваетъ,
Калина, малина моя!

Пора двушекъ замужъ,
Калина, малина моя!

Пора красныя замужъ,
Калина, малина моя!

Сосвдушки, собранушки:
Каковъ завязій гость? —
Спохвалили молодца,

Иду замужъ за тебя!
Калина, малина моя!
Иду замужъ за тебя!

Еще поють:

Молодецъ кудреватый,
Надёжа моя!

Разчесалъ милый кудри,
Утѣха моя!

Зантралъ милый въ гусли,
Надёжа моя!

Какъ струна струнъ молвить:
Утѣха моя!

Пора молодцу жениться,
 Надежда моя!
 На душе ли на вдовице?
 Утѣха моя!
 Не женись холостой,
 Утѣха моя!
 Не женись молодецъ,
 Надежда моя!
 На вдовъ своенравной,
 Надежда моя!
 Расчесалъ милый кудри,
 Утѣха моя!
 По алому кафтану,
 Надежда моя!
 По парчевому камзолу,
 Утѣха моя!
 Заигралъ милый въ гусли,
 Надежда моя!
 Какъ струна струнъ молвить:
 Утѣха моя!
 Пора молодцу жениться,
 Надежда моя!
 На душе ль красной дѣвице?
 Утѣха моя!
 Женись молодецъ,
 Надежда моя!
 Женись холостой,
 Утѣха моя!
 На дѣвице красной,
 Надежда моя!

Молодецъ выбралъ себѣ неvěсту и беретъ ее. — Игра переходитъ потомъ на другаго. Въ иныхъ мѣстахъ молодецъ ищетъ неvěсты, играя на балалайкѣ. —

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей приводятъ на этотъ

случай, какъбы общепринятую при хороходныхъ пѣ-
сняхъ:

Черезъ кругъ летить утка,

Калина, малина моя!

Черезъ нашъ хороводецъ,

Калина, малина моя!

Пора дѣвушекъ замужъ,

Калина моя!

Пора красныхъ замужъ,

Калина, малина моя!

За крестьянскаго ль сына,

Калина, малина моя!

У крестьянскаго сына

И толочъ и молотъ,

Рѣшетомъ подсвѣвать,

Калина, малина моя!

Черезъ кругъ летить утка,

Калина, малина моя!

Черезъ нашъ хороводецъ,

Калина, малина моя!

Пора дѣвушекъ замужъ,

Калина, малина моя!

Пора красныхъ замужъ,

Калина, малина моя!

За боярскаго сына,

Калина, малина моя!

У боярскаго сына

Окошки косыя,

Собаки борзыя,

Калина, малина моя!

Черезъ кругъ летить утка,

Калина, малина моя!

Черезъ нашъ хороводецъ,

Калина, малина моя!

Пора дѣвушекъ замужъ,

Калина, малина моя!

Пора красныхъ замужъ,
 Калина, малина моя!
 За старостина сына,
 Калина, малина моя!
 У старостина сына
 Прянички сладенькіе,
 Медъ сыченой, —
 Калина, малина моя!

Любить
 не люб-
 лю, отка-
 зать не
 хочу.

У кого что на умѣ, у того и на дѣлѣ. Дѣвушки
 взявшись за руки, составляютъ хороводъ. Тутъ кумуш-
 ка управляетъ хороводомъ дѣвицъ, и она намекаетъ на
 ихъ жениховъ часто по имени, а нетерпѣливыя дѣву-
 шки иногда проговариваются сами.

Какъ пошли наши подружки,
 Въ лѣсъ по ягоды гулять!
 Вью, вью, вью, вью,
 Въ лѣсъ по ягоды гулять!
 По черную черничку,
 По красну земляничку.
 Вью, вью, вью, вью,
 По красну земляничку!
 Онѣ ягодъ не набрали,
 Подруженьку потеряли!
 Вью, вью, вью, вью,
 Подруженьку потеряли!
 Любимую подружку,
 Свѣтъ Катеринушку.
 Вью, вью, вью, вью,
 Свѣтъ Катеринушку!
 Не въ лѣсу ли заблудилась?
 Не въ травѣ ли заплелась?
 Вью, вью, вью, вью,
 Не въ травѣ ли заплелась?.

Какъ бы въ лѣсу заблудилась,
То бы лѣсы преклонились.

Вью, вью, вью, вью,

То бы лѣсы преклонились!

Какъ бы во травѣ заплелась,
Трава бы шелкомъ повилась.

Вью, вью, вью, вью,

Трава бы шелкомъ повилась!

Найду я по тропинкѣ,

Найду я три елиньки.

Вью, вью, вью, вью,

Найду я три елиньки!

Подъ елинькою кровать,

На кровать-то перина.

Вью, вью, вью, вью.

На кровать-то перина!

На кровать-то перина,

На перинѣ-то свѣтъ Катерина.

Вью, вью, вью, вью.

На перинѣ-то свѣтъ Катерина!

Персакъ ней стоитъ дѣтина,

Онъ и просить Катерину,

Вью, вью, вью, вью,

Онъ и просить Катерину!

Когда любишь, такъ скажи,

А не любишь откажи.

Вью, вью, вью, вью,

А не любишь откажи!

Я любить не люблю,

Отказать не хочу.

Вью, вью, вью, вью,

Отказать не хочу!

Я любить не люблю, отказать не хочу, вполне раскрываетъ женское сердце, которое на все готово, если рѣшится. — Еще есть и другая пѣснь:

Часть IV.

15

Околя Дону, околя Дону,
 Около тихого Дону,
 Добрай молодець гуляеть,
 Добрай молодець гуляеть,
 Табуны коней затоняеть,
 Кони, кони веронны!
 На нихъ уеды золотыя,
 Чешраки парчевыя,
 Подковы серебряныя.
 Ужь ты, дѣвица душа!
 Догадайся, догадайся!
 Ужь и рада бы догадаться,
 Роднаго батюшки боюсь,
 Я боюсь, я боюсь отца,
 Да потѣшу молодца.
 За то его потѣшу,
 Что одинъ сынъ у отца.

По-
дарокъ.

Въ другихъ мѣстахъ хороводная игра подарокъ, но-
 сить названіе *приданое невесты* и разыгрываютъ лѣтомъ.
 Ее поютъ такъ же предъ дѣвичникомъ, когда готовятъ
 приданое. Подарокъ есть игра свадебная, употребляется
 наиболѣе въ сѣверной Россіи. Если свадьбѣ случится
 быть лѣтомъ, то выносятъ невестину перину и кладутъ
 ее на траву; дѣвушки дѣлаютъ кругъ около перины и пѣ-
 сню напоминаютъ, что уже нѣтъ между ними одной.—

Какъ у насъ во садикѣ,
 Много было цвѣтовъ посѣяно,
 А не много ихъ уродилося. —
 Какъ у насъ ли во теремѣ,
 Много было красныхъ дѣвушекъ,
 А теперь не много осталось.

Сваха выходитъ изъ круга, садится на перину и
 говоритъ: ну дѣвушки, не горюйте, запойте-ка пѣс-

ню веселую. Одна изъ нихъ отвѣчаетъ ей: охъ сваха, сваха! ты свела нашу подругу изъ нашего двора. Другія между тѣмъ начинаютъ пѣть:

Какъ у насъ во дворъ,
 Какъ у насъ во широкомъ,
 Люли, люли, во широкомъ!
 Стоять дѣвушки въ кругу,
 Стоять дѣвушки въ кругу.
 Люли, люли въ кругу!
 Одной лишь нѣтъ, какъ нѣтъ,
 Одной-то нѣтъ, свѣтъ Марьюшки,
 Люли, люли, Марьюшки!
 Она ждетъ пождетъ къ себѣ,
 Друга милаго, суженаго!
 Люли, люли, суженаго!

Послѣ словъ, выражающихъ ожиданіе невѣсты, какъ здѣсь: она ждетъ пождетъ къ себѣ, друга милаго суженаго, — сваха переворачиваетъ перину, сбиваетъ и потомъ стелетъ; дѣвушки поютъ:

Стелю, стелю перинушку,
 Стелю, стелю пуховую,
 Люли, люли, пуховую!
 Кого люблю, кого люблю,
 Кого люблю, тому подарю,
 Люли, люли, подарю!
 Не дарикъ большой, а любовней, —
 Пуховую перинушку.
 Люли, люли, перинушку!
 Ты види, свѣтъ Марьюшка,
 Ты бери за былы руки суженаго,
 Люли, люли, суженаго!
 Дари суженаго подаркомъ,
 Дари суженаго перинушкой!
 Люли, люли, перинушкой!

По окончаніи пѣннѣ выходитъ изъ круга дѣйствительная невѣста, и даритъ своихъ подругъ розовыми ленточками. — Сваха спрашиваетъ ее: полно, ты ли невѣста? — Сваха свашушка, отвѣчаетъ она со вздохомъ: не сама ли ты засватала!—Въ это время выходитъ мать невѣсты и даритъ сваху бѣлымъ или краснымъ платкомъ, и говоритъ ей: родимая! полно-тѣ вопрошать.— Подруги берутъ невѣсту подъ руки, сажаютъ ее на перину и вносятъ въ комнату, съ окончательнымъ припѣвомъ:

Дари суженаго подаркомъ,
Дари ряжеваго перинушкой,
Люли, люли, перинушкой!

Покор-
ще дѣви-
цы.

Здѣсь принимаютъ участіе не однѣ дѣвцы, но и молодые парни. Составивъ хороводъ, ходятъ кругомъ и поютъ: первый стихъ весьма протяжно, а второй скоро:

Ахъ по морю! ахъ по морю!
Ахъ по морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бѣлая моя. —
Ни тряхнется, ни тряхнется,
Ни тряхнется, ни ворохнется,
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ осень соколъ.
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую мою.
Онъ кровь пустилъ, онъ кровь пустилъ,
Онъ кровь пустилъ, по снѣгу морю.
Онъ перушки, онъ перушки,
Онъ перушки пустилъ по чисту полю;
Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,

Онъ пухъ пустилъ по подь небесью. —
 Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась,
 Краснѣ дѣвица душа!
 Брала перья, брала перья,
 Брала перья лебединыя мои.
 Клала въ шапку, клала въ шапку,
 Клала въ шапку соболиную.
 Милу дружку, милу дружку,
 Милу дружку на подушечку.
 Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
 Гдѣ ни взялся, доброй молодежи.
 Бѣгъ на помощь! Богъ на помощь!
 Богъ на помощь красна дѣвица душа!
 Она жъ ему, она жъ ему,
 Она жъ ему ни поклонится.
 Добро дѣвка, добро дѣвка,
 Добро дѣвка, дѣвка красная моя!
 Будеть время, будетъ время,
 Будеть время и поклоннисья мнѣ.
 Будешь стоять, будешь стоять,
 Будешь стоять у кровати моея.
 Будешь держать, будешь держать,
 Будешь держать шелковую плеть въ рукахъ.

Съ окончаніемъ пѣсни одна изъ дѣвушекъ, признанная *за покорщице*, кланяется своему молодцу, а иногда и всѣ дѣлаютъ поклоны, каждая своему парню.—

Покорщице дѣвка значить покорная дѣвица. Она должна смириться предъ своимъ женихомъ, и должна помнить, что когда сдѣлается его женой, тогда она будетъ стоять у его кровати и разувать съ него сапогъ, изъ котораго онъ возьметъ плеть и будетъ ее бить, въ знакъ его власти надъ нею. Игра покорщице дѣвицы, есть любимѣйшая у поселянъ. Почему? Потому что здѣсь участвуютъ тѣ, которые имъ милы по сердцу и желанію, отъ того и всѣ прочія для нихъ *игры не та*

ры. Здѣсь имъ позволено и смѣяться, глядѣть другъ на друга и жать руку. Всегда дѣвушки любятъ такія игры, въ коихъ допускается свободное потѣшеніе.

Поютъ эту самую пѣснь съ сокращеніемъ, но смыслъ ея одинъ и тотъ же:

Какъ по морю синему
 По синему хвалынскому,
 Плыветъ стая гусей стрыхъ,
 Другая стая лебединая.
 Ходилъ, гулялъ доброй молодець :
 Онъ застрѣвилъ лебедь былюю.
 Кровь пушалъ въ сыру землю,
 Пухъ пушалъ по чисту полю.
 Собирались красныя дѣвушки,
 Пуху брати лебединого. —
 Мимо ѣхалъ доброй молодець,
 Богъ помочь вамъ, красныя дѣвушки!
 Пуху брати лебединого.
 Всѣ дѣвушки поклонилися,
 Одна дѣвка не поклонилась.
 Грозилъ парень красной дѣвушкѣ :
 Добро дѣвка, добро красная,
 Станешь дѣвка у кровати стоять,
 Станешь красная горючія слезы ронять. —

Женить. Это насмѣлка надъ заѣзжими женихами, которые, сватаясь и перебирая долго новѣстами на своей спорой, женятся наконецъ на чужой. Люди смѣются надъ таковыми женихами, дѣвушки осыпаютъ ихъ укорушками.

Мушны и дѣвушки дѣлаютъ кругъ; мушны, выбравъ нѣвъ среди себя одного побойчѣ, называютъ его женцхомъ и ставятъ посрединѣ; потомъ мѣютъ:

Какъ подь лѣсомъ, лѣсомъ, шелкова трава,

Ой ли, ой ли, ой люшеньки, шелкова трава!

Ходилъ гулялъ донской козакъ, самъ въ скрипку игралъ,

Ой ли, ой ли, ой люшеньки, шелкова трава!

Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ.

Изъ круга выходитъ дѣвушка, и ходить съ женихомъ:

Хорошая, прихожая, поди замужъ за меня!

Не пойдешь, спокоешься, вспомнешь меня!

Невѣста отвѣчаетъ:

Пойти было къ сосѣдушкамъ, спросить про тебя:

Сосѣдушки, голубушки, каковъ человекъ?

Хороводные отвѣчаютъ:

Онъ пьяница, пропойца, пропьешь и тебя!

Невѣста смотритъ на жениха съ презрѣнiемъ, и говоритъ:

Сосѣдушки, голубушки, не хвалить тебя:

Ты пьяница, пропойца, пропьешь и меня.

Невѣста входитъ въ свой кругъ; начинаютъ снова пѣть:

Какъ подь лѣсомъ, лѣсомъ, шелкова трава,

Ой ли, ой ли, ой люшеньки, шелкова трава!

Ходилъ, гулялъ, донской козакъ, самъ въ скрипку игралъ,

Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ.

Изъ круга выходитъ другая дѣвушка, и останавливается предъ женихомъ. —

Хорошая, пригожая, поди замужь за меня!
 Не войдешь, вспокашься, вспомянешь меня.

Невѣста обращается къ сосѣдушкамъ, ходитъ съ хоро-
 роводомъ и отвѣчаетъ:

Пойти было къ сосѣдушкамъ, спросить про тебя:
 Сосѣдушки, голубушки, каковъ человекъ?

И помодчавъ нѣсколько, она говоритъ ему вѣрло:

Сосѣдушки, голубушки, хвалили тебя.
 Вино кури, пиво вари, иду замужь за тебя!
 Ой ли, ой ли, ой люшеньки!
 Иду замужь за тебя.

Женихъ беретъ невѣсту за руку, хороходные пов-
 торяють:

Ой ли, ой ли, ой люшеньки!
 Иду замужь за тебя.

Тѣмъ оканчивается игра, потомъ выбираютъ друга-
 го жениха, если хотятъ продолжать хороходную шут-
 ку надъ женихомъ. —

Дѣвушкамъ пріятно забавляться женихами, но подъ
 ихъ шуткою бьется пламенное желаніе: скорѣе за-
 мужь! Иногда изъ шуточной игры женихъ, онъ дѣ-
 лается настоящимъ женихомъ (*).

Коверъ. За нѣсколько дней до выхода замужь, подруги не-
 вѣсты собираются къ ней въ домъ. Тамъ онѣ поютъ

(* Пѣсенникъ, изд. С. П. Б. 1819 г. ч. 4. с. 57.

съ нею дѣвическія пѣсни, а потомъ выходятъ изъ ея дому хороводомъ на улицу или въ садъ. Въ срединѣ хоровода идетъ дѣйствительная невѣста, съ бѣлымъ въ рукѣ платкомъ, который представляетъ коверъ. И что же значить коверъ?—Тотъ будущій коверъ, на которомъ она должна стоять предъ вѣнчаніемъ съ своимъ суженымъ. Она обязана приготовить коверъ заранѣе и отдать его своимъ дѣвушкамъ. При выходѣ изъ дому, встрѣчаетъ ихъ толпа молодыхъ людей, съ припѣвомъ:

Ты не пой соловей,
Ты не пой молодой,
При долинь!
Ты не вей гвѣзда,
Ты не вей гвѣзда,
При терезы!

Дѣвушки отвѣчаютъ:

Какъ во теремъ дѣвица,
Дорогой коверъ вышиваетъ;
Она золотомъ коверъ вышивала,
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужъ кому мой коверъ достанется?
Доставался мой коверъ
Старому мужу.

Невѣста отвѣчаетъ:

Я могу ковра убавить,
Я со всѣхъ сторонъ, со четырехъ,
Я со всѣхъ угловъ, съ золотыхъ.

Хороводныя продолжаютъ:

Какъ во теремъ дѣвица,
Дорогой коверъ вышиваетъ:

Она золотомъ коверъ вышивала;
 Она жемчугомъ коверъ ушивала.
 Ужь кому коверъ мой достанется?

Невѣста отвѣчаетъ:

Достанется мой коверъ
 Ладу милому.

Я хочу ковра прибавить:
 Я со всѣхъ сторонъ, со четырехъ,
 Со всѣхъ угловъ, съ золотыхъ.

Послѣ этихъ словъ невѣста отдаетъ свой коверъ подругамъ; одна изъ нихъ, представляющая жениха, беретъ ее за руку и выводитъ изъ круга. Прочія дѣвушки не останавливаются на этомъ: каждая изъ нихъ разыгрываетъ невѣсту, съ соблюденіемъ обыкновенныхъ правилъ. Въ иныхъ мѣстахъ играютъ коверъ просто. Собираются дѣвушки въ хорошее дѣтнее время на лугъ, выбираютъ изъ себя невѣсту и поютъ хороудный коверъ. —

Замуж-
 ная
 жизнь.

Многія изъ замужнихъ весьма часто вспоминаютъ о своемъ дѣвчествѣ; не разъ вскружится головушкѣ, когда она припомнитъ прошлую, беззаботную свою жизнь. Неволя замужней жизни ясно обозначена въ пѣсни, сочиненной не безъ причины на этотъ случай. Тяжелыя работы нашихъ женщинъ, а требованій еще болѣе отъ нихъ мужей, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ, что поселанки многократно горюютъ о невозвратной своей волюшкѣ. Родимая не отягощала свою дочь работами, родимый не бралъ ее съ собою боронить поле, — а теперь? замужняя головушка дѣлай то, что мужъ прикажетъ; ходи по терновымъ кустамъ и пейсь на солнцѣ, не досыпай ночей и работай до нуту, —

Замужняя жизнь, говорят и некоторые, разыгривается осенью. Нѣтъ, она разыгривается и лѣтомъ и весною, когда вздумается хороводу. Для многихъ забавъ нѣтъ раздѣла времени.—Въ этой игрѣ участвуютъ не только дѣвушки и молодёжь, но жены и мужья.—Хороводные, взявшись за руки, поютъ всё вмѣстѣ съ избранною ими кумою, которая находится у нихъ по срединѣ. Она своими движениями, какъ то: глазъ, плечей, рукъ и проч., указываетъ на жизнь замужней женщины.

Я пойду, пойду, во зеленой садъ гулять,
 Пойду я молодова соловья.
 Соловей ты мой батюшка!
 Ты скажи, скажи, скажи, мой младъ соловей:
 Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
 Молодушкамъ нѣтъ волюшки,
 Краснымъ дѣвушкамъ своя воля гулять.
 У молодухи три кручинушки:
 Да какъ первая кручинушка,
 Слатъ пуховую перинушку;
 А другая-то кручинушка,
 Растворай жена широки ворота;
 А какъ третья-то кручинушка,
 Ъдетъ, ѡдетъ, мой ревнивый мужъ домой;
 Онъ везетъ, везетъ, гостиницы дорогой:
 Шелкову плетку, кнуто кутовое:
 Да ударить меня межъ бѣлыхъ плечъ!
 Стала съ мужа кафтанъ скидывать,
 Часты пуговки растегивать.
 Хоть и рученьки бѣлешеньки,
 На рукахъ ли золоты перстни,
 Только стану, стану, мужа разувать.
 Про замужнюю жизнь вспоминать (*).

(*) Сахар. Сказ. Русск. мар. ч. 2. с. 103. У него эта пѣснь полнѣе, нежели помѣщенные въ другихъ пѣсенникахъ.

При послѣднемъ стихѣ: *про замужнюю жизнь вспоминать*; иногда кума киваетъ головою такъ неосторожно, что иной немедленно бросаетъ игру. Надъ нимъ смѣются а его молодушка дрожить, какъ вспомнить про свою жизнь. Эта игра одна изъ поучительныхъ для семейнаго быта. — Слѣдующая пѣснь, выражающая отношеніе замужней: къ свекрову, свекрови и мужу; сходствуетъ съ замужней жизнію.

Я въ садъ пойду, во зелень пойду,

Ой люли, ой люли!

По былъ капуста,

По былъ кочешекъ.

Не успѣла подойти,

Не успѣла подойти,

Ой люли, ой люли!

Бѣжить моя золовушка,

Изъ высокаго терема :

Подъ невѣстушка домой,

У насъ дома нездорова,

Нѣчто сдѣлалось :

Новы сѣни подломилась,

Кроватушки опустились,

Свекоръ батюшка упалъ.

Какъ бы я была вѣстима,

Я бы выше подмостила,

Горючь камень подложила.

Ой люли, ой люли!

Я въ садъ пойду, во зелень пойду,

Ой люли, ой люли!

Не успѣла подойти,

Не успѣла заломить.

Ой люли, ой люли!

Бѣжить моя золовушка,

Изъ высокова терема :

Подъ невѣстушка домой,

У насъ дома нездорова,
 Ничто сдѣлалось.
 Новы сѣни подломнились,
 Кроватушки опустились,
 Свекровь матушка унала.
 Какъ бы я была вѣстима,
 Я бы выше подмостила.
 Ой люли, ой люли!
 Я въ садъ пойду, во зеленъ пойду.
 Ой люли, ой люли!
 Не успѣла заломить,
 Ой люли, ой люли!
 Бежить моя золовушка,
 Изъ высокова терема:
 Подъ невѣстуска домой.
 У насъ дома нездорова,
 Ничто сдѣлалось.
 Новы сѣни подломнились,
 Кроватушки опустились,
 Твой лада упалъ. —
 Какъ бы вѣстима была,
 Я бы ниже подмостила:
 Я бы перинку подложила;
 Ой люли, ой люли!

Это есть воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда Женина
любовь. женскій полъ проводилъ свою жизнь въ теремахъ и свѣтлицахъ; когда ему запрещалось говорить съ холостымъ, глазъ на глазъ; когда дѣвушка выходила замужъ, не зная за кого выходить: обязывалась его любить изъ боязни къ одной плети. Игра женина любовь осталась единственно въ хоровахъ, для осмѣянія жестокости самовластныхъ мужей; она не вездѣ въ употребленіи. — Веселой порой разыгрываютъ всѣ вмѣстѣ: мужа, жены, молодцы и дѣвушки.

Старики, посматривая на играющихъ, хвалятъ стараго мужа и говорятъ ему: не давай волюшки молодой женѣ: поживетъ, слюбится. —

Женщины и мушныны любятъ эту игру, но не вездѣ соблюдаютъ однообразное правило при разыгрываніи: болѣе или менѣе оно измѣняется по мѣстному разыгрыванію. Дѣвицы дѣлаютъ изъ себя кругъ, въ средину круга выступаетъ молодецъ и дѣвица, но чаще двѣ дѣвицы: одна изъ нихъ занимаетъ мѣсто мужа и надѣваетъ на свою голову шляпу а другая представляетъ жену. Хороводныя ходя, поютъ:

Я повѣду жена,
Въ Китай городъ гулять.
Жена моя женушка,
Сердитое сердце твое!
Я куплю тебѣ жена,
Кисей на рукава.
Жена моя женушка,
Сердитое сердце твое!
Вотъ тебѣ, жена,
Кисей на рукава!

Представляющая жену ходитъ отворотясь, и не глядитъ на своего мужа. Мужъ подаетъ ей кисею, жена вырываетъ у него изъ рукъ и бросаетъ на землю, хоръ поетъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любитъ:
Гдѣ не сойдется, не поклонится,
Отворачивается. —
Я повѣду жена,
Въ Китай городъ гулять,
Я куплю тебѣ жена,
Золото колечко. —

Мужъ подаетъ ей кольцо, жена отталкиваетъ отъ себя и ходитъ отверотясь.

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любитьъ :
Гдѣ ни сойдется, не поклонится,
Отворачивается.

Я поведу жена,
Въ Китай городъ гулять,
Я куплю тебѣ жена,
Шелковую плетку.
Вотъ тебѣ жена,
Дорогой подарокъ!

Жена смотритъ на своего мужа ласково, мужъ бьетъ ее плеткой, а она кланяется ему; хоръ поетъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена-то мужа любитьъ :
Гдѣ ни сойдется, все поклонится
Поцѣлуется.

Жена моя, женушка,
Отходчиво сердце твое! (*)

Женина любовь разыгрывается въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ иначе. Играющіе мужа и жены, иногда разыгрываютъ въ комнатѣ и пляшутъ. Всѣ прочіе сидятъ во время пѣнія.—Когда мужъ заглядываетъ въ лице своей жены, тогда она отворачивается отъ него съ сердцемъ. Въ это время поютъ :

Да жена моя женушка,
Ревнивое сердечко!

(*) Сынъ отеч. 1837 г. с. 401.

Посмотрите, добры люди,
 Какъ жена мужа не любить.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Посмотрите, добры люди,
 Какъ жена мужа не любить:
 И не любить его и не смотреть на него.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Какъ повду молодець въ Китай городъ гулять.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Да куплю я женѣ кумачные рукава.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Вотъ тебѣ жена, кумачные рукава.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!

Мужъ кладетъ на плечо жены платокъ, который она сбрасываетъ.

Посмотрите, добры люди,
 Какъ жена мужа не любить.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 И не любить я не смотреть на него.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Какъ повду молодець въ Китай городъ гулять.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Да куплю я женѣ глазетову юбку.
 Да жена моя, женушка,
 Ревнивое сердечко!
 Вотъ тебѣ жена, глазетова юбка!

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Мужъ кладеть на плечо жены шелковый или другой какой либо платокъ, который она сбрасываетъ сердито, но разсудивъ, что она поступаетъ съ своимъ мужемъ не хорошо, переменяется вдругъ: дѣлается внимательнѣе къ словамъ его, и это вниманіе усиливается за всякимъ стихомъ, болѣе и болѣе:

Ну смотрите, добры люди,
Какъ жена мужа полюбить,
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Какъ побѣду молодець, въ Китай городъ гулять.

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Какъ куплю я женъ да шелкову плѣтку.

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Вотъ возьми, тебѣ жена, шелкова плѣтка.

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Онъ бросаетъ на ея шею скрученный платокъ; она, поправивъ его на себѣ, бѣжитъ къ мужу и смотритъ ему въ глаза.

Вы видите, добры люди,
Какъ жена-то мужа любить.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Она любить меня, она смотритъ на меня.

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Она смотритъ на меня, поцѣлуеть меня.

Да жена моя, жешушка,
Ревнивое сердечко!

Жена цѣлуетъ мужа и этимъ окончивается игра.

Припѣвъ пѣсни къ ревнивой женѣ, измѣняется по мѣстностямъ, напримѣръ: въ пензенской губерніи хороводные, избравъ мужа и жену и поставивъ ихъ въ свой кругъ, такъ начинаютъ:

Растворяйтесь широкія ворота!
Какъ повдуду ль я въ Китай городокъ,
Я куплю женѣ подарокъ,
Дорогой китайки.
Ты прійми жена, не ломайся,
А послѣ не кайся.

Мужъ кладетъ ей на шею ширинку, она сбрасываетъ и отворачивается отъ него. Онъ начинаетъ пѣть, а хороводъ вторить ему:

Поглядите-ка, добры люди;
Какъ жена меня не любить,
Меня молодца ненавидить.

Товарищи мужа остановившись, спрашиваютъ его:

Ты скажи-ка намъ,
Бравой хватъ Иванъ:
Что поладилъ ли съ женой,
Ты съ своей молодой?

Мужъ отвѣчаетъ, что онъ не поладилъ еще, и поетъ съ хороводомъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена меня не любить,
Меня молодца ненавидить.

На мужа сыплются насмѣшки и укоризны, что онъ въ плехъ и худъ, что онъ малъ и работать не умѣетъ, и что хотя привезъ жень подарокъ, однако никуда не годится. Потомъ начинаютъ снова:

Растворяйтесь широкия ворота!
 Какъ повду ль я въ Китай городокъ,
 Привезу жень подарокъ:
 Шубку, юбку, тьлогрынку.
 Ты прійми жена, не ломайся,
 А послѣ не кайся.

Мужъ снова кладетъ подарокъ на плечо жены, которая снова отворачивается отъ него. Его спрашиваютъ: поладилъ ли онъ съ женой? Мужъ отвѣчаетъ съ хороводомъ:

Посмотрите, добры люди,
 Какъ жена меня не любитъ,
 Меня молодца не навидитъ.

Надъ нимъ издѣваются по прежнему, называютъ его *кочетомъ* (пѣтухомъ) и намѣкаютъ ему прибѣгнуть къ строгости. Потомъ возобновляютъ пѣснь прежнимъ порядкомъ.

Растворяйтесь широкия ворота!
 Какъ повду ль я въ Китай городокъ,
 Ужъ куплю я жень подарокъ,
 Дорогой подарокъ, — шелковую плѣтку,
 Два аршина съ половиной.
 Ну прійми-ка жена, не ломайся,
 И теперь покайся.
 Ты жена плѣтку возьми, не гнѣвайся;
 Душа радость, не прогнѣвайся.

Мужъ кладетъ на плечо жены платку. Жена, видя *неиную* бѣду, оборачивается къ нему, обвиняетъ и пѣлуетъ его. Мужъ, заломивши шапку на бокрень, обрщается къ хороводнымъ;

Посмотрите-ка, добры люди,
 Какъ жена меня любить;
 Меня молодда ужъ не ненавидитъ.
 Поглядите-ка, люди добрые,
 Какъ жена мужа любить;
 Вокругъ его увивается,
 Въ глаза засматривается.
 Посмотрите-ка, люди добрые,
 Какъ жена съ мужемъ ладно живетъ:
 Гдѣ ни сойдется, все пѣлуется.

Въ заключеніи своей радости мужъ и жена *отхватываютъ пляску замхватскую*, по выраженію играющихъ, подъ какую нибудь плясовую пѣснь.

Ревни-
 вая же-
 на.

Во всякомъ состояніи ревность есть бичъ для семейнаго счастья. Быть мужу ревнивымъ, не ужно: это значить сомнѣваться въ благородствѣ чувствъ своей жены; но быть ревнивымъ женѣ, еще хуже и не простительнѣе, потому что этимъ самымъ она даетъ поводъ мужу къ нарушенію вѣрности. Напрасно оспариваютъ нѣкоторые, что ревность происходитъ отъ истинной любви. Если бы это была чистая любовь, то никогда бы не ревновали другъ къ другу. Кто истинно любитъ, тотъ вѣритъ въ постоянство. Недовѣрчивость раждаетъ ревность, а отсюда проистекаютъ страданія супруговъ. Мой мужъ, говоритъ жена, не любитъ меня. Это значить, что она и прежде могла сомнѣваться въ его любви. Мужья ли скорѣе измѣняютъ женамъ, или жены мужьямъ? Нѣтъ сомнѣнія, что мужья. — Но ктоже этому виной?—Тревож-

ная ревность самыхъ женъ. Вѣрьте въ любовь и будете счастливы. — Иначе непремѣнный разладъ. Отъ этого произошла поучительная игра для ревнивыхъ женъ. —

Молодые обоого пола составляютъ хороводъ; избранные изъ нихъ: мужъ и жена, становятся въ кружокъ и поютъ вмѣстѣ, ходя вокругъ:

Какъ у насъ за дворомъ,
 Росла трава шелковая,
 Ой люли, шелковая!
 По той травѣ шла жена,
 За нею мужъ горемычный,
 Ой люли, шелковая!
 Ты постой, моя жена,
 Ты подожди, моя жена,
 Ой люли, шелковая!
 Я сударь не твоя,
 Я родимова батюшки,
 Ой люли, шелковая!
 Какъ у насъ за дворомъ,
 Росла трава шелковая,
 Ой люли, шелковая!
 Шли молодцы, удалцы,
 Вели коня подъ ковромъ,
 Ой люли, шелковая!
 Подъ золотымъ чепракомъ,
 Онъ копытомъ землю выбивалъ,
 Ой люли, шелковая!
 Въ моемъ мужъ правды нѣтъ,
 Съ чужой женой знается,
 Ой люли, шелковая!
 Со мной же ссорится,
 Надо мной издѣвается,
 Ой люли, шелковая!
 Чужой женѣ башмаки,
 А мнѣ молодой фи-фи,
 Ой люли, шелковая!

Чужой жень сережки,
 А мнѣ однѣ слезки.
 Ой люли, шелковая!
 Я же мужа подарю,
 Рубашку ему сошью,
 Ой люли, шелковая!
 Сошью изъ полотна,
 Изъ дерюжнова конца,
 Ой люли, шелковая!

Жена выходитъ изъ круга, а мужъ остается одинъ: онъ стоитъ въ задумчивости, потомъ и онъ выходитъ и самъ не глядитъ на жену. Эта разладаца мужа и жены, явно обнаруживаетъ семейное неудовольствіе. — Если хотятъ продлить вновъ игру, то опять ее составляютъ какъ прежде. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужъ ходитъ въ кругъ съ полюбовницею, а въ другихъ и всѣ трое: жена, мужъ и его полюбовница. Этотъ хороводъ по выраженію своему сходствуетъ съ хороводомъ: *довольный мужъ своей женой* (*), но по дѣйствию различается: въ первомъ стоитъ въ срединѣ круга одинъ молодецкій сынъ, а сдѣсь мужъ и жена. —

Ревни-
 в ѣй
 мужъ. Въ кругу ходитъ старый, сгорбившійся мужъ: онъ кашляетъ и грозитъ своей молоденькой женѣ, стоящей въ сторонѣ отъ него. Когда онъ подходитъ къ ней, тогда она убѣгаетъ и причется между дѣвушками, уже поющими:

(*) Помѣщено между весенними хороводами. Нельзя не замѣтить, что ревнивая жена гораздо лучше выражаетъ недовѣрчивую свою любовь, въ этихъ словахъ: *да жена мол, жеснушка, ревнивое сердечко.*

На горь, горь, дубья стоять,
Дубья стоять сучковатые.

Ой люли, люли, сучковатые!

У меня ли у молодой ревнивый мужь,
Ревнивый мужь, окаянный еретикъ.

Ой люли, ой люли, еретикъ!

Посылаетъ меня мужь,
Въ полночь по воду одну.

Ой люли, ой люли,

Въ полночь по воду одну,
Но холодно ключеву.

Жена идетъ по воду, держа въ правой рукѣ дитя а въ лѣвой ведра, и все это представляетъ она особенными какими либо вещами.

Въ левой рукѣ ведро несу,

Во правой свое дитя держу!

Ой люли, ой люли.

Дитя держу!

Въ ведрѣ вода сколыхалася,

А я млада развопцалася,

Ой люли, ой люли, развопцалася!

Мое дитя раскричалося :

Ты спи, усни, мое дитятко,

Ой люли, ой люли, мое дитятко!

Ты спи, усни, угомонъ тебя возьми,

Ой люли, ой люли, угомонъ тебя возьми!

Угомонъ возьми, либо бѣсъ утащи,

А меня идаду погулять пусти. —

Молодой женѣ приторно жить съ старымъ мужемъ, который ни самъ не веселится, ни ее не пускаетъ. Поневоѣ жена захочетъ гулять, а если разгуляется жена, то ужъ горбатого исправить могила. Изъ этого выходитъ, что старые мужья причиною своимъ несчасті-

ямъ а молодыя жены не знаютъ за ними своего счастья. —

Женки
разсудъ.

Жена долго повиновалась умной строгости своего мужа, наконецъ, соскучивъ ею, уже не хочетъ болѣе слушать его: она идетъ гулять, забываетъ своего мужа и нейдетъ къ нему. Мужъ любитъ жену за одну красоту, ласкается и общается ей во всемъ дать волю. Торжествующая жена дѣлаетъ съ нимъ условія, мужъ соглашается на все, но когда она огласила себя вольною, тогда мужъ бросилъ ее. — Это есть олицетвореніе слабости мужа, который, бывъ самъ виновнымъ въ волю жены, находитъ одно средство въ своемъ горѣ — растаться съ легкомысленною. — Мужъ и жена, стоять съ срединѣ хоровода; они сначала не смотрятъ другъ на друга, потомъ сходятся, смотрятъ и расстаются: жена съ презрѣніемъ а мужъ съ грустью. Играющіе ходятъ вокругъ ихъ и поютъ:

Я малешенекъ у матушки родился,
Я глупешенекъ у батюшки женился,
Привезъ себѣ жену молодую,
Словно грушу зеленую,
Словно яблочко налитое.
А жена то молодчика не возлюбила,
Негодяемъ молодчика называла.
Какъ пошла молодая жена,
Какъ сама гуляла безъ меня.
Ровно девять денечковъ, —
Ко мнѣ мужу не бывала;
На десятой денечикъ,
Ко мнѣ мужу жена приходила,
Не дошедши остановилась,
Мнѣ негодяю поклонилась

Жена оборачивается къ мужу :

Ахъ ты мужъ негодный!
Будешь ли кормить хлѣбомъ?

Мужъ. Сударыня жена!
Буду кормить калачами.

Жена. Будешь ли негодный!
Меня поить квасомъ?

Мужъ. Буду я поить сытой,
Сытой медовою.

Жена. Будешь ли не годный!
Пускать меня въ гости?

Мужъ. Сударыня жена,
Ступай вовсе!

Мужъ и жена расходятся, подруги уговариваютъ жену притти и поклониться мужу; она сначала не хочетъ, потомъ идетъ и кланяется ему въ ноги, но мужъ гонитъ ее отъ себя. (*)

Одного мушину дѣлаютъ старымъ мужемъ, а другаго молодымъ. Представляющая же невѣсту посматриваетъ грустно на стараго, ходитъ печально по комнатамъ и ломаетъ руки; прочіе поютъ:

Ай горе! ай горе!
Напастъ превеликая,
Печаль неутолимая!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
За стараго замужъ итти,
За стараго замужъ итти?

Беретъ стараго за руку и оборачивается къ нему спиною :

(*) Сахар. Ск. русск. нар. ч. 2. с. 85.

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 За стараго замужь итти,
 За стараго замужь итти.
 Ай горе! ай горе!
 Напастъ превеликая,
 Печаль неутолимая!
 Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
 Старому постелю слать,
 Старому постелю слать?

Бросаетъ на полъ грязную тряпку:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 Старому постелю слать,
 Старому постелю слать.
 Ай горе! ай горе!
 Напастъ превеликая
 Печаль неутолимая!
 Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
 Стараго на постелю класть,
 Стараго на постелю класть,

Толкаетъ стараго мужа на тряпку:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 Стараго на постелю класть,
 Стараго на постелю класть.
 Ай горе! ай горе!
 Напастъ превеликая,
 Печаль неутолимая!
 Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
 Стараго обнимать будетъ,
 Стараго обнимать будетъ?

Обнимаетъ воздухъ надъ головою стараго:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!

Обнимать стараго будетъ,

Обнимать стараго будетъ?

Ай горе! ай горе!

Напастъ превеликая,

Печаль неутолимая!

Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,

Стараго цѣловать будетъ,

Стараго цѣловать будетъ?

Она цѣлуетъ стараго и потомъ плюетъ на землю:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!

Стараго цѣловать будетъ,

Стараго цѣловать будетъ.

Ай горе! ай горе!

Напастъ превеликая,

Печаль неутолимая!

Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,

Стараго подымать будетъ,

Стараго подымать будетъ?

Поднимаетъ стараго и толкаетъ его:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!

Стараго подымать будетъ,

Стараго подымать будетъ.

Таже дѣвушка, которая горевала, смотритъ иначе
на молодого и пляшетъ отъ радости.

Ай радость! ай радость!

Веселье великое!

Веселье великое!

Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,

За молодого замужъ итти,

За молодого замужъ итти?

Береть молодого за руку, ведетъ его за собою и любитъся имъ:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 За молодого замужъ итти,
 За молодого за мужъ итти.
 Ай радость! ай радость!
 Веселье великое!
 Веселье великое!
 Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
 Молодому постелю слать?

Стелеть пуховую постель и кладетъ въ головы пуховую подушку.

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 Молодому постелю слать,
 Молодому постелю слать,
 Ай радость! ай радость!
 Веселье великое!
 Веселье великое!
 Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
 Молодого на постелю класть,
 Молодого на постелю класть?

Береть молодого за руки и тихо его опускаетъ на постель:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
 Молодого на постелю класть,
 Молодого на постелю класть,
 Ай радость! ай радость!
 Веселье великое!
 Веселье великое!
 Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ
 Молодого обнимать будетъ,
 Молодого обнимать будетъ?

Прижимаетъ молодого къ своей груди:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!

Молодого обнимать будетъ,

Молодого обнимать будетъ!

Ай радость! ай радость!

Беселье великое!

Веселье великое!

Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,

Молодого цѣловать будетъ,

Молодого цѣловать будетъ?

Цѣлуетъ его страстно:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!

Молодого цѣловать будетъ,

Молодого цѣловать будетъ.

Ай радость! ай радость!

Беселье великое!

Веселье великое!

Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,

Молодого подымать будетъ,

Молодого подымать будетъ?

Беретъ молодого подъ руки, подымаетъ осторожно и сажаетъ на приготовленное мѣсто.

Вотъ такъ, вотъ этакъ!

Молодого подымать будетъ,

Молодого подымать будетъ. —

Выходъ дѣвушки замужъ за стараго, выражено еще въ слѣдующихъ двухъ хоропроводныхъ вѣсняхъ:

Но рыкъ, рыкъ, селезень плыветъ,

Дѣвушкамъ вѣсть нестеть нерадостную:

Скорую грамотку,

По бѣлому бархату. —

Быть тебѣ дѣвушка,

За старымъ за мужемъ;

Быть тебѣ дѣвушка,

Старою бабою, безобразною.

Знала бы я дѣвушка, да вѣдала,

Я бы мылами не умывалася,

Я бы бѣлилами не бѣлилася.

И румянами не румянилася,

Сурмилами не сурмилася.

Еще поють :

По морю, по моречку синему,

Плавала, плавала лебедушка бѣлая;

Плакала, плакала, душа красна дѣвушка.

Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ быть,

За стараго замужъ итти?

Какъ эдакъ и вотъ эдакъ!

Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ,

Старому постель будетъ слать?

Какъ эдакъ и вотъ эдакъ!

Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ,

Стараго спать будетъ кацать?

Такъ эдакъ и вотъ эдакъ!

Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ,

Стараго цѣловать будетъ?

Такъ эдакъ и вотъ эдакъ!

Вамъ нечего меня учить,

Я съ старымъ не хочу жить.

Съ старымъ жить мнѣ не хочется,

Къ нему мое сердце не ворочается.

Я пойду замужъ за ровнюшку,

За хольную голевушку.

Сама ровнюшки буду постелью слать.

Такъ буду, тами буду похаживать,
 Буду съ ровней распивать,
 Правой ручкой обнимать,
 Раздущенькой называть —
 Такъ буду, такъ буду поживать,
 Буду ровнюшку целовать,
 Сокровищемъ называть,
 Туго къ сердцу прижимать.
 Не объ чемъ будетъ плакать, горевать,
 Такъ буду, такъ буду поживать.
 Старый женихъ не милъ,
 Онъ противенъ и постылъ. —

Быть замужемъ за старымъ, ни кому не нравится :

Жалко дѣвка плакала :
 За старого замужъ иду!
 Ты старый, ты старый мужъ,
 Сгубилъ мою голову,
 Всю дѣвичью красоту.
 Ой на горъ калина,
 Подъ горою малина!
 Тутъ идуть бояре,
 Вскричали Ульяну.
 Вспоминеть ли батюшка ?
 Ой высоко и далеко!
 А я вспомяну и прочь пойду,
 Прочь пойду и не забуду.

Среди Москвы повалуша стоитъ,
 За повалушею красна дѣвица сидитъ.
 Она плачетъ, какъ рѣка льется:
 Потеряла трое золоты ключи,
 Съ шелковымъ поясомъ,
 Съ серебрянымъ мутовникомъ (шнуркомъ).
 Кто бы мои ключи нашелъ,
 За того бѣ я замужъ пошла!

Хоть бы за стараго, за мѣлаго,
 Хоть бы за ровнюшку за пьяницу.
 Идетъ старый изъ улицы,
 Онъ правой рукой помахиваетъ,
 Золотыми ключами побрякиваетъ.
 Красная дѣвица возговорила :
 Пропадай же мои золоты ключи,
 Съ шелковымъ поясомъ,
 Съ серебряннымъ мутѣвизкомъ.

Вдова. Хочется ли молодущкѣ оставаться вдовушкой? — Больно вдовушкѣ жить одной. Невольныя воспомина- нія тревожатъ ее. Посмотрить ли она на своихъ гу- ляющихъ подругъ, у ней забьется сильно сердце: ей нельзя гулять съ ними. — Что скажутъ тогда про вдо- вушку? Приглашаютъ ли ее на посидѣлки, она нейдеть: ей не до веселостей. — Въ этой игрѣ предста- вляется печальная вдовушка: она стоитъ на возвы- шеніи, около нея поетъ хороводъ. Иныя покрываютъ лице вдовушки платкомъ, водятъ ее въ кругу и утѣша- ютъ. При словѣ, выражающимъ ея тоску, она оборо- чивается къ хороводу и представляетъ себя плачу- щую. Первые два стиха поются протяжно, а послед- ние коротко и скоро:

Какъ у нашихъ у воротъ,
 Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
 Хороводъ, хороводъ,
 Ой люли, хороводъ!
 Всѣ дѣвки веселы,
 Одна лишь Марьюшка,
 Хороводъ, хороводъ,
 Ой люли, Марьюшка!
 Одна лишь Марьюшка,
 Безутышна вдовушка,

Хороводъ, хороводъ,
 Ой люли, вдовушка!
 Во садикъ гуляетъ,
 Личико утираетъ,
 Хороводъ, хороводъ,
 Ой люли, хороводъ!
 Личико утираетъ,
 Словечушко говорить.
 Хороводъ, хороводъ,
 Словечушко говорить!

Вдова начинаетъ говорить, а послѣ нея хороводъ повторяетъ послѣдніе два стиха.

Мнѣ счастья не видать,
 Съ молодцами не гулять.
повтореніе Хороводъ, хороводъ,
хоровода. Ой люли, не гулять!
 Меня вы не держите,
 Отсюда отпустите.
повтореніе Хороводъ, хороводъ,
хоровода. Ой люли, отпустите!

Хороводъ расплетается и вдовушка выходитъ изъ круга. Мѣсто вдовы занимаетъ по условію другая ка-кая либо дѣвушка. Въ этой игрѣ не участвуютъ мужчины.

Вдова очень искусно принаровлена поселянами къ ихъ быту, и эта самая пѣснь поется еще иначе:

Какъ у нашихъ у воротъ,
 Люли, право, у воротъ!
 Стоялъ двоекъ хороводъ,
 Люли, право, хороводъ!
 У точенныхъ у дверей,
 Люли, право, у дверей!

Всѣ дѣвки веселы, веселы,
 Люли, право, веселы!
 Одна дѣвка лучше всѣхъ!
 Люли, право, лучше всѣхъ!
 Авдотьюшка вдовина,
 Люли, право, вдовина!
 По бережку гуляетъ,
 Люли, право, гуляетъ!
 Рукавчикомъ махаешь,
 Люли, право, махаешь! —
 Сердечушкомъ воздыхаешь,
 Люли, право, воздыхаешь!
 Словечушко говорить,
 Люли, право, говорить!
 Ахъ! свѣтъ моя сторона,
 Люли, право, сторона!
 Покровская слобода,
 Люли, право, слобода! —
 Ужъ нѣтъ въ тебѣ не бывать,
 Люли, право, не бывать!
 Пивца, винца не пивать,
 Люли, право, не пивать!
 Сладкихъ яблокъ не ѣдать,
 Люли, право, не ѣдать!
 Съ молодцами не гулять,
 Люли, право, не гулять! —

Вмѣсто окончательныхъ стиховъ: люли, право, у воротъ;
 люли, право, хороводъ—и т. д., другія поютъ: люли,
 браво, у воротъ, люли, браво, хороводъ—и т. д. Нѣтъ
 сомнѣнiя, что слово *право* предназначено пѣсельниками
 въ браво, тѣмъ болѣе, что эта пѣснь довольно старин-
 ная, пѣвалась прежде иначе, и безъ браво, которое
 вошло у насъ въ употребленiе едва ли ранѣе конца
 XVIII вѣка. Вотъ какъ она пѣлась въ старину:

У нашихъ то у воротъ, да у воротъ,
 У точенныхъ у дверей, да у дверей,
 Стояль дѣвокъ хороводъ, да хороводъ.
 А всѣ дѣвки веселы, да веселы,
 Одна дѣвка лучше всѣхъ, да лучше всѣхъ,
 Авдотьюшка вдовина, да вдовина.
 По бережку гуляла, да гуляла,
 Рукавчикомъ махала, да махала,
 Сердечушномъ вздыхала, да вздыхала,
 Словечушко сказала, да сказала :
 Ахъ ты свѣтъ, моя сторона, да сторона!
 Пуровская слобода, да слобода:
 Ужъ мнѣ въ тебѣ не бывать, да не бывать,
 Пивца, винца не нивагъ, да не пивать ;
 Сладкихъ яблочъ не ѣдать, да не ѣдать,
 Съ молодцами не гулять, да не гулять (*).

Эта забава сопровождается не однимъ пѣніемъ, но ^{гулай,} и пляскою. ^{гулай.} Когда наши добрые мужички поразвеселят-
 ся и язычекъ у нихъ поразвяжется, тогда начинаютъ
 они: *гулай, гулай!* Жепушки себѣ тоже, только съ мо-
 лодцами. Мужичекъ и пляшетъ, и поетъ, и скачетъ, и
 гуляетъ; мужичекъ въ то время и учитъ свою жену:
 онъ беретъ плѣтку и напоминаетъ ей про разгулье.—
 Это характеристическая игра, которая живо рисуешь
 разгульную жизнь нашихъ мужичковъ.

Хороводъ составляется изъ дѣвушекъ, молодушекъ и
 молодцовъ. Побравшись за руки, ходятъ кругомъ,
 пляшутъ и поютъ:

(*) Нов. и полн. собран. русск. пѣсн. ч. 2. № 178, изд. въ
 Москвѣ 1780 г.

Какъ у насъ во пиру,
 Какъ у насъ во бесѣдѣ;
 Ай люли, люли, во бесѣдѣ!
 Всѣмъ молодушкамъ весело,
 Всѣмъ Ивановнамъ весело;
 Ай люли, люли, весело!
 Одной молодушкѣ грустно,
 Одной мододушкѣ скучно;
 Ай люли, люли, скучно!
 Ужъ у ней ли старой мужъ,
 Ужъ у ней ли старой грибъ,
 Ай люли, люли, старой грибъ!
 Молодушкѣ погулять,
 Молодушкѣ побывать,
 Ай люли, люли, побывать!
 Съ ребятами поиграть,
 Съ неженатыми потолковать,
 Ай люли, люли, потолковать!
 Запрещаетъ, не велитъ,
 Грозитъ бѣдную побить,
 Ай люли, люли, побить!
 Слезы катятся, играть хочется,
 А стару мужу не покорюсь,
 Ай люли, люли, не покорюсь!
 Отпусти сударь батюшка,
 На улицу погулять,
 Ай люли, люли, погулять!
 Я пошла млада, разгулялась,
 Во зеленомъ саду разыгралась,
 Ай люли, люли, разыгралась!
 Все съ ребятами съ неженатыми. —
 Что зоря пришла, я домой пошла!
 Ай люли, люли, пошла!
 Родной батюшка у воротъ стоитъ :
 Ты поди, поди, моя бѣдная;
 Ай люли, люли, бѣдная!

Твой высокъ теремъ растворенъ стоитъ,
Твой ревнивый мужъ за столомъ сидеть.

Ай люли, люли, сидеть!

Шелкова плётка на столъ лежитъ,
Толстая дубинка передъ нимъ,

Ай люли, люли, передъ нимъ!

Я взошла во высокъ теремъ,
Мой высокъ теремъ затворяется,

Ай люли, люли, затворяется!

Мой ревнивый мужъ подымается,
Шелкову плеть со стола беретъ,

Ай люли, люли, беретъ!

Плётка свиснула, руда брызнула:
Ужъ ты гдѣ была, жена страгинца?

Ай люли, люли, страгинца!

Я была молода во зеленомъ саду,
Все съ ребятами съ неженатыми,
Ай люли, люли, съ неженатыми!

При окончаніи пѣнія подходитъ подгулявшій мужичекъ и ищетъ своей женушки. Въ кругу прячуть ее, онъ успѣваетъ открыть и уводитъ ее съ собою, приговаривая: *вотъ я-тъ! все съ ребятами съ неженатами*. Она просится погулять, мужъ сердится и грозитъ ей.— За тѣмъ снова возобновляютъ игру по желанію.

Кто не знаетъ, какое горе для мужа, когда разгу-^{Разгуль-}ляется жена его? Увлекаясь страстью къ веселой жи-^{ная же-}зни, она нарушаетъ иногда супружескую вѣрность, которая, въ кругу нашихъ поселянъ, доселѣ священная. Да пребудетъ навсегда ненарушимо и свято супружество! Несчастіе мужей избобрѣло игру разгульной жены, или какъ иные называютъ, *гулливой*. —

Мушины, дѣвочки и женщины, становятся въ кружокъ и поютъ часто укоризненные слова на жену, прямо не въ бровь а въ глазъ. Порокъ открывается,

несмотря на скрытность женщины : изворотливость ея не смягчает справедливо разгнѣваннаго мужа. Одна изъ женщинъ разыгрываетъ разгульную жену, которую помѣщаютъ въ кружкѣ. Женщина сначала издѣвается надъ разгульною, потомъ начинаютъ пѣть всѣ хоромъ :

Вдоль по улицъ широкой,
 По большой по широкой!
 Ой люли, по широкой!
 Шли красны дѣвушки,
 Шли всѣ молодушки,
 Ой люли, молодушки!

Тутъ разгульная поетъ съ дѣвушками:

Дѣвушки подождите,
 Меня съ собой возьмите,
 Ой люли, возьмите!
 Пойду, погуляю,
 Я мужа не спрошаю.
 Ой люли, не спрошаю!
 Мой муженекъ старичишка,
 Не пускаетъ на игрища,
 Ой люли, на игрища!
 Я иду сама гулять,
 Съ молодцами поиграть,
 Ой люли, поиграть!
 Старикъ мой, старичишка,
 Отпусти погулять,
 Ой люли, погулять!

Хоръ мушанъ отвѣчаетъ:

Я тебя отпущу,
 Но домой не пущу,
 Ой люли, не пущу!

Весь хоръ:

Съ ребятами гулять,
Ой честь потерять,
Ой люди, потерять!

Разсерженный мужъ уводитъ свою жену. Толпа старушекъ коритъ ее; молодые, едва женившіеся, слушаютъ съ трепетомъ, чтобы нареканіе не пало и на ихъ женъ. Часто мужа старики досаждаютъ на эту забаву, но слова изъ пѣсни не выкенешъ, говорятъ имъ насмѣшницы, и игру начинаютъ вновь. Нѣкоторые замѣчаютъ, что эта игра составляетъ любимый хороводъ заокскихъ обитателей; но я видѣлъ ее и въ южныхъ мѣстахъ Россіи, только съ большими измѣненіями и часто приплетаютъ свои припѣвы, нарочно выдуманные на этотъ предметъ. —

Подъ этимъ именемъ иные разумѣютъ скупого, жоторый, заѣхавъ въ чужую сторонушку, не ссоритъ деньгами. Парень долго ходилъ по свѣту, искалъ себѣ жены и наконецъ нашель: веселую, какъ онъ самъ; безпечную и игривую, какъ его удалство. Дѣвушки и молодые парни, составивъ хороводъ, становятся въ срединѣ молодецкаго сына, и ходя вокругъ него, распѣвають про житье-бытье молодецкаго сына:

Моло-
децкій
сынъ.

На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами разцвѣтала.
На той ли на калинѣ, сидитъ соловейка,
Веселъ пѣсни распѣваетъ,
Женостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ молодецъ жениться,
Тебѣ красной дѣвушкѣ постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,

Къ наибольшему тамъ атаману :
 Чѣмъ меня государь-батюшка подаруетъ?
 Подарилъ меня государь-батюшка женою,
 Глупою женою, неразумною :
 Я за гудокъ, а она за прялку ;
 Я въ гудокъ играть, а она мотати.
 Не за чѣмъ въ люди на кручину,
 Дома кручинушки довольно.
 Подарилъ меня государь-батюшка женою,
 Умною женою и разумною :
 Я за гудокъ, а она за пѣсни,
 Я въ гудокъ, а она плясати.
 Не за чѣмъ въ люди по веселье,
 Дома весельица довольно. (*)

Говорятъ, что прежде выставляли молодецкаго сына на лице: тутъ дѣвушки бранили его, и если онъ не исправлялся, то наказывали. — Приятно, очень приятно слышать, что существовало подобное обыкновеніе на Руси. Въ немъ заключается хорошій урокъ и для нынѣшнихъ щеголей, называющихся *львами* и *а-ля мужикъ*.

Донъ
 Ивано-
 вичъ.

Изъ пѣсни Донъ Ивановичъ, сдѣлали короводную забаву. Что такое значить Донъ Ивановичъ? Должно ли его принимать за имя рѣки, или за похождение обитателя рѣки Дона? Языческіе Славяне боготворили рѣки: Дунай, Бугъ, Волховъ и др., но про Донъ ничего намъ неизвѣстно. Въ народныхъ напѣвахъ рѣка Волга понынѣ именуется матушкой рѣкой. — По своему большому протяженію, историческимъ событіямъ и ватагамъ разбойниковъ, Волга запечатлѣлась въ памяти народа. Сверхъ этого, будучи лучшею судоходною и рыболовною рѣ-

(*) Снегир. Русск. престонар. праздн. ч. 2. с. 97.

кой, она приобрѣла отъ тамошнихъ обитателей справедливое имя кормилицы. Но почему же поютъ Донъ Ивановичъ? Потому, что это похождение удальцовъ съ береговъ Дона, и можно сказать навѣрно, что они, посѣщая по торговлѣ великороссійскія земли, прославились между Русскими: удальствомъ, изворотливостію, наѣздничествомъ и любовью къ музыкѣ. Какъ заѣзжіе гости, они принимались съ почестью, особенно среди семейныхъ домовъ. Тамъ ими дорожили, и тамъ готовили для нихъ своихъ невѣсть. Самая пѣснь говоритъ намъ про это, какъ бы ни пѣли ее превратно. Есть пѣсни, въ коихъ Донъ превращенъ въ Дунай, но эта перемѣна произошла отъ принятія Донъ за Дунай. —

Донцы въ извѣстности а теперь еще болѣе, когда они содѣлались образованнѣе и богаче. — Донъ Ивановичъ не есть пѣснь, но цѣлая дума. А почему обратили ее въ хороводъ? Неизвѣстно, но извѣстно то, что ее издавна поютъ и играютъ. — Дѣвушки собираются вечеромъ поиграть на лугу: тамъ онѣ поютъ сначала разныя хороводныя пѣсни, потомъ, когда присоединятся къ нимъ молодцы, запѣваютъ Донъ Ивановичъ. — Взявшись за руки, становятся въ кружокъ; въ срединѣ стоитъ Донъ Ивановичъ, съ шапкою на головѣ и балабайкою въ рукѣ. Отъ его искусства игра принимаетъ разныя веселыя измѣненія: онъ старается олицетворить самую пѣснь, а пототу поступаетъ по напѣву.

Какъ пошелъ нашъ молодець,

Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ахъ какъ звали молодца,

Позывали удальца,

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидеть,
На игрище поиграть.

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ужъ какъ мнѣ ли молодцу,
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.

Иль я выйду молодецъ,
На свой новой на крыльцѣ,
Закричу ли я, молодецъ,
Громкимъ голосомъ своимъ:

Ахъ! какъ есть ли у меня,
Слуги вѣрные мои?

Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки.
Вынимайте кафтанъ,
Рудожелтъ камчатъ;
Вынимайте шапку,
Черную мурманку;
Вы подайте гусли,
Звончаты мои.

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Ко вдовушкѣ на конецъ,

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ сядлся молодецъ,
Какъ сядлся удалецъ,
Противъ вдовушки на сямь!

Донъ Ивановичъ садится съ балалайкою на землѣ
и играетъ, къ нему подходитъ вдовушка; онъ ей кла-

няется, и въ это время падаетъ съ него шапка; вдовушка не подымаетъ. Хороводъ продолжаетъ:

Заиграѣ онъ въ гусли,
 Заиграѣ въ звончатые свои.
 Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Молодецъ вдовѣ челомъ,
 Уронишь шляпу долой,
 Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!

Донъ Ивановичъ поетъ съ хороводомъ :

Ужъ ты, вдовушка моя,
 Молодая вдова,
 Подыми шапку мурманку. —

Одинъ хороводъ :

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ
 Сынъ Ивановичъ Донъ!

Вдовушка поетъ съ хороводомъ предъ Дономъ
 Ивановичемъ:

Не твоя сударь, слуга,
 Я не слушаю тебя.

Одинъ хороводъ :

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ
 Сынъ Ивановичъ Донъ!

Вдовушка не подымаетъ его шляпы, уходитъ отъ него; онъ самъ поднимаетъ и надѣваетъ.

Хороводъ:

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Вдоль улицы на конецъ,
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ахъ какъ звали молодца,
Позывали удалца,
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ.
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Къ дѣвушкѣ наконецъ,
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ,
Противъ дѣвушки на скѣмбѣлкѣ.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Изъ хоровода выходитъ дѣвушка, онъ ей кланяется,
съ него падаетъ шапка; хороводъ поетъ:

Заигралъ онъ въ гусли
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Молодецъ дѣвицѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Донъ Ивановичъ съ хороводомъ:

Ужь ты, дѣвушка моя,
Ты красная моя,
Подими шапку мурманку.

Одинъ хороводъ:

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Дѣвица съ хороводомъ:

Я твоя сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя. —

Донъ Ивановичъ принимаетъ съ ея рукъ шапку, и цѣлуеъ дѣвушку. Хоръ поетъ:

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ! (*)

Не олицетвореніе ли это жениха безъ роду, безъ племени, ищущаго себѣ невѣсту?

Въ этомъ хороводѣ часто стоятъ вмѣстѣ: невѣста и женихъ. И какъ тогда пріятно сердцу невѣсты, когда она слышетъ похвалы своему суженому. Часто заводятъ съ намѣреніемъ эту игру, чтобы порѣзвиться на просторѣ.

Вотъ вамъ цѣлая любовная дума Дона Ивановича, котораго часто пѣли подъ именемъ *Вздунай*. И какихъ

(*) Сахар. Сказ. Русск. нар. ч. 2. с. 77. Донъ Ивановичъ списанъ съ его сказаній, по причинѣ полноты.

именъ не давали ему! *Воздумай, Раздумай, зорь-Думай, Дуки, най, най.*

Еще поютъ и разыгрываютъ иначе: въ срединѣ круга ходитъ въ одну сторону парень и машетъ на двѣушекъ платкомъ, которыя въ то время ходятъ въ противоположную ему сторону.

Дѣвки звали молодца,
 Позывали удалца,
 Воириъ пировати,
 Во бесѣдушку сидѣть.
 Посадили молодца,
 Посадили удалца.
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Противъ вдовушки на скамьѣ,
 На хорошей на скамьѣ,
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Съ молодца бялая долей,
 Съ удалца черная долей.
 Ужъ ты вдовушка подай,
 Разкрасавица подай!
 Не раба сударь, твоя,
 Не работаю на тебя.
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Не честь молодцу,
 Не хвала удалцу.
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Дѣвки звали молодца,
 Позывали удалца,
 Во ириъ пировати,
 Во бесѣдушку сидѣть.

Посадили молодца,
 Посадили удалца.
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Противъ дѣвицы на скамьѣ,
 Противъ хорошей на скамьѣ.
 Съ молодца шляпа долой,
 Съ удалца черная долой,
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Ужъ ты дѣвица подай,
 Разхорошая подай.
 Я раба, сударь твой,
 И работаю на тебя
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Спасибо тебѣ душа,
 Дѣвушка хорошая.
 Ой Донъ, мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!

Вотъ еще измѣненіе Дона Ивановича :

Ой Донъ ли мой Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Какъ изъ улицы въ конецъ,
 Идетъ доброй молодецъ ;
 Онъ платкомъ махаетъ,
 Важно разговариваетъ :
 Меня звали молодца,
 Позывали удалца ;
 Во пиръ пировать,
 Въ бесѣдушку сидѣть.
 Посадили молодца,
 Противъ вдовоньки на скамьѣ.
 Молодецъ вдовѣ челомъ,

Съ молодца шляпа долей.
 Шляпу вдовинька подай!
 Разгоришенька подай!
 Не слуга сударь тебѣ,
 Не послушаю тебя;
 Не послушаю тебя,
 Черну шляпу не подамъ.
 Не радошень молодець,
 Онъ головушку повѣсилъ,
 Самъ заплакалъ и пошелъ.
 Какъ изъ улины въ конецъ,
 Идетъ доброй молодець.
 Слезно плачетъ и рыдаетъ,
 Платкомъ слезы утираетъ.
 Меня звали молодца,
 Позывали удалца,
 Во пиръ пировать,
 Во бесъдушку сидѣть.
 Посадили молодца,
 Противъ дѣвушки на скамьѣ.
 Молодець дѣвкѣ челошь,
 Съ молодца шляпа долей.
 Ужъ ты дѣвица, подай!
 Разкрасавица подай!
 Я слуга сударь твоя,
 Я послушаюсь тебя,
 Черну шляпоньку подамъ.
 Доброй молодець,
 Радошень и весель;
 Самъ защелкалъ да пошелъ,
 Веселую пѣсеньку запѣлъ:
 Про Дуняшу, про Ульяшу,
 Про сударушку свою. —

Бурлаки. Это насмѣшка надъ бездомными людьми. Ихъ пред-
 ставляютъ въ видѣ бурлаковъ.—Бурлакъ есть собствен-

но малоорссійское слово, и значить переходнаго челоуѣка, который порядочно зарабатываетъ и богатѣеть. Въ Велико-россiи проименовали бурлаками судовщиковъ, кои отправляются въ концѣ зимы въ понизовые города. Жизнь ихъ, по причинѣ большой бѣдности, очень грубая. Котомка, деревянная ложка, палка, лапти и верхняя изорванная одежда, — вотъ все, что они имѣли и имѣютъ при себѣ. Въ прежніе годы, во время ихъ переходовъ чрезъ города и селенія, они производили большія безпокойствія жителямъ: располагались станомъ на площадяхъ, особенно около рынка, и заводили ссоры съ торговками. — По этому случаю составлены на ихъ счетъ многія пѣсни. —

Одинъ изъ ловкихъ молодецвъ представляетъ бурлака, который сманиваетъ неопытную дѣвушку, называемую *дѣвка-незнавка*.

Передъ нашими ворота,
 Передъ нашими ворота.
 Люли, люли, бурлаки!
 Передъ нашими ворота,
 Разыгралися ребята.
 Люли, люли, бурлаки!
 Все ребята молодые,
 Молодые, холостые.
 Люли, люли, бурлаки!
 Они шуточку шутили,
 Во новы сѣни вскочили
 Люли, люли, бурлаки!
 Во новы сѣни вскочили,
 Новы сѣни подломили,
 Люли, люли, бурлаки!
 Новы сѣни подломили,
 Красну дѣвку подманили,
 Люли, люли, бурлаки!

Красну дѣвцу подманили,
Въ новы сани сажали.

Люли, люли, бурлаки!
Ты садися, дѣвка, въ сани,
Ты поѣдешъ, дѣвка, съ нами.

Люли, люли, бурлаки!
Съ нами, съ нами, молодцами,
Съ понизовыми бурлаками.

Люли, люли, бурлаки!
У насъ жить будетъ добренько,
У насъ горы золотыя.

Люли, люли, бурлаки!
У насъ горы золотыя,
Въ горахъ камни дорогіе.

Люли, люли, бурлаки!
На обманъ дѣвка сдалася,
На бурлацкія пожитки.

Люли, люли, бурлаки!
А бурлацкія пожитки,
Что добры да не велики.

Люли, люли, бурлаки!
Что добры, да не велики,
Одна лямка да котомка,
Еще третья то оборти.

Люли, люли, бурлаки! (*)

Занька. Многія хороводныя наши пѣсни изображаютъ семейный бытъ, въ разныхъ его отношеніяхъ, но занька менѣе всѣхъ говоритъ объ немъ. Нѣкоторые изъ русскихъ писателей замѣчаютъ, что онъ выражаетъ сельское сватовство; что игроки избираютъ изъ среди себя рѣзвыхъ и отважныхъ парней, которые носятъ названія: зайньки, тестя, тещи, шурина и свояченицы;

(*) Чулковъ: Собр. пѣсн. ч. 1. с. 223.

что эта игра замѣчена въ одномъ московскомъ уѣздѣ, по троицкой дорогѣ. Я видѣлъ эту забаву во многихъ мѣстахъ Россіи, особенно въ Малороссіи, гдѣ она въ большомъ употребленіи между дѣтьми и дѣвушками, которыя просто забавляются въ зайника, какъ имъ вздумается, и поютъ:

Зайника, зайника,
Съринькой зайника,
Съринькой зайника.

Представляющій зайнику бѣгаетъ по кругу и хочетъ выбѣжать изъ него; ему кричатъ:

Зайника, зайника,
Съринькой попляши!
Па лашочки присядь,
Бочкомъ, кружкомъ прилягь.

Зайника вертится, ищетъ мѣста, хочетъ выскочить; хороводъ не выпускаетъ:

Съринькой зайника,
Не скачи, не вертись;
Приляжь, повернись,
Бочкомъ, кружкомъ воматись.

Зайника выскакиваетъ и хороводъ разстраивается.

Судя по другой хороводной пѣсни, она выражаетъ сватовство. —

Зайника былинкой!
Хожу я на хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу,
Ищу богатаго тестя.
Нашель я, нашель я,

Богатаго тѣтя.
 Будь ты мнѣ тѣстикъ,
 А я тебѣ зятикъ.

Занька бѣлинькой!
 Хожу я по хороводу,
 Гляжу я, смотрю я,
 По всему народу.
 Ищу я ласкову тещу.
 Нашелъ я, нашелъ я,
 Ласкову тещу.
 Будь ты мнѣ теща
 А я тебѣ зятикъ.

Занька бѣлинькой!
 Хожу я по хороводу,
 Гляжу я, смотрю я,
 По всему народу.
 Ищу я богатаго шурина.
 Будь ты мнѣ шурина,
 А я тебѣ зятикъ.

Занька бѣлинькой!
 Хожу я по хороводу,
 Гляжу я, смотрю я,
 По всему народу.
 Ищу я ласкову своячину.
 Нашелъ я, нашелъ я,
 Ласкову своячину.
 Будь ты мнѣ своячина,
 А я тебѣ зятикъ.

Занька бѣлинькой!
 Хожу я по хороводу,
 Гляжу я, смотрю я,
 По всему народу.
 Ищу я себѣ ладу милую.
 Нашелъ я, нашелъ я,
 Себѣ ладу милую.
 Будь ты мнѣ лада невѣстой,
 А я тебѣ женихомъ.

Я выпивши пива,
 Ударю тестя въ рыло;
 Я прѣввши пироги,
 Пушу тещу матушку въ толчки.
 Осѣдай шуринъ коня,
 Поѣзжай шуринъ со двора. —
 Ласковой своячинѣ,
 Подарю подарочекъ,
 Шелкову плетку.
 Весель я, весель,
 Что одинъ остался.
 Съ своей ладой милой,
 Съ своей ладой милой,
 Три раза поцѣлуюсь. (*)

Дѣйствительно ли зайника могъ служить когда либо предметомъ, для изображенія семейнаго быта?—Заецъ, по своей трусливой природѣ, можетъ служить только для забавы рѣзвой, безпечной и неопытной юности, которая не размышляетъ о томъ, что ожидаетъ ее впереди. — Играютъ въ зайнику еще иначе. Мущины и дѣвushки, побравшись за руки, составляютъ довольно обширный кругъ; въ срединѣ его помещается заецъ, избираемый изъ мальчиковъ. — Хороводъ двигается то въ правую, то въ лѣвую стороны, оставаясь въ равномъ разстояніи отъ зайца, и поетъ:

Зайника ускоки, свринькой ускоки,
 Кружкомъ, бочкомъ повернись,
 Кружкомъ, бочкомъ повернись.

Заецъ поднимается на лапочки и хочетъ выскочнуть изъ круга, но его не выпускаютъ. Тогда онъ, упираясь руками объ землю, кружится во всѣ стороны.

(*) Сахар. Сказ. русск. нар. ч. 2. с. 83.

Занька ускоки, сиринькой ускоки,
И подь бочки подопрись,
И подь бочки подопрись.

Заецъ подпирается въ бочи *фертикомъ* и забрасываетъ ногу: сначала одну, потомъ другую.

Занька въ ладоши, сиринькой въ ладоши,
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Кружкомъ, бочкомъ повернись.

Заецъ ставъ на корточки, бьетъ въ ладоши; потомъ мечется во всѣ стороны.

Здѣсь города всѣ нѣмецкіе,
Здѣсь города всѣ нѣмецкіе,
Закръночки все желѣзные,
Закръночки все желѣзные.
Есть зайцу куда выскочить,
Есть зайцу куда выскочить.
Сърому куда выскочить,
Сърому куда выскочить.

Заецъ начинаетъ куакать, какъ дитя; взвизгивать, подражая зайцу, пойманному въ тенатахъ; брыкать ногами и старается вырваться изъ круга. Мушны отталкиваютъ его и кричатъ: ату—уу!—у—лю. Дѣвущки машутъ на него платками. Наконецъ заецъ, замѣтивъ слабое мѣсто, вырывается изъ круга и этимъ оканчивается игра. —

гуси. Чертятъ небольшой кругъ и въ срединѣ его садится волкъ, кому завязываютъ глаза; потомъ молодые люди, составляющіе хороводъ, берутся за руки и становятся вокругъ волка, на довольно значительное расстояние отъ начерченного круга; между хороводомъ и кругомъ помѣщаются дѣти: онѣ играютъ гусенятъ.

Хороводъ: А гуси, вы гуси!
 Гусенята. Га га га, га га га.
 Хороводъ. Вы стрыя гуси!
 Гус. Га га га, га га га,
 Хор. А гдѣ гуси были?
 Гус. Га га га, га га га.
 Хор. Кого гуси видѣли?
 Гус. Га га га, га га га. —

Въ то время, когда гуси кричатъ, волкъ бросается на нихъ, чтобы схватить кого нибудь, и если поймаетъ, то отводитъ на средину и сажаетъ на опредѣленное имъ мѣсто. Посаженный не смѣетъ встать до окончанія пѣсни. Если же волкъ не поймаетъ, то возвращается на свое мѣсто и ждетъ новаго крика гусей. —

Гусенята. Мы видѣли волка,
 Унесъ волкъ гусенка;
 Что самаго лучшаго,
 Что самаго большаго.
 Хоров. А гуси, вы гуси!
 Гус. Га га га, га га га.
 Хор. Щиплите-ка волка.

Пойманные и непоиманные гуси бросаются на волка, а онъ, сорвавъ съ глазъ своихъ повязку, кружится и старается ускользнуть изъ хоровода, что не такъ легко сдѣлать, потому что хороводъ не выпускаетъ волка. Если ускользнетъ волкъ, то его не трогаютъ болѣе, и игра оканчивается.

Вотъ вамъ лицетворенное сватовство. Снѣгирь—же-Синичка. ихъ, послѣ долгихъ неудачъ рѣшается жениться, а между тѣмъ знакомые спрашиваютъ его: почему онъ не женится? Онъ отвѣчаетъ: что ему нѣкого взять за себя. Такой обыкновенно отвѣтъ у жениховъ съ неудачами. Наконецъ синичка, сестра снѣгиря, созываетъ къ

себѣ гостей и тутъ улаживаетъ выборъ. Такъ дѣлается въ семейной жизни, въ коей жепщины доверяютъ свадьбу.

Во время хоровода снѣгирь — женихъ ходитъ въ кругу, обращаясь лицомъ къ поющимъ, и высматриваетъ невѣсту. Хоръ поетъ :

За моремъ синичка не пышно жила,
 Не пышно жила, пиво варила,
 Солоду купила, хмѣлю займы взяла.
 Черной дроздъ пивоваромъ былъ,
 Сизой орелъ винокуромъ слылъ.
 Дай же намъ, Боже, пиво то сварить,
 Пиво то сварить и вина накурить.
 Созовемъ къ себѣ гостей, мелкихъ пташекъ.
 Совушка, вдовушка, незваная пришла, —
 Снѣгирюшка по синичкамъ похаживаетъ,
 Совушка головку поглаживаетъ. —
 Стали всѣ птички межъ собой говорить:
 Что же ты снѣгирюшка не женишься?
 Радъ бы я жениться, да нѣкого взять:
 Взялъ бы я чечетку, — то matka моя,
 Взялъ бы я синичку, — сестричка моя,
 Взялъ бы я сороку, — щекотливая.
 Есть за моремъ перепелочка,
 То мнѣ ни матушка, ни тетушка,
 Ту я люблю, за себя возьму.
 Здравствуй хозяйнѣ съ хозяйкою,
 Съ малыми дѣтками на многи лѣта! (*)

(*) Чулк. Собр. пѣсн. с. 232.; Собр. пѣсн. изд. С. П. Б. 1819 г. ч. 2. с. 92. и издан. Моск. 1822 г. ч. 3. № 269. Говорятъ, что синичка сочинена въ царствованіе Іоанна грознаго, и что въ тоже время она запрещена, потому что она заключала въ себѣ

Это насмѣшка надъ разными недостатками дѣвицъ ^{Воробушекъ.} и молодыхъ парней. Она вошла въ хороводъ въ видѣ поученія, и часто случается, что намеки производятъ явное неудовольствіе, или между играющими или между тѣми, кои смотрятъ на эту забаву. Въ старину не знали театральныхъ представленій, но за то многія пѣсни служили нашимъ предкамъ изъясненіемъ слабостей обоого пола. Бываютъ случаи, что пороки не всегда могутъ быть осмѣяны явно. — Древніе народы рассказывали объ нихъ подъ видомъ басней, потомъ вывели ихъ на сцену подъ многоразличными измѣненіями, и наконецъ олепетовили ихъ на театрахъ. — Наши зрѣлища, появившіяся въ половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ достойнаго его любимца, ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, не могли занять простой народъ, который и доселѣ забавляется хороводными играми отъ души и сердца. Пора бы намъ заняться своимъ народнымъ, вводить свое, потому что многое чужестранное не по насъ и не по нашему духу. Справедливо сказалъ въ свое время объ иноземцахъ, ближній бояринъ Афанасій Лаврентьевичъ

намеки на жизнь какого-то боярина, и что потомъ пѣсня эта содѣлалась любимой при застольныхъ пиршествахъ, одного великаго монарха, какъ думаютъ Петра I. Сочинитель Сказ. русск. народа, г. Сахаровъ (кн. 3. с. 60. изд. 1841 г.) не вѣритъ этому преданію: онъ требуетъ на это историческихъ актовъ. Да развѣ вся историческія событія вполнѣ основаны на актахъ? — Многія, и очень многія, подтверждаются однимъ народными преданіями. Почему же не вѣрить, что эта пѣсня имѣетъ свое преданіе? У сочинителя сказаній русск. народа, почти вся событія взяты изъ изустныхъ преданій, — по этому и ему надлежало бы не вѣрить; отъ него такъ же надобно требовать историческихъ фактовъ. —

Ордынь-Нашокинъ: *изъ платья не по нать, а наши не по нать.* — Какъ бы ни было, игра воробушекъ есть любимая между сельскими жителями, и она дѣйствительно веселитъ всѣхъ ихъ. — Дѣлается кругъ изъ двѣхъ и молодцевъ, въ срединѣ ихъ стоитъ воробушекъ, одинъ изъ играющихъ; онъ представляетъ, при пѣніи пѣсни, разными своими тѣлодвиженіями и коверканіями, походку гордыхъ, уродливыхъ, насмѣшливыхъ и ненавистныхъ людей. Искусство воробушка состоитъ въ томъ, чтобы умѣть все выставить ловко и естественно.

Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ дѣти ходять?

Онъ представляетъ ихъ походку, а хороводъ поетъ:

Они этакъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ орешки лежать.

Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ дѣвцы ходять?

Воробушекъ представляетъ ихъ походку, а хороводъ поетъ:

Они этакъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидять.

Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ молодцы ходять?

Воробушекъ представляетъ ихъ.

Они такъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,

Гдѣ голубушки сидятъ. —
 Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ старушки ходятъ?

Онъ показываетъ имъ:

Они этакъ, и вотъ этакъ:
 Туды глядь, сюды глядь,
 Гдѣ молодые сидятъ —
 Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ купцы ходятъ?

Отвѣчаетъ походкою:

Они этакъ, и вотъ этакъ:
 Туды глядь, сюды глядь,
 Гдѣ товары лежатъ.
 Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ скупые ходятъ?

Они этакъ, и вотъ этакъ:
 Туды глядь, сюды глядь,
 Гдѣ сундуки стоятъ.
 Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ наши вороги ходятъ?

Они этакъ, и вотъ этакъ:
 Туды глядь, сюды глядь,
 Какъ честные говорятъ.
 Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ злые люди ходятъ?

Показываетъ имъ.

Они этакъ, и вотъ этакъ;
 Туды глядь, сюды глядь,
 Гдѣ добрые сидятъ. —

Вопросы продолжаются иногда долго, смотря по за-

нимательности и ловкости вопрошающихъ. Оканчиваютъ обыкновенно:

Скажи, скажи, воробушекъ,
 Какъ скачетъ чивъ, чивъ воробей?
 Вотъ этакъ, и вотъ этакъ:
 Туды глядь, сюды глядь,
 И норхъ черезъ заборъ.

Воробушекъ старается вылетѣть изъ круга, и тотъ, кто могъ удержать его и не удержать, заступаетъ его мѣсто; въ противномъ случаѣ воробушекъ снова вступаетъ въ прежнюю свою игру.

Есть другая игра воробушекъ. Она разыгрывается съ тою цѣлю, чтобы посмѣяться надъ предающимися пьянству. Нѣкоторые думаютъ, что ее только разыгрываютъ на Успеніе, и когда гости бываютъ на веселѣ. Можетъ быть это такъ было прежде, но съ того времени, какъ эта игра сдѣлалась хороводною, она превратилась въ одну забаву; разыгрываютъ ее, когда вздумаютъ, и поютъ, что имъ по сердцу. Самая пѣснь выскажетъ намъ это лучше. —

У воробушки головушка болѣла,

Охъ, какъ болѣла?

Такъ болѣла, вотъ такъ болѣла, этакъ болѣла.

У воробушки сердечушко щемило —

Охъ, какъ щемило?

Такъ щемило, вотъ такъ щемило, этакъ щемило. —

У воробушки спиннушка болѣла,

Охъ, какъ болѣла?

Такъ болѣла, вотъ такъ болѣла, этакъ болѣла.

У воробушки рученьки болѣли,

Охъ, какъ болѣли?

Такъ болѣли, вотъ такъ болѣли, этакъ болѣли.

У воробушки ноженъки болѣли,

Охъ, какъ болѣли?

Такъ болѣли, вотъ такъ болѣли, этакъ болѣли.

Ужъ сталъ воробей присѣдати,

Охъ, какъ воробей присѣдати?

Такъ присѣдати, вотъ такъ присѣдати, этакъ присѣдати.

Захотѣлъ воробей перемѣны,

Охъ, какъ перемѣны?

Такъ перемѣны, вотъ такъ перемѣны, этакъ перемѣны.

Еще поютъ :

У воробушки головушка болѣла,

Такъ болѣла, такъ болѣла.

У воробушки сердечушко щемило. —

Такъ щемило, такъ щемило, такъ щемило.

У воробушки спинюшка болѣла,

Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла. —

У воробушки рученька болѣла,

Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла.

У воробушки ножинька болѣла, —

Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла.

Ужъ какъ сталъ воробей присѣдати,

Такъ присѣдати, такъ присѣдати, такъ присѣдати. —

Захотѣлъ воробей перемѣны. —

Въ смоленской губерніи разыгриваютъ иначе воробушка. Молодые люди, взявшись за руки, составляютъ кружокъ; въ срединѣ его ходитъ воробушекъ:

А у воробушки головушка

Болишь, болишь, болишь;

А у воробушки сердечушно
Щемить, щемить, щемить.
Не пора ль тебѣ воробушка,
Садиться на лужокъ?
На лужечекъ, на пружечекъ,
На желтенькой на песочекъ?

При этихъ словахъ воробушекъ садится или становится на колѣни.

Хоръ поетъ:

Не пора ль тебѣ, воробушка,
Встать, полетать?
Встать, встать, полетать?
Кого любишь, цѣловать. —

Воробушекъ встаетъ, машетъ руками и бѣжитъ по хороводу, наконецъ останавливается предъ той, которую цѣловать хочетъ, и цѣлуетъ. Поцѣловавшая имъ выходитъ на средину хоровода, и игра повторяется тѣмъ же порядкомъ.

Воробушки. Дѣвушки и парни, взявшись за руки, скачутъ и пляшутъ, соображаясь съ дѣйствіями воробушекъ. Весь хороводъ поетъ громко, весело и со всѣми измѣненіями разнообразныхъ забавъ.

Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелещутъ, пипилищутъ,
Собираютъ свою братью.
Ахъ братцы, всѣхъ моихъ!
Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелещутъ, пипилищутъ,
Собираютъ свою братью,
Ахъ братцы, всѣхъ до малаго!

Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
 Попелешутъ, пипилищутъ,
 Собираютъ свою братью.

Ахъ братцы, всѣхъ до стараго!

Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
 Попелешутъ, пипилищутъ,
 Собираютъ свою братью,
 Да всѣхъ во единой кругъ.

Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
 Попелешутъ, пипилищутъ.

Собиралися на зеленой лугъ,

Ахъ на рябинушку.

Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
 Попелешутъ, пипилищутъ.

Тутъ хороводный кругъ разрывается, дѣвушки ро-
 няютъ парней и потомъ составляютъ свой кругъ:

Зароняютъ свою братью,
 Ахъ братцы, всѣхъ до малаго!

Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,

Попелешутъ, пипилищутъ,

Разгоняютъ свою братью,

И всѣхъ до стараго!

Парни разогнаны отъ малаго до большаго, однѣ
 дѣвушки скачутъ въ хороводѣ.

Красны дѣвушки, всѣ голубушки,

Собиралися, соходилися,

Ахъ, на зеленой лугъ!

Разогнанные парни пристають къ дѣвушкамъ, и со-
 ставятъ общій съ ними кругъ.

Добрые молодцы, разудалые!
 Собиралися, сохотилися
 Къ краснымъ дѣвушкамъ,
 Ахъ, во широкой кругъ!
 Всѣ рѣзвилися, веселилися,
 Съ молодчиками,
 Съ удалыми совыкалися.

Одинъ парень, разыгрывая сизого воробушка, входитъ въ кругъ, и когда запоютъ: разгонялъ, разсыпалъ и т. д., тогда онъ разрознываетъ пару, выгоняетъ изъ круга дѣвушку а за нею ея парня.

Сизъ воробушекъ, сизъ молоденькой,
 Доброй молодецъ, разудаленькой.
 Разгонялъ, разсыпалъ красныхъ дѣвушекъ,
 Онъ съ первой, онъ до послѣдняго!

Послѣднія четыре строчки поютъ хороводныя дотолѣ, пока онъ не разгонитъ всѣхъ и самъ улетитъ послѣ.

Люди все бы пировали и веселились, если бы нужда не разгоняла ахъ, а эта нужда: ихъ мотовство и раззореніе отъ пировъ. Веселящіеся пепелешутъ, какъ воробы, пока есть кормъ; не станеть его, чирикаютъ, разлетаются во всѣ стороны и не узнаютъ тѣхъ, у кого веселились; даже забываютъ ихъ, оправдывая собою общенародную поговорку: всѣ пріятели и друзья, до чернаго лишь дня. —

Вологда-
 нинъ.

Эта игра употребляется преимущественно въ уѣздахъ смоленской губерніи: юхновскомъ, гжатскомъ, сычевскомъ и частію вяземскомъ и духовщинскомъ. Играютъ слѣдующимъ образомъ: сажаютъ молодого парня на траву и покрываютъ его платкомъ. Возлѣ не-

ге остается одна дѣвушка, которая во время пѣнія ходить вокругъ его: то въ правую, то въ лѣвую сторону; въ окружаетъ поющій хороводъ:

Кругъ вуста, кругъ вуста;

Ракитова кустика,

Ракитова кустика.

Ходила, гуляла,

Молодая воложаночка,

Молодая воложаночка. —

Кликала, гаркала;

Молодаго воложанина,

Молодаго воложанина:

Подъ сюда, подъ сюда;

Молодой воложанинъ подъ сюда.

Молодой воложанинъ, подъ сюда. —

Подъ сюда, подъ сюда;

Солода растить, подъ сюда;

Солода растить, подъ сюда.

Молодой парень отвѣчаетъ:

Я не умень, я не гораздъ;

Солода растить я не умень,

Солода растить я не гораздъ.

Хороводъ, повторяя прежніе стихи, зоветъ воложанина варить пиво:

Подъ сюда, подъ сюда;

Пиво варить, подъ сюда,

Пиво варить, подъ сюда.

Парень отвѣчаетъ:

Я не умень, я не гораздъ;

Пиво варить я не умень,

Пиво варить я не гораздъ.

- Хороводъ преть вренія слова и лорема: пригла-
шаютъ воложанина цѣловать дѣвушекъ.

Подь сюда, подь сюда;
Дѣвокъ цѣловать, подь сюда,
Дѣвокъ цѣловать, подь сюда.

На этотъ зовъ парень отвѣчаетъ:

То я умбю, то я гораздъ;
Цѣловать дѣвокъ я умбю,
Цѣловать дѣвокъ я гораздъ.

Съ послѣднимъ словомъ онъ сбрасываетъ съ себя платокъ, подходитъ къ хороводу и цѣлуетъ которую нибуль изъ дѣвушекъ; ходившая же вокругъ его, цѣлуетъ другого мужчину. Подъчованныя занимають мѣста воложанина и воложанки; потомъ игра повторяется и продолжается по общему согласію. —

Ящерь. Въ этой игрѣ болѣе участвуютъ дѣвцы, включая
ящера, которымъ всегда бываетъ мальчикъ. На него
набрасываютъ платокъ, потомъ составляютъ около не-
го кругъ, пляшутъ и поють:

Сиди, сиди ящерь,
Въ ореховомъ кусть;
Грызи, грызи ящерь,
Каленыя ядра,
Дамъ тебѣ ящерь —
Красную дѣвку,
Алую ленту. (*)

(*) Въ пѣсенникахъ изданіи С. П. В. 1899 г. ч. 4, № 80 и
москов. 1822 г. № 329, тамъ написано:

Одна изъ дѣвушекъ выходитъ изъ хоровода и спрашиваетъ:

Кто сидитъ?

Ящерь.

Что грызетъ?

Ядры.

Кого хочетъ?

Дѣвкѣ.

Которую?

Ящерь называетъ имя дѣвушки, участвующей въ хороводѣ; вызванная бросаетъ ему платокъ и садится возле него. Такое дѣйствіе продолжается дотолѣ, пока всѣ дѣвушки не перейдутъ къ ящеру. Потомъ всѣ дѣвушки встаютъ, снова становятся въ хороводъ и пляшутъ:

Насидѣлся ящерь,

Въ ореховомъ кустѣ;

Насмотрѣлся ящерь,

На красныхъ дѣвокъ.

Отдай же ящерь,

Алую ленту,

Алую ленту,

Дѣвкѣ Надежѣ.

Ящерь раздаетъ по принадлежности платки, хоръ пляшетъ и поетъ, пока онъ всѣмъ не раздастъ. —

Разыгриваютъ еще ящера иначе. Избравъ парня или

Сиди ящерь въ ореховомъ кустѣ,

Щипли ящерь зрѣлые орѣхи,

Грызи ящерь орѣховы ядра.

Лови дѣвку за русую косу,

Лови красную за алую ленту.

дѣвушку, ставятъ въ срединѣ круга вмѣсто ящера. Играющіе образуютъ кругъ, и побравшись за руки, ходятъ въ одну сторону, припѣвая:

Сиди, сиди ящерь,
Въ ореховомъ кустѣ;
Гложи, гложи ящерь,
Ореховы ядра;
Лови, лови ящерь,
Дѣвку чернобровку.

По окончаніи припѣва весь хороводъ начинаетъ скоро вертѣться, въ одну сторону. Ящерь старается поймать кого либо изъ кружащихся; пойманная цѣлуетъ его и становится разыгрывать ящера. Такимъ образомъ продолжается игра.

Воложанинъ и ящерь, выражаютъ волокитство: —

Селезень.

Забавляются не одни взрослые но и дѣти, для которыхъ селезень составляетъ гимнастическое занятіе, потому что здѣсь бѣгаютъ и вертятся. По обыкновенію дѣлается хороводный кругъ, въ срединѣ его бѣгаютъ селезень и утка: селезень гонится за утку, старается словить ее; она уходитъ отъ него и ныряетъ. Селезень кричитъ, утка выплываетъ и это продолжается до тѣхъ поръ, пока парень не словить дѣвушку. Часто хороводные не доускаютъ до этого: они кричатъ и машутъ руками.

Селезень, селезень,
Сизъ голубчикъ селезень!
Селезень, догоняй утку;
Молодой, лови утку.
Хохлатой селезень,
Селезень, догоняй утку.
Поди утушка домой,
Поди сѣринькая домой.

Гдѣ утушка твоя?
 Гдѣ семеро твоихъ дѣтей?
 Селезень, селезень,
 Снѣзъ голубчикъ селезень!
 Утушка ширяеть,
 По полямъ летаетъ.
 Кигъ-кигъ,—догоняй!
 Кры-кра, утушка дождой!
 У селезня семеро дѣтей,
 А самъ осьмой безъ ногъ.—

Разсерженный селезень нападаетъ на утку: ее защищаютъ. Эта оборона ведетъ къ ссорѣ, потому что долгое бѣганье приводитъ его въ усталость и лишаетъ охоты ловить болѣе. Отсюда произошла поговорка: *подзадоривай задоръ*. — Вырнувшая утка, надсмѣхается надъ селезнемъ; онъ принимается за задоръ: укоряетъ и ссорится.

Есть еще другая хороводная игра селезень, обращенная въ насмѣшку надъ тѣми неопытными мужьями, которые довѣряютъ своихъ женъ молодымъ своимъ знакомымъ. — Селезня играетъ молодой парень; онъ, ходя въ кругу, поетъ съ прочими:

Ужъ какъ по рѣкѣ широкой,
 Какъ по рѣкѣ раздольной.
 Ой люли, селезень!
 По той рѣкѣ да по широкой,
 Бѣжить доброй молодець,
 Ой люли, селезень!
 Ты постой, постой,
 Хохлатой селезень!
 Ой люли, селезень!
 Плыветъ, ни ворохнется.
 Плыветъ—то удадой,
 Ой люли, селезень!

Опъ къ молодунити плыветь,
Самъ весельцемъ гребеть.

Ой люли, селезень!

Подъ сердцемъ занюбушка:

Въ дому сударушка одна,

Ой люли, селезень!

Ты постой, постой!—

Я сударушка не твоя.

Ой люли, селезень!

Хороводные обращаются къ предстоящимъ и произносятъ съ язвительной насмѣшкой:

Во тебя ли во дому,

Сочинилася бѣда?

Измѣнила молода!

Ой люли, селезень!

Язвительный оборотъ производить иногда неудобство, особенно, если обратятъ глаза на виновницъ-молодушекъ. Мужья, нахмутивъ брови, какъ случается вездѣ, уходятъ съ ними домой для расчета. (*)

Слѣдующая пѣснь выражаетъ любовь дѣвушки къ своему милому. Первые три стиха поетъ играющая селезня, а прочіе оканчиваютъ стоящіе въ хороводѣ.

И я селезня любила,

Я касатова хвалила,

(*) Эта пѣснь напечатана съ большими измѣненіями, въ сравненіи съ издан. г. Сахар. Сказ. русск. нар. 1841 г. ч. 3. с. 37. № 33 и с. 61.; с. 42. № 48 и с. 67., варианты № 48. Изъ этого можно видѣть, что наши хороводныя пѣсни подвержены частымъ принаровленіямъ, по пословицѣ: *что корода; то корова; что деревля, то обычай.*

Я кафтанъ ему купила.

Люли, люли, селезень,

Люли, люли, молодой!

Чернобровой селезень,

Черноглазой селезень,

Въ кафтанъ селезень.

И я селезень любила,

Я касатова хвалила,

Я камзолъ ему купила.

Люли, люли, селезень,

Люли, люли, молодой!

Чернобровой селезень,

Черноглазой селезень,

Въ кафтанъ селезень,

Въ камзолъ селезень.

И я селезень любила,

Я касатова хвалила,

Черны бархатны штаны купила.

Люли, люли, селезень,

Люли, люли, молодой!

Чернобровой селезень,

Черноглазой селезень,

Въ кафтанъ селезень,

Въ камзолъ селезень,

Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ.

И я селезень любила,

Я касатова хвалила,

Я чулки ему купила.

Люли, люли, селезень,

Люли, люли, молодой!

Чернобровой селезень,

Черноглазой селезень,

Въ кафтанъ селезень,

Въ камзолъ селезень,

Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,

Въ былыхъ шелковыхъ чулкахъ.

И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Башмачки ему купила.

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,
Въ былыхъ шелковыхъ чулкахъ,
Въ сафьянныхъ башмачкахъ.

И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Пряжечки ему купила. —

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
Въ кафтанъ селезень,
Въ камзолъ селезень,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,
Въ былыхъ шелковыхъ чулкахъ,
Въ сафьянныхъ башмакахъ. —

И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Ему сердце отдала.

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень, —
Ему сердце отдала. —

Отдавшая свое сердце, подаетъ руку любимому ею парню, который выводитъ ее изъ круга. — Если желаютъ еще играть селезня, то вновь начинаютъ въ прежнемъ порядкѣ. Часто принимаютъ участіе, въ этой забавѣ, молодые парни. Тогда невольно обнаруживается скры-

тная любовь парня къ своей дѣвицѣ; тогда распростра-
няется повсюду слухъ: парень полюбилъ, парень же-
нится, вѣдь не даромъ онъ игралъ съ нею! —

Неподдѣльное русское веселье, когда варять пиво. Пиво ва-
рять. Тогда бываетъ радость не только въ семейномъ кру-
гѣ, но и въ цѣломъ околдкѣ. Вездѣ говорятъ: тамъ
варять пиво, тамъ и веселье. Русское радушье: угощать
и веселиться, причиною сочиненія этой хоровой иг-
ры. — Кому не радостно позабавиться! И кто какъ не
Русской, веселится отъ полноты души! Разгулъ сель-
ской жизни открывается любимой забавою: пиво ва-
рять, и это бываетъ не одной осенью порою, но во вся-
кое время, когда вѣдуется хороводу. Въ старое время
велось обыкновеніе варить пиво осенью, предъ бабьимъ
лѣтомъ. Молодые, наполнивъ кувшины брагою, выходи-
ли къ воротамъ и подчивали старыхъ, а потомъ моло-
дыхъ людей, и когда немножко всё подгуляютъ, или,
какъ говорятъ: хмѣль разумъ зашибеть, тогда принима-
лись за хороводы, и плясалъ всякъ, кто былъ крѣпокъ
на ногахъ. Теперь осталась въ воспоминаніи одна игра
съ пѣснью. Дѣвушки и молодцы, избираютъ изъ сво-
ей середины хооводницу, которая и зачинаетъ:

Ай на горѣ мы пиво варили,
Ладо, мое ладо, пиво варили!
Мы съ этаго пива всё вокругъ соберемъ,
Ладо, мое ладо, всё соберемъ!

Хороводъ, повторивъ пропѣтое, продолжаетъ:

Мы съ этаго пива, всё разойдемся,

Раскодаются въ равныя стороны.

Ладо, мое ладо, все равноденыя! —
Мы съ этого пива, все присядемъ,

Присѣдаютъ:

Ладо, мое ладо, все присядемъ! —
Мы съ этого пива спать ляжемъ (лажатся),
Ладо, мое ладо, спать ляжемъ!
Мы съ этого пива опять встанемъ (встають),
Ладо, мое ладо, опять встанемъ! —
Мы съ этого пива въ ладоши ударимъ (бьютъ
въ ладоши),

Мы съ этого пива все перепьемся.
Ладо, мое ладо, все перепьемся! —
Мы съ этого пива все передеремся,
Ладо, мое ладо, все передеремся!
Мы съ этого пива домой уберемся,
И до завтра не проснемся,
Ладо, мое ладо, не проснемся! —

Въ другихъ мѣстахъ выносятъ къ хороводу пиво и брагу. Случается, что отъ нея перепиваются, и что на завтра встаютъ съ головной болью самыя дѣвушки, которыя сначала отказывались отъ пива и браги. — Обыкновенно ихъ просятъ немножко откусать пива: онѣ пьютъ сначала немножко, будто бы изъ вѣжливости, потомъ прихлебываютъ. — Когда же поразчуются, тогда растроятъ свой хороводъ и начинаютъ плясать. — На другой день собирается уже хороводъ изъ насмѣшливыхъ молодыхъ людей, которые поютъ: у воробушки головушка болѣла, и проч. Пусть говорятъ послѣ этого, что у поселянъ нѣтъ своихъ язвительныхъ выходовъ. —

Накъ ра. ствѣ. Забава дѣтская и взрослыхъ обоюго пола. Въ этой игрѣ не видно ни одной черты семейнаго быта: одно веселіе и удовольствіе управляетъ хороводомъ.

Макъ растить играютъ по всей Россіи и въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ. О происхожденіи этого хоровода, не извѣстно. Должно думать, что онъ вошелъ въ игру у Грековъ, съ увнаниемъ усыпляющаго свойства мака, коому еще въ древнія времена воспѣвали гимны и изобрѣтали его божествомъ сна, подъ именемъ Морфея. Ему строили храмы, потому что усыпительное дѣйствіе считали сверхестественнымъ, а что почиталось сверхестественнымъ, то производило всеобщее поклоненіе. — Язычество усиливало суевѣрное поклоненіе къ маку, а знаменитые афинскіе мудрецы, терпѣли гоненія отъ черни, когда они смѣлились истолковать маѣнія ложныя. У Славянъ, хотя было божество нѣчто похожее на Морфея, Кикимора, но она не выражаетъ бога сна, и мы не знаемъ даже, какія совершали ей жертвоприношенія. Изъ веселыхъ воспѣваній въ честь мака, составила забаву. — Взявшись рука за руку, становятся въ кружокъ, который верѣвке составляется изъ двухъ сотъ паръ обоего пола. Сначала движутся едва замѣтно, и въ то время одна изъ дѣвушекъ, называемая *зачинщицей*, начинаетъ запѣвать макъ. Но прежде всего сажаютъ въ срединѣ кого либо растить макъ, и когда всѣ запоютъ, тогда начинаютъ ходить кругомъ, и поютъ громче:

Ой на горѣ макъ, макъ,
 Подъ горю тань, тань.
 Маковки, маковички!
 Станемъ въ рядъ,
 Спросимъ про макъ. (*)

(*) Поютъ въ равныхъ мѣстахъ различно, но вездѣ одинъ и тотъ же смыслъ:

Хороводъ останавливается, спрашиваетъ: поспѣянъ ли макъ? Сидящій въ срединѣ отвѣчаетъ: только вспахана земля. Тогда хороводъ снова ходитъ вокругъ сидящаго, и поетъ первый куплетъ; потомъ останавливается и опять спрашиваетъ: поспѣянъ ли макъ? Сидящій отвѣчаетъ поспѣянъ. Хороводъ продолжаетъ ходить и пѣть прежній куплетъ, пока не удовлетворитъ ихъ вопроса, что макъ уже поспѣлъ. Вопросы дѣлаются иногда произвольные, но обыкновенно послѣ вопроса: поспѣянъ ли макъ? — повсюду спрашиваютъ: всходитъ ли макъ? — Раститъ макъ отвѣчаетъ: всходитъ. Зацвѣлъ ли макъ? — зацвѣлъ. Поспѣваетъ ли макъ? — поспѣваетъ. — Отцвѣлъ ли макъ? — отцвѣлъ. — Поспѣлъ ли макъ? — поспѣлъ. — Тогда кричатъ: собирайтесь срывать! или: собирайтесь отряхнуть макъ! При послѣднемъ словѣ растить макъ спѣшить убѣжать изъ круга; хороводъ его удерживаетъ, хватаетъ за голову и начинаетъ трести, и бываетъ, что трясутъ такъ крѣпко, что у бѣднаго глаза на выкатъ: отъ чего не всякъ соглашается растить макъ. Тогда уговариваютъ, просятъ, обѣщаютъ подарочекъ или задариваютъ впередъ пряничками, орѣхами и пр., и потому вошло въ обычай называть, согласившихся растить макъ: маковымъ дурачкомъ, или дѣлаютъ ему насмѣшливыя причитанія: сиди, сиди, макъ расти, на сладенькій пирожокъ, маковый дурачекъ и т. п.

Нѣкоторые изъ писателей замѣчаютъ, (*) что часто для этой игры выбираютъ дурачка, или послушнаго

Ахъ на горѣ макъ,
 Подъ горою такъ, такъ.
 Охъ свѣтъ мой маковочки,
 Золотыя маковочки!
 Станемъ-те въ рядъ,
 Будеть у насъ макъ.

(*) Сахар. Сказ. русск. нар. ч. 2. с. 71. изд. 1887 г.

и безотвѣтнаго до послѣдней возможности, чтобы онъ терпѣливо переносилъ побой: напротивъ, для этой игры выбираютъ смѣлыхъ и ловкихъ, которые бы могли увернуться отъ трясенія мака. —

Вотъ еще небольшія измѣненія этой игры. Избравъ мушину растить макъ, сажаютъ его на землю. Хороводъ, побравшись за руки, становится вокругъ растить макъ и движется въ родѣ пляски: то въ ту, то въ другую сторону, съ припѣвомъ: —

А на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ.
Макъ, макъ, маковочка,
Золотая головочка,
Серебряный макъ!

А на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ.

Хороводъ спрашиваетъ: поспѣлъ ли макъ. Ему отвѣчаютъ, что только вскопаны гряды. — Хороводъ снова пляшетъ, поетъ, и пропѣвши прежнее, спрашиваетъ: поспѣлъ ли макъ? — Еще только посѣянъ. — Потомъ растить макъ отвѣчаетъ имъ: всходить, потомъ цвѣтеть а тамъ созрѣваетъ. Послѣ каждого отвѣта пляшутъ и поютъ; но когда услышатъ, что макъ созрѣлъ, тогда поютъ:

Станемъ-те-трепять макъ,
Золотой нашъ макъ!

При послѣднемъ словѣ, что макъ созрѣлъ, хороводъ бросается срывать его: поднимаетъ съ земли сѣяшаго макъ и трясетъ его голову.

При мѣстномъ измѣненіи игры, иные ходя поютъ около сѣющаго макъ:

Въ полугоры макъ,
 Въ косогоры макъ,
 Маки маковочки,
 Золотыя головочки!
 Станемъ мы въ рядъ,
 Спросимъ про макъ:
 Созрѣлъ ли нашъ макъ?

Потомъ продолжаютъ спрашивать, прежнимъ порядкомъ, и оканчиваютъ единообразно. — Пѣніе мака измѣняется иногда до совершеннаго переименованія. (*)
 Представляемъ сдѣсь образчикъ:

При горъ макъ, макъ,
 Презеленой макъ.
 Маки, маки, маковочки,
 Золотыя головочки!
 Тамъ былъ макъ,
 Всякъ былъ макъ.
 Красны дѣвушки
 Станьте въ рядъ,
 Спросимъ все про макъ.

У воды стали дѣвушки въ хороводъ,
 А мы молодыя основушку свозали,
 Перемотушки клали.
 Тай, тай, ла, думаю!
 Какъ вечеръ-то въ торгу кликали, кликали.
 Тай, тай, ла, думаю!
 Да что у насъ въ торгу дорого?
 У насъ дорого во торгу красныя дѣвушки.
 Тай, тай, ла, думаю!
 Какъ одна то дѣвушка сто рублей,

(*) Въ волскомъ уездѣ, саратовской губ. —

Какъ другая-то дѣвушка тысячу,
А третьей дѣвухкѣ цыны нѣтъ. —

Тай, тай, ла, думаю!

Да что у насъ во торгу дешево?

У насъ во торгу дешево добрые молодцы,

Тай, тай, ла, думаю!

По шести молодцевъ на овсяной блинъ,

А седьмой то молодецъ,

На придачу пошелъ, —

Тай, тай, ла, думаю!

А седьмой молодецъ,

На придачу пошелъ, —

Онъ съ конемъ и ездилъ,

И съ булатнымъ конемъ.

Тай, тай, ла, думаю!

Славяне узнали употребленіе проса гораздо прежде
ржи, и оно, у дунайскихъ Славянъ, долгое время замѣ- Просо
сѣять.
няло хлѣбное зерно. Когда же именно просо вошло во все-
общее употребленіе? Трудно сказать. Вѣроятно современ-
ни осѣдлости Славянъ (въ VI в.), когда земледѣльчество
привязало ихъ къ землѣ. Но пѣвали ли просо сѣять въ
глубокое время древности? Мы не можемъ отвѣчать на
это утвердительно, по крайней мѣрѣ думаемъ, что пѣсня
вошла во всеобщее употребленіе не прежде распро-
страненія проса. Мы не знаемъ доселѣ пѣсни, древнѣе
о полку Игоревомъ, но судя по слогу о пѣснѣ просо сѣ-
ять, то она должна быть не старѣе XVII вѣка. — Окон-
чанія: *ой дидь, ладо*, составляютъ произвольный при-
пѣвъ, но припѣвъ пріятный, музыкальный, подобно
словцамъ: *ой люли, или, калина, малица моя*. (*)

(*) Въ подольской губерніи около Межибожья, поселяте по-
ютъ на играхъ, во время пасхи, *о царевнѣ ладѣ*, а пѣтъ *Брестъ*.

Нѣтъ мѣста въ Россіи, гдѣ бы не пѣвали просо сѣять, и по большей части поютъ въ теплые вечерніе дни. Замѣчательно, что этой игрой встрѣчается самая весна. Едва зазеленѣютъ луга, уже выходятъ дѣвушки и молодцы повеселиться на просторѣ. — Сначала идутъ отдѣльно, потомъ сходятся на лугу. Кто посмѣлѣе, тотъ собираетъ хороводъ. Но хороводъ еще не начался. — Пожилая женщина беретъ на себя хлопоты, чтобы составить дружескій хороводъ. Въ иныхъ мѣстахъ называютъ эту женщину кумушкой, въ другихъ бабушкой, въ иныхъ хороводницею. Какъ бы ни было, только она зачинаетъ; къ ней приступаютъ и она поетъ съ ними:

Какъ на улицѣ досыткѣ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Охъ вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ какъ вы холостые, не глядите,
Вамъ глядѣльницемъ дѣвушекъ не взять.
Ужъ какъ взять ли, не взять ли по любви,
Что по батюшкиному повелѣнью,
Что по матушкиному благословенью.

Послѣ этого раздѣляются на двѣ половины и становятся другъ противу друга. Хороводница остается при одной какой либо половинѣ, и поетъ:

Литовскимъ о королевнѣ ладѣ. Одинъ изъ почтенныхъ нашихъ писателей выводитъ изъ этаго (Сивг. Русск. простонар. правд. вып. III. с. 27), что Лада вѣроятно былъ посвященъ весенній праздникъ красной горки. — Мы уже имѣли случай гонорить, что Лада никогда не существовала между русскими Славянами, и что это вымышленное божество Стрыйковского, а посему никакого не могло быть праздника въ честь мнимой у насъ богини Лады.

А мы просо съяли, съяли,
Ой дядь-ладо, съяли, съяли!

Стоящіе напротивъ, отвѣчаютъ:

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой дядь-ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!

И продолжаютъ перепѣваться до слова прибыло.

А чемъ же вамъ вытоптать, вытоптать?

Ой дядь-ладо, вытоптать, вытоптать!

А мы коней выпустимъ, выпустимъ,

Ой дядь-ладо, выпустимъ, выпустимъ!

А мы коней переймемъ, переймемъ,

Ой дядь-ладо, переймемъ, переймемъ!

А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?

Ой дядь-ладо, перенять, перенять!

Шелковымъ поводомъ, поводомъ,

Ой дядь-ладо, поводомъ, поводомъ!

А мы коней выкупимъ, выкупимъ,

Ой дядь-ладо, выкупимъ, выкупимъ!

А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?

Ой дядь-ладо, выкупить, выкупить!

А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,

Ой дядь-ладо, сто рублей, сто рублей!

Не надо намъ тысячи, тысячи,

Ой дядь-ладо, тысячи, тысячи!

А намъ надо дѣвицу, дѣвицу,

Ой дядь-ладо, дѣвицу, дѣвицу!

Одна изъ дѣвицъ переходитъ на другую сторону.

А нашего полку убыло, убыло,

Ой дядь-ладо, убыло, убыло! —

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой дидь-лада, прибыло, прибыло! —

Продолжаютъ пѣть, пока не перейдутъ на одну сторону всѣ дѣвушки. — Въ Малороссіи это одна изъ любимѣйшихъ забавъ дѣвушекъ, которыя не всегда допускаютъ въ свой кругъ мужчинъ.

Просо сѣять играется въ смоленской губерніи съ небольшими измѣненіями. Тамъ мужчины и дѣвушки, побравшись за руки, становятся въ два ряда, образующіе двѣ половины. Одна изъ нихъ, взмахнувъ руками, будто бросаетъ зерна, начинаетъ пѣть:

1. А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой дидь-лада, сѣяли, сѣяли!
2. А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой дидь-лада, вытопчемъ, вытопчемъ!
1. Да чѣмъ-то вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой дидь и лада, вытоптать, вытоптать!
2. А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой дидь и лада, выпустимъ, выпустимъ!
1. А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой дидь и лада, переймемъ, переймемъ!
2. Да чѣмъ-то вамъ перенять, перенять?
Ой дидь и лада, перенять, перенять!

Первая половина, растянувшись цѣпью, продолжаетъ:

1. А шелковыя неведомъ, неведомъ,
Ой дидь и лада, неведомъ, неведомъ! —
2. А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой дидь и лада, выкупимъ, выкупимъ!
1. Да чѣмъ-то вамъ выкупить, выкупить?
Ой дидь и лада, выкупить, выкупить!

2. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой дидь и лада, сто рублей, сто рублей!
1. Не надо намъ тысящи, тысящи,
Ой дидь и лада, тысящи, тысящи!
2. А мы дадимъ молодца, молодца,
Ой дидь и лада, молодца, молодца!
1. Не надо намъ молодца, молодца,
Ой дидь и лада, молодца, молодца!
2. А мы дадимъ дѣвицу, дѣвицу,
Ой дидь и лада, дѣвицу, дѣвицу!
1. Вотъ то-то намъ надобно, надобно,
Ой дидь и лада, надобно, надобно!

Послѣ этого двое мужчинъ первой половины, поднимаютъ руки вверхъ и образуютъ изъ нихъ подобіе воротъ, а третій, т. е. тотъ, который отдалъ дѣвицу, бѣжитъ въ ворота со всѣмъ хороводомъ; но тутъ опускаютъ руки, чтобы разлучить его съ своимъ хороводомъ, и когда успѣютъ, тогда поетъ первая половина:

1. Нашего полку прибыло, прибыло,
Ой дидь и лада, прибыло, прибыло!
2. А нашего убыло, убыло,
Ой дидь и лада, убыло, убыло! —

Это продолжается убывать дотѣхъ поръ, пока останется во второй половинѣ одинъ только человекъ, и этимъ оканчивается игра. — Поютъ еще иначе:

- Краены дѣвушки чищу чистили,
Молодушки пашню пахали.
А мы просо сѣяли,
А мы коней пуцали. —
Диди, ла, ой, пуцали. —
А мы коней ловили,
А мы коней выручили —

Диди, ла, ой, выручали. —
 За вырочку сто рублей!
 За сто рублей славы нѣтъ,
 Диди, ла, ой, славы нѣтъ!
 А мы возьмемъ тысячу.
 За тысячу слова нѣтъ,
 Диди, ла, ой, слова нѣтъ!
 У насъ у полку прибыло.
 У насъ у полку убыло,
 Диди, ла, ой, убыло!
 Красныхъ дѣвокъ прибыло, —
 Молодушекъ убыло.

Просо сѣять поють въ Галиціи почти одинаково, какъ у насъ на Руси,

А мы просо сѣяли, ой дидъ и ладо!
 А мы просо вытопчемъ, ой дидъ и ладо!
 Да чѣмъ же вамъ вытоптать? ой дидъ и ладо!
 А мы коней выпустимъ, ой дидъ и ладо!
 А мы коней переймемъ, ой дидъ и ладо!
 Да чѣмъ же перенять? ой дидъ и ладо!
 А шелковымъ неведомъ, ой дидъ и ладо!
 А мы коней выкупимъ, ой дидъ и ладо!
 Да чѣмъ же вамъ выкупить? ой дидъ и ладо!
 А мы дадимъ дѣвицу, ой дидъ ладо! ()

Бранье
льча.

Этотъ хороводъ разыгрываютъ по большей части послѣ бранья льча, въ концѣ лѣта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ играютъ его въ *бабѣ льто*, а въ другихъ когда зазеленѣтъ лѣсъ. — Образовавъ кругъ, ставятъ въ срединѣ дѣвушку, которая, представляя берушую лень, поетъ вмѣстѣ съ хороводомъ :

(*) Kollar: *Národ. Zpiew.* ч. I. с. 400.

Я посю блвой лень,
 И тонокъ и волокнистой.
 Уродился блвой лень,
 И тонокъ и волокнистой.
 Сталь лень зеленѣти,
 Сталь лень созрѣвати.
 А я молодешенька,
 Начала горевати :
 Съ кѣмъ-то лень мнѣ брати ?
 А свекоръ тутъ отозвался, —

Одна изъ дѣвушекъ отвѣчаетъ вмѣсто его :

Я съ моею снохой,
 Я съ моею съ молодой!

Берущая лень :

Чортъ возьми его!
 Это не бранье,
 Одно гореванье!

Продолжаютъ пѣть :

Я посю блвой лень,
 И тонокъ и волокнистой.
 Уродился блвой лень,
 И тонокъ и волокнистой. —
 А я молодешенька,
 Зачала горевать :
 Съ кѣмъ-то мнѣ лень братъ ?
 А свекровь тутъ сказала :

Другая дѣвушка откликается вмѣсто свекрови.

Я съ моею снохой,
Я съ моею съ молодою!

Берущая ленъ отвѣчаетъ:

Чортъ возьми се!
Это не бранье,
Одно гореванье!

Продолжаютъ пѣть:

Я посю бялой ленъ,
И тонокъ и волокиистой.
Уродыся бялой ленъ,
И тонокъ и волокиистой. —
А я молодешенька,
Зачала горевать:
Съ кѣмъ-то ленъ мнѣ брать?
А милой тутъ.

Выходитъ третья дѣвушка:

Я съ тобою,
Съ моею дорогою!

Берущая ленъ отвѣчаетъ:

Вотъ-то ужъ бранье!
Все лишь цѣлованье!

За нею повторяетъ то же самое весь хороводъ.

Бранье льна выражаетъ простосердечіе дѣвушки, думающей, что вся жизнь ея одно только цѣлованіе.

Плетень. Веселая, живая и увеселительная дѣвическая забава, — это плетень. Какойже она заключаетъ въ себѣ смыслъ? Посмотримъ на самое образованіе. Становятся дѣвушки въ одинъ рядъ и всѣ переплетаются руками въ

видѣ плетня. Не значеніе ли это чистой дружбы? Но самая пѣснь выражаетъ совѣтъ другое. Пропѣвъ первые три стиха, первая пара поднимаетъ дугообразно вверхъ руки, чрезъ ихъ дугу проходятъ попарно всѣ прочія въ хороводѣ, и потомъ расплетаются. Не означаетъ ли это разстройство дружбы? — Откуда же плетень перешелъ къ намъ? — Греки любили эту забаву. Греческія дѣвушки, пѣвшія хоромъ при богослуженіи, стояли у жертвенника, переплелись руками, представляя этимъ дружбу добрыхъ и чувствительныхъ сердецъ: злые не могутъ даже стоять вмѣстѣ. Нѣтъ доказательствъ, чтобы плетень перешелъ къ намъ изъ Греціи. Въ Европѣ его нѣтъ, и тамъ никогда не знали его. — Нѣкоторые русскіе обряды сходствуютъ съ греческими, изъ этого можно бы заключить, что мы, Русскіе, позаимствовали отъ нихъ и плетень — нѣтъ, Русскіе сами изобрѣли плетень: веселый ихъ духъ и расположеніе къ удовольствію, изобрѣли эту забаву. — Въ какое время появился у насъ плетень? По слогу пѣсни она не ранѣе полов. XVI вѣка, ибо самое слово *сахарный*, встрѣчаемое здѣсь, показываетъ, что она не могла быть ранѣе: потому что сахаръ вошелъ у насъ, во всеобщее употребленіе, около этаго времени, — хотя онъ былъ извѣстенъ намъ въ XI вѣкѣ. — Вотъ самая пѣснь:

Заплетися плетень, заплетися!

Ты завейся труба золотая,

Завернися камка кружчатая.

Изъ за-горъ дѣвица утей выгоняла:

Тиги! утушка домой,

Тиги! сврая домой. —

Я сама гуськомъ,

Я сама сѣринькимъ.

Ой свѣтъ, свра утца!

Потопила малыхъ дѣтушекъ :

Во меду, во патоку,
И въ яствѣ сахарномъ.

Я дамъ старикамъ,
Киселя съ молокомъ ;
Краснымъ молодкамъ,
Шелковую плетку ;
А нашимъ дѣвицамъ,
Бѣлизъ и румянъ. —

Расплетайся плетень, расплетайся!

Въ это время хоровадь расплетается. Первая пара дѣлаетъ дугу, чрезъ которую всѣ проходятъ, расплетаясь постепенно, какъ бы нехотя, и поютъ всѣ:

Ты развейся труба золотая,

Ты развернися, камка кружчатая!

Изъ за-горъ дѣвица утей выгоняла :

Тиги! утушка домой.

Тиги! сѣрая домой!

Я сама гуськомъ,

Сама стринькинь.

Ой свѣтъ, сѣра утица!

Вынимала малыхъ дѣтушекъ

Изъ меду, изъ патоки,

Изъ яствѣ сахарныхъ. —

По расплетеніи расходятся въ разные стороны, и оканчиваютъ припѣвомъ:

Тиги! наша молодость,

Тиги! дѣвичья краса.

Послѣдній припѣвъ есть намекъ на дѣвическую, скоропролетающую молодость и на ея быстроувядаю-

шую прелесть. И что такое краса дѣвушекъ? — Одно мечтательное достоинство. (*)

Въ плетень не вездѣ играютъ единообразно. Въ смоленской губерніи мушчины и дѣвушки, побравшись за руки, составляютъ сначала кружокъ и поютъ:

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся труба золотая,
Завернися камка парчевая. —
Какъ свра утица,
Потопила дѣтушекъ:
Да въ меду и въ патоку,
Да и въ яствахъ сахарныхъ.

Потомъ, при повтореніи снова этой пѣсни, начинаютъ заплетать плетень: первая пара лѣвой стороны поднимаетъ руки вверхъ въ видѣ дуги, сквозь которую ведетъ хороводъ, избранная мать; потомъ вторая особа поворачивается спиною къ первой, и заплетаютъ плетень: лѣвая рука первой особы, идетъ черезъ лѣвое плечо и грудь второй, и соединяется съ правой ея рукою, а лѣвую свою руку поднимаетъ вторая особа вмѣстѣ съ третьей, въ видѣ дуги, черезъ которую проходитъ хороводъ, и когда онъ дойдетъ до пары, поднявшей руки вверхъ, тогда третья особа поворачивается спиною ко второй, и лѣвая рука второй особы, идетъ черезъ лѣвое плечо и грудь и соединяется съ правою рукою третьей, и т. д. Такимъ образомъ заплетается весь плетень. Пѣснь поется безумолчно. По заплетеніи плетня, мать про-

(*) Въ пѣсельникѣ Прача. изд. 1790 года, и въ пѣсельникахъ изд. С. П. Б. 1819 г. и изд. Московск. 1822 г., плетень совершенъ и переначенъ. См. тамъ эти хороводныя пѣсни.

буетъ: крѣпокъ ли онъ? потому шатаетъ его во всѣ стороны, и запѣвши :

Расплетися плетень, расплетися,
Ты развейся труба золотая,
Развернися камка парчевая.
Кабы свра утица,
Потопила дѣтушекъ :
Ни въ меду, ни въ патоку,
Да ни въ яствахъ сахарныхъ.

Идетъ уже въ противную сторону и расплетаетъ плетень. —

Въ саратовской губерніи играютъ въ плетень иногда зимою. Въ вечерніе часы собираются парни, дѣвушки и молодухи, и на улицѣ составляютъ хороводъ, переплетая рука съ рукою. Послѣ словъ:

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся труба золотая,
Ты завейся камка кружчатая,

Хороводъ выпрямливается. Первая съ конца пара поднимаетъ вверхъ переплетенныя свои руки, подъ которыми проходятъ всѣ играющія, не расплетаясь, и вторая изъ первой прошедшей пары, сдѣлавъ оборотъ за дугою, становится спиной къ первой своей подругѣ, и положивъ свою руку на ее плечо, передаетъ другую слѣдующей, за коюю всѣ слѣдующія переплетаются въ этомъ порядкѣ, и поютъ въ тоже самое время. Когда всѣ заплетутся, тогда, послѣ словъ:

Расплетайся плетень, расплетайся,

Первая пара, проходя подъ руками послѣдней, начинаетъ расплетаться, и это продолжается дотолѣ, пока всѣ не расплетутся. —

Становятся дѣвушки въ одинъ рядъ, который чѣмъ Галка. длиннѣе, тѣмъ красивѣе. Двѣ дѣвушки, стоящи на одномъ какомъ либо концѣ, *водятъ хороводъ*: это значить, когда одной изъ нихъ пропеютъ имя, тогда она съ своей подругою переходить съ своего конца на другой, поднимаетъ тамъ съ нею свои руки вверхъ дугообразно, и чрезъ эту дугу проходятъ всѣ дѣвушки, одна за другой. Первая, проходящая чрезъ дугу, *водитъ танецъ*, т. е. за нею идутъ всѣ дѣвушки игривой вереницею, въ родѣ танца. Когда всѣ пройдутъ, тогда державшія руки вверхъ, не опуская ихъ, дѣлаютъ полуоборотъ и потомъ останавливаются уже въ послѣднемъ ряду. Водившая же танецъ становится, съ первой своею сосѣдкою на мѣстѣ водившихъ хороводъ, и такимъ образомъ продолжаютъ играть поочередно, пока всѣхъ не переберутъ.

При пѣніи пѣсни всѣ машутъ руками единообразно, доколѣ не наступитъ очередь водить танецъ.

Ой галко, галко,
Золотая клюшнице!
Стань же намъ на помочи:
Зѣ молодыми молодыцами,
Зѣ красными дивчатами.

Ой галко черна,
Чимъ не моторна,
Чому не ночуешъ дома? —
Галочка лятае,
Парочки шукае.

А ты Настусю, скочь на кинецъ,
А ты Ганусю, веди танецъ.

Поименованная Настуся (Анастасія) переходить съ своей подругою на другой конецъ, и поднимаетъ съ нею руки дугообразно, а поименованная Гануся (Аннушка)

ведетъ танецъ, и, когда онъ идетъ, тогда все поютъ,
за исключеніемъ держащихъ руки вверхъ.

Ой галочка черна,
Чимъ не моторна,
Чому не ночуешь дома?
Галочка лигас,
Парочки шукас. —

Галка одинокая летаетъ не весело, потому что ищетъ
себѣ дружка, такъ и каждая дѣвушка, томясь одино-
чествомъ, ищетъ себѣ друга вѣковѣчнаго. —

Щетка. Дѣвушки и мужчины, побравшись за руки, ходятъ
вокругъ одной дѣвушки, которая въ то время, бѣгая
по кругу, бьетъ въ ладоши и припѣваетъ съ дру-
гими:

Щетка маленька,
Новидай де твоя ненька?
На маковци сидила,
Дрибенъ мачокъ дзюбала:
Дзюбъ, дзюбъ, дзюбанецъ,
Ходить дивка у танецъ,
А за нею молодець.
Не ходы дивко у танецъ,
Лихо буде пидъ кинецъ.

Выходитъ изъ круга молодець и подходя къ каж-
дой дѣвушкѣ, говоритъ:

Горю, горю, пень!
Дѣвушка. Чего ты горить?
Молодець. Щетки, гребинки, красной пани.
Дѣвушка. Яком? (какой)
Молодець. Тебе молодом. —

При этомъ словѣ дѣвушка выбѣгаетъ изъ круга, а молодецъ бросается ловить ее. Если онъ словить ее, то она становится въ кругъ, а если нѣтъ, то онъ самъ вмѣсто бѣгавшей по кругу.

Молодость всегда горитъ любовью. —

Дѣвушки и парни, побравшись за руки, ходятъ ме- ^{Горо-}
дленнымъ кругомъ и поютъ притопывая:

Посіавъ я горошекъ на зеленій нивцѣ,
Купывъ же я черевички свой чернобривцѣ;
Щей горошекъ не взійшовъ, только лободочки.
Витоптала жъ черевички, только за пяточки.

Ой дивчино чія ты? чи выйдешъ ты на улицу гуляты?
Не пытайся чія я, коли выйдешъ, выйду и я;
Коли ходишъ, то ходы; колы любишъ, то люби.
Не зводъ мене зъ ума, колы думки нема. —

Этимъ пѣніемъ оканчивается хороводъ, который однако возобновляется по желанію. —

Когда мушинѣ по сердцу дѣвушка, тогда онъ не долженъ коварствовать предъ нею, ибо самая пѣснь говоритъ: *если любишь меня, то люби; но не своди меня съ ума, когда на мысли нѣтъ любви* (*)

(*) Три эти хоровода суть малороссійскіе; они пропущены въ оглавленіи хороводовъ, равнообразно пропущены въ оглавленіи игръ слѣдующія три малороссійскія игры, а именно: *жело, украє рѣчки и дробушки*, которыя по этому помѣщаются здѣсь въ примѣчаніи.

Нѣсколько дѣвушекъ и парней садятся на земль въ тѣсный ^{Толо.}
кружокъ, а одинъ кто либо изъ играющихъ садится посрединѣ ихъ, нагнувшись головою къ самой земль. Вся играющіе

Барское
угоще-
ніе.

Въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, разыгрыва-
ютъ поселяне предъ барскимъ домомъ хороводъ, назы-
ваемый барскимъ угощеніемъ. Этотъ хороводъ имѣетъ
въ рѣдкомъ употребленіи. Мнѣ случилось однажды
видѣть, что поселяне разыгрывали его въ праздникъ
послѣ перваго сѣнокоса. Пришедъ толпою къ дому

кладутъ на спину нагнувшагося свои руки, и потомъ одинъ
изъ парней или одна изъ дѣвушекъ, взявъ чей либо перстень,
поетъ:

Ой толо, толо, золотое перо,
Да було соби толо съ квитками,
Ступаючи на перину съ дивками,
Да думай же толо, да гадай толо:
На чій руци, на мережанци,
Перстень упавъ?

При этомъ словъ кладеть кому либо на руку перстень, а
нагнувшися, положимъ дѣвушка, должна отгадать: на чію
руку онъ положенъ? Если не отгадаетъ, то прежняя дѣвушка
поетъ:

Не вгадала Анна панна,
Пресличная Анна панна,
На чій руци, на мережанци,
Перстень упавъ.

Потомъ снова начинается пѣть прежде: ой толо, толо, и т.
д.; послѣ опять кладеть перстень и это продолжается дотома,
пока нагнувшися не отгадаетъ. Когда же отгадаетъ: на чію
руку былъ положенъ перстень, тогда она встаетъ а ея мѣсто
занимаетъ отгадавшая, и такимъ образомъ играютъ, пока не
наскучитъ.

своего господина и не спросясь его дозволенія, они начали пѣть и танцовать; помѣщикъ угощалъ ихъ потомъ виномъ и ужиномъ.—Примлагаемая пѣснь списана со словъ поселянъ смоленскаго уѣзда.

Эта игра составляетъ просто одну разную забаву, но въ ней часто прокрадывается желаніе дѣвушекъ: угадать ли ея руку, кто дорогъ ея сердцу? Но отгадыванію судятъ объ исполненіи своихъ желаній. —

Двѣ дѣвушки, поднявъ свои руки вверхъ, образуютъ дугообразные ворота. Прочія дѣвушки, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше, побравшись за руки и составивъ кругъ, идутъ попарно одна къ другой спиною; и не разрывая круга, проходятъ попарно же чрезъ ворота. Прощедши ворота, онѣ растягиваютъ свой кругъ какъ можно побольше, и держась крепко за руки, кружатся быстро въ одну какую либо сторону, и поютъ:

А вкравъ ринки,
Полетѣли къ чорту литки.
Кто оторвется,
Тому не минетца.

Кто вырывается изъ круга и падаетъ, тотъ уже не принимается въ игру и еще насмѣхаются надъ упавшимъ. — Такъ и въ свѣтъ.

Въ другихъ мѣстахъ эта самая забава носитъ названіе игры въ *дурное колесо*. Такое названіе конечно произошло отъ того, что кругъ вертится колесомъ, и такъ скоро, какъ можно, а отъ этого вертѣнія происходятъ головокруженія и ушибы.

Въ нее играютъ только вдвоемъ. Ставъ другъ противъ друга ^{Аробуш-} и взявшись за руки, вытягиваютъ ихъ какъ можно подлиннѣе, и въ то же самое время протягиваютъ свои ноги, кончи

Близъ города Смоленска
 Протекаль быстрый Двѣпръ,
 По той по рѣкѣ быстрой,
 Плывъ осетръ рыба,
 Осетръ рыба свѣжая.
 Ой вы, ребята молодые!
 Закиньте невода,
 Ловите осетра.—

Какъ бы его словить!
 Хозяину на столъ,
 На скатерти тканья,
 На блюда серебряныя.

Близъ города Смоленска
 Протекаль быетрый Двѣпръ,
 По той по рѣкѣ быстрой,
 Разыгрались черны соболи. —
 Завидѣли молодцы во чистомъ полѣ.—

упираются взаимнообразно; потомъ начинаютъ кружиться прищывая:

Дробу, дробу, дробушечки,
 Навъшися петрушечки.
 Гля, гля, до воды,
 Навъшися лободы. —

При быстромъ круженіи опускаетъ кто либо руки съ наиврѣніемъ, или иногда сами опускаются руки отъ головокруженія, и тогда одинъ изъ нихъ летитъ на землю, а часто падаютъ вмѣстѣ. Зрители этой забавы издѣваются и хохочутъ надъ упавшими.

Дробушечки доставляютъ очень хорошее тѣлесное упражненіе, но въ этой игрѣ высказывается смыслъ падающихъ.

Ой вы, ребята молодцы,
 Раскиньте путы,
 На черныхъ соболей.
 Ахъ какъ бы ихъ изловить!
 Хозяюшкѣ на шубку,
 А дочкамъ на бѣлы плечи. —

Совершенство хороводовъ измѣнено въ нѣкоторыхъ мѣ- ^{Вьюнъ и} стахъ, именно въ олонцкой губерніи. Тамъ они пре- ^{кругъ.} вращены въ вьюнъ и кругъ, при коихъ часто поются плясовые пѣсни; разыгрываются весною и лѣтомъ, потому помѣшены здѣсь между лѣтними хороводами. Вьюнъ есть пляска; онъ похожъ на польскую, съ тѣмъ различіемъ, что въ польскомъ мущина выбираетъ даму и проходитъ съ нею всѣ комнаты, а въ вьюнѣ выбираетъ дѣвушка мушину и ходитъ съ нимъ по комнатамъ. Въ кругѣ становятся дѣвушки парами; одна изъ нихъ запѣваетъ пѣснь, другія подхватываютъ общимъ хоромъ, ходя вокругъ тихой пляскою и продолжая безпрерывное пѣніе, которое часто сопровождается хлопаніемъ въ ладоши. (*) Иногда кругъ останавливается, тогда одна какая нибудь пара выходитъ на средину и начинаетъ русскую. Танцовщицы помахиваютъ бѣлыми платками и изъясняются движеніями. — Вотъ нѣсколько образцовъ, хороводно-плясовыхъ игръ.

Всѣ мужья до женъ добры,
 Покупили женамъ бобры;
 Мой мужъ не ласковъ до меня,
 Не купилъ мнѣ черна бобра.

(*) Должно замѣтить, что всѣ пѣсни въ олонцкой губерніи называются *пачемъ*.

Онъ корову купилъ,
 Мнѣ заботу снарядилъ;
 Лучшебъ масла и муки кушилъ,
 Ябъ стряпейку наняла. (*)
 Стряпейшкѣ бь постряпывала,
 А я млада похаживала,
 Каблуками приколачивала.
 Вы быльцы, румянца мои,
 Дорогія, новокупленыя,
 Въ зелено вино возложенныя,
 На бѣло лицо положеныя!
 Скатись съ бѣлаго лица долой!
 Ъдетъ добрый мужь домой,
 Любимые подарочки везеть:
 Шелкову плеть не свистанную (**)
 На младу жену избалованную. —

Девушка въ горшкѣ сидѣла,
 Сквозь оконушко глядѣла,
 Сквозь хрустальное стекло.
 Не работушку работала,
 Гребенемъ голову чесала,
 Русу косу плела,
 Въ гости милаго ждала.
 Не дождавши своего милова,
 Постелюшку постлала,
 И заплякала пошла. —
 Почастехонько въ окошко поглядывала.
 Что нейдетъ ли, не летитъ ли,
 Съ поля миленькой дружокъ?
 Не ясенъ соколъ летитъ,
 Съ поля миленькой идетъ,

(*) Стряпейка, — стряпуха, повариха. —

(**) Подъ этимъ словомъ разумеютъ такую плеть, которую еще никого не били. —

Своими резвыми ногами,
 Милъ постукиваетъ ;
 Своими бѣлыми руками
 Милъ помахиваетъ;
 Своими желтыми кудрями,
 Милъ потряхиваетъ.

Прямо, прямо, мой милый,
 Ко мнѣ въ высокой теремъ!
 Ко мнѣ въ высокой теремъ!
 На тесовую кровать,
 На правую ручку спать.

Началъ паренъ красну дѣвку цѣловать, миловать;
 Цѣловавши, миловавши, приговаривать
 Надъ моей русой косой,
 Надъ дѣвичьей красотой :
 Ужь ты, косынька-коса!
 Не ты ль меня, косынька, повисушила?
 Не ты ль меня съ ногъ сронила?

Ужь ты Ванюша, Иванъ,
 Ваня, братецъ мой!
 Прилюбился разумъ твой,
 Весь обычай дорогой.
 Перестань Ваня пить,
 Будутъ дѣвушки любить,
 Станутъ молодушки хвалить.
 Ужь какъ я молода,
 Одинокая была, въ одиночествѣ жила:
 Затопила млада печку,
 Сама по воду пошла. —
 На водушки на водъ,
 Гуси, лебеди сидятъ,
 Свѣжу водушку мутятъ.
 Почерпнула я, пошла,
 До полу-горы дошла,
 До царевнѣ кабака.

У царева кабака сочинилася бѣда, —
 Загорѣлась слобода.
 Какъ на этотъ на пожаръ,
 Съѣзжались господа,
 Со узднаго суда.
 Ахъ, что этотъ за пожаръ!
 Онъ не жарко горить,
 Онъ не жарко горить,
 Только смахиваетъ.
 Ахъ, что это за мужъ,
 Молоду жену не бьетъ!
 Бей жену къ обѣду, —
 Къ ужину снова, да опять,
 Чтобы щи были горячи,
 Каша масляная....

Удалая голова!
 Удалая голова!
 Не ходи мимо сада.
 Въ немъ тропиньки не топчи,
 И дорожки не тори.
 Ты дорожки не тори,
 Худой славы не клади.
 Худа славушка пройдетъ,
 Никто за мужъ не возьметъ:
 Ни подьячій, ни купецъ,
 Ни удалый молодець.
 Отцу, матери безчастье,
 Роду племени укоръ,
 Роду племени укоръ.
 Съ плечъ головушка долой! (*)

(*) Эта пѣсня поется точно такъ же и въ смоленской губерніи, и она такъ же напечатана въ старинномъ пѣсенникѣ. —

Мнѣ нельзя идти домой!

Скажу такъ, скажу сякъ,

Скажу изнова оиать:

Я во садку была, во зеленомъ гуляла;

Сладки яблочки щипала, наливчатая,

Я наливчатая, самы разсыпчатая,

Я на блюдечко клала, на серебряный подносъ,

Въ высокъ теремъ пошла,

И милому поднесла.

Милый яблочекъ не принялъ,

Ничего не говоритъ:

Ни отказываетъ, ни приказываетъ.

Только и знаетъ мой миленькой,

Что сердить на меня.

Разсержусь же я молодёшенька,

Я сама ль на него,

Еще ль по крѣпче ль того.

Не огонь горитъ, не смола кипятъ,

А кипятъ, горитъ ретиво сердце,

Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,

А кипятъ, горитъ по красной дѣвушкѣ.

Что отъ дѣвушки пришла вѣсточка,

Пришла вѣсточка скоро грамѣтка!

Красна дѣвица есть трудна, больна,

Во постелюшкѣ, во могилушкѣ.

Я найду съ горя на почтовый дворъ,

Я найму пару вороныхъ коней;

Я повзду ли ко могилушкѣ,

Ко могилушкѣ, ко красной дѣвушкѣ:

«Ты встань-ка, красная дѣвица!

«Ты отдай-ка, отдай мой тальянской платъ,

«Ты бери, возьми свой злаченъ перстень.

«Ужъ мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,

«Тебѣ тѣмъ платкомъ жениха дарить.»

Эта старинная пѣснь, сочиненная въ Петербургѣ въ началѣ XVII стол., переименована оленецкими жителями, и она пѣвалась такъ :

Какъ въ городѣ во Санктптерь,
 Что на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ,
 На Васильевскомъ славномъ островѣ;
 Какъ на пристани корабельной,
 Молодой матросъ корабли снастилъ,
 О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ.
 Что изъ высока нова терема
 Изъ косящетова окошечка,
 Изъ хрустальныя изъ оконечки, —
 Усмотрѣла тутъ красна дѣвица,
 Красна дѣвица, дочь отецкая,
 Усмотрѣвъ, выходила на берегъ,
 На Неву рѣку воды черпати;
 Почерпнувши, ведра поставила,
 Что поставивши слово молвила :

Ахъ ты, душечка! молодой матросъ!
 Ты за чѣмъ рано корабли снастишь?
 О двѣнадцати тонкихъ парусахъ?
 Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ!
 Какъ отвѣтъ держать добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ, молодой матросъ:
 Ахъ ты, гоѣ еси красна дѣвица,
 Красна дѣвица, дочь отецкая!
 Не своей волей корабли снащу:
 По указу ли Государеву,
 По приказу адмиральскому.
 Подняла ведра красна дѣвица,
 Поднявши, сама ко двору пошла.

Изъ камня изъ подъ бѣлова,
 Изъ подъ кустика изъ подъ ракътова,
 Не огонь горить, не смола кипить,

Что кипить сердце молодечкое,
 Не по батюшкѣ, не по магушкѣ,
 Не по братцѣ, не по родной сестрѣ,
 Но по душечкѣ красной дѣвицѣ.
 Перепала ли ему вѣсточка;
 Красна дѣвица немощна лежать.
 После вѣсточки скоро грамотка: —
 Красна дѣвица переставилась!
 Я пойду теперь на конешній дворъ,
 Я возьму коня что не лучшаго,
 Что не лучшаго, самодобраго.

Я поѣду ли къ Божьей церкви;
 Привяжу коня къ колодезникѣ,
 Самъ ударюсь объ сырую землю!
 Раступися ты мать, ома земля!
 И раскройся ты гробова доска,
 Развернися ты золота шарча,
 Пробудися ты красна дѣвица!
 Ты протись со мной, съ добрымъ молодцомъ,
 Съ добрымъ молодцемъ, другомъ милымъ,
 Съ твоимъ вѣрнымъ влюбвиномъ. (*)

Ты отеческая дочь!

Не ходи гулять въ полночь,
 Не ходи гулять въ полночь;
 Мимо моего двора,
 Не прокладывая стѣда. —

(*) Новое и полн. собран. пѣсень ч. 1. № 177. издан. Моск. 1780 года. Эта пѣснь перепечатана въ новѣйшемъ и полномъ общенародн. пѣсенникѣ № 144, издан. Моск. 1810. г.; въ новѣйш. и полн. пѣсен. ч. 2. издан. С. П. В. 1819. г., и ч. 2. издан. Моск. 1822. г. №. 232, но вездѣ съ иными именами.

У моего ли у двора,
 Прикутана, углажена гора:
 Водкою улита,
 Водкою улита,
 Каблуками убита,
 Лишь я скокъ на ледокъ, —
 Окаянный башмачокъ!
 Окаянный башмачокъ!
 Поскользнулся каблучокъ,
 Я упала на бочекъ!
 Не слыхала какъ упала,
 Погляжу млада, лежу,
 Я на правомъ на бому. —
 Я туда и сюда гляды:
 Меня не кому поднять.
 Шель дѣтина молодой,
 Не женатой, холостой.
 Я не знала какъ назвать,
 Поучилася солгать,
 Его душенькой назвать.
 Душа моя, душенька!
 — Ужь я радъ бы поднять:
 Со стороны люди глядятъ,
 Со стороны люди глядятъ,
 Поймать меня хотять;
 Руки, ножки связать,
 Во солдатушки отдать,
 Во солдатушки отдать,
 Отцу, матери не ждять.

За моремъ далече,
 Межъ горъ высоко.
 Тамъ моя милая
 Подъ окошечкомъ сидеть,
 Слезцо плачетъ, говорить:
 Идъ за той стороны

Воздухъ пріятный носеть, шепетъ,
 Где моя любезная живетъ,
 Сашинька живетъ, — скажи,
 Скажи, скажи, скажи!
 Любишь ли меня?
 Если ты любишь,
 Возьму за себя,
 Если же не любишь,
 Убью самъ себя.
 Напишу я надпись,
 Надъ гробомъ своимъ,
 Увидишь, узнаешь,
 Что върешь я былъ,
 На ней прочитаешь,
 Одну ее любить.
 Старые люди неразумныи,
 Словно молоды не бывали,
 Словно про любовь не слыжали.

Эту пѣснь поють протяжно и заунывнымъ голо-
сомъ.

Во полъ березышка стояла,
 Во полъ мудрая стояла,
 Люли, люли, стояла!
 Некому береза заломати,
 Некому береза заломати,
 Люли, люли, заломати!
 Я пойду березу заломлю,
 Я пойду березу заломлю,
 Люли, люли, заломлю!
 Вырвжу я три прутичка,
 Вырвжу я три прутичка,
 Люли, люли, три прутичка!
 Сдѣлаю я три гудочка,
 Сдѣлаю я три гудочка,

Люли, люли, три гудочка!

Четвертую балалайку,

Четвертую балалайку,

Люли, люли, балалайку!

Пойду я на новья на стани,

Пойду я на новья на стани,

Люли, люли, на новья на стани!

Стану въ балалаичку играть,

Стану въ балалаичку играть,

Люли, люли, играть!

Стану я стараго пробуждати,

Стану я стараго пробуждати,

Люли, люли, пробуждати!

Встань ты, старой чортъ, проснися!

Встань ты, старой чортъ, проснися!

Люли, люли, проснися!

Борода съдая, пробудися,

Борода съдая, пробудися,

Люли, люли, пробудися!

Вотъ тебъ помон, умойся,

Вотъ тебъ помон, умойся,

Люли, люли, умойся!

Вотъ тебъ рогожа, оботрися,

Вотъ тебъ рогожа, оботрися,

Люли, люли, оботрися!

Вотъ тебъ заслонка, помолнися,

Вотъ тебъ заслонка, помолнися,

Люли, люли, помолнися!

Вотъ тебъ брава, разчешися,

Вотъ тебъ брава, разчешися,

Люли, люли, разчешися!

Вотъ тебъ ометки, обуйся,

Вотъ тебъ ометки, обуйся,

Люли, люли, обуйся!

Вотъ тебъ шубенька, одвьйся,

Вотъ тебъ шубенька, одвьйся,

Люли, люли, одвьйся!

Во поле березанька стояла,

Во поле кудрявая стояла,

Люли, люли, стояла!

Некому березы заломати,

Некому кудрявой заломати,

Люли, люли, заломати!

Я пойду березу заломаю,

Я пойду березу заломаю,

Люли, люли, заломаю!

Выржу я три прутичка,

Выржу я три прутичка,

Люли, люли, три прутичка!

Сдылаю я три гудочка,

Сдылаю я три гудочка,

Люли, люли, три гудочка!

Четвертую балалайку,

Четвертую балалайку,

Люли, люли, балалайку!

Пойду я на новыя на сени,

Пойду я на новыя на сени,

Люли, люли, на новыя на сени!

Стану въ балалаичку играти,

Стану въ балалаичку играти,

Люли, люли, играти!

Стану я милаго пробуждати,

Стану я милаго пробуждати,

Люли, люли, пробуждати!

Встань ты, душа, пробудися!

Встань ты, душа, пробудися!

Люли, люли, пробудися!

Воть тебѣ водица, умойся,

Воть тебѣ водица, умойся,

Люли, люли, умойся!

Воть тебѣ полотенце, оботрися,

Воть тебѣ полотенце, оботрися,

Люли, люли, оботрися!

Вотъ тебѣ икона, помолися,
 Вотъ тебѣ икона, помолися,
 Люли, люли, помолися!
 Вотъ тебѣ гребешечекъ, причешися,
 Вотъ тебѣ гребешечекъ, причешися,
 Люли, люли, причешися!
 Вотъ тебѣ башмачки, обуйся,
 Вотъ тебѣ башмачки, обуйся,
 Люли, люли, обуйся!
 Вотъ тебѣ кафтанчикъ, нарядися,
 Вотъ тебѣ кафтанчикъ, нарядися,
 Люли, люли, нарядися!

Эту пѣснь поютъ еще и такъ:

Я пойду рабину заломая,
 Выломаю три прутчика! —
 Стану я стараго будити:
 Встань, мой старъ, пробудися!
 Вотъ тебѣ помокъ, умойся!
 Вотъ тебѣ рокожа, оботрися!
 Стану я малаго будити:
 Встань мой малъ, пробудися!
 Вотъ тебѣ грязна вода, умойся!
 Вотъ тебѣ тряпница, оботрися!
 Стану я ровнюшку будити:
 Встань мой ровнюшка, пробудися!
 Вотъ ключевая вода, умойся,
 Вотъ тебѣ платочекъ, оботрися,
 Вотъ тебѣ икона, помолися!
 Старый мужъ на руку ложится,
 Какъ колода валится,
 Ровнюша-мужъ на руку ложится,
 Легче пера лебединаго.
 Старый мужъ къ устамъ припадетъ,

Какъ смолой поливаетъ ;
 Ровнюшка мужъ къ устамъ принадесть ;
 Словно медомъ поливаетъ ;

Какъ вила сѣрая утка,
 Въ шелковой травѣ гвѣде!
 Она вила недѣлю,
 Она вила другую ;
 А на третью недѣлю подвѣлась, полетѣла!
 Какъ на встрѣчу той уткѣ,
 Государевы ловцы.

Эй вы ловцы, вы ловцы,
 Удалые молодцы!
 Не видали ли вы селесѣнка?
 Ужъ какъ твой селесѣнокъ,
 Во государевомъ во доми,
 На дубовомъ на столѣ,
 На серебряномъ блюдѣ,
 Бѣлымъ сахаромъ осыпанъ,
 И изюраномъ посыпанъ.
 За твоимъ ли селесѣнкомъ,
 Сидѣтъ Царь со Царицей,
 Молодецъ со дѣвицей. —

Какъ дѣвица то скажетъ :
 Я на смерть не навiju,
 Столь богата скупого ;
 Я еще не навiju,
 Кто вдову изобидитъ,
 Красну дѣвку осудитъ,
 Молодца обезчеститъ.

Ты построй, милой, теремъ,
 Противу терема теремъ,
 Изъ дверей во двери,
 Изъ окошка въ окошко. —

Не березанька съ березкой свивалася,
 Не дѣвушка съ молодцомъ совыкалася;
 Совыканьце было съ дружкой тайное,
 Разставанье же съ дружкой было явное.

Отъезжаетъ мой любезный,
 Во путь во дороженьку;
 Хоть не въ дальнюю, любезный!
 Жаль мнѣ и тошенько.

Онъ запылъ мой дружечекъ,
 Запылъ съ горя пивсеньку:
 Ты прощай-ка, прощай,
 Прощай моя любушка!
 Ты прощай-ка моя,
 Сивенька голубушка!

Наживай-ка ты себѣ дружка иного—
 Буде лучше наживешь, меня позабудешь;
 Буде хуже наживешь, меня вспомнешь.
 Пріѣзжай-ка мой любезный, жить-то мнѣ тошенько.
 Надорвется животь, животь и сердце плачуть,
 Все тебя мой другъ дежидаютъ! —
 Со восточныя, мой милой, со сторонунни,
 Со любезныя пути — дороженьки.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ИГРЫ :

I.	Игры дѣтскія	5.
II.	Игры дѣвическія	27.
III.	Игры мужескія	50.
IV.	Игры обоего пола	84.

ХОРОВОДЫ:

I.	Весенніе хороводы	133.
II.	Лѣтніе хороводы	213.

1	1
2	2
3	3
4	4

INDEX

5	5
6	6

ПОГРЪШНОСТИ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Чтати.
3.	2.	многочислены	многочислены
6.	5.	У бабушки? кушеми	У бабушки, кушала
21.	16.	паку	палку
24.	14.	курамъ	курамъ
26.	11.	раззоряются	разорются
—	12.	чѣя	чѣи
40.	24.	въ руку	руку
42.	16.	захватывають	захватываетъ
45.	1.	зависятъ	зависитъ
49.	6.	розданныя	розданныя
51.	13.	играють	играютъ
63.	9.	бабокъ	бабокъ
66.	21.	на лету	на лету
68.	5.	Если	Если
69.	6.	другю	другую
78.	1.	меньшья	меньшимъ
79.	12.	купцевъ	у купцевъ
89.	32.	въ воздухъ	въ воздухъ
106.	24.	названіемъ	название
108.	17—18.	принаніе	признание
110.	7.	мушья	мушина
110.	27.	чѣя	что
119.	20.	Продажа мѣста	Продажа холста
125.	18.	занинались	занимались
126.	13—14.	на дере- вѣе	на дере- вѣ
—	16.	понялъ	понялъ
136.	20.	ихъ въ разговорахъ	въ ихъ разговорахъ
140.	33.	лади	ладн
146.	25.	къ черту	къ чорту
—	28—30.	къ черту	къ чорту
148.	23.	на невѣсть	на невѣсть
156.	3.	полою	полою
164.	3.	со крутиго	со крутаго
166.	20.	гутъ	гутъ
171.	23.	кругомъ	кругомъ

180.	13.	люди
203.	7.	подлавица,
219.	34.	въ сло- ворѣ
235.	7.	находатся
236.	27.	не сойдется
247.	12.	Жена
249.	14.	они
254.	23.	касть
265.	27.	а потому
278.	27.	, кому
293.	3.	Седезень,
299.	16.	не знаетъ
318.	17.	нагнувшаяся
330.	4.	бѣлаляйку
—	7.	Лили

люди
налавица,
въ сло- ворѣ
находится
ни сойдется
Жена
они
касть
а потому
, кому
Седезень,
не знаетъ
нагнувшаяся
бѣлаляйку
Лили,

